

Георгий ДЗЮБА

**МЕДВЕДЬ
В КУРШКЕ**

Москва
Литературная Россия
2011

УДК 82-3
ББК 84-4
Д438

ДЗЮБА Георгий Евгеньевич

МЕДВЕДЬ В КУРИЛКЕ: – М.: Литературная
Россия, 2011. – 320 с.

© ДЗЮБА Г.Е., 2011

ISBN 978-5-7809-0142-6

ОБ АВТОРЕ И ЕГО КНИТЕ

Написать это предисловие согласился сразу же. Согласился по двум причинам. Во-первых, я знаю автора со середины 90-х годов, когда трудился художественным руководителем студии писателей-баталистов и маринистов ФПС России. А во главе отдела культуры пограничников был полковник Дзюба Георгий Евгеньевич. Отношения у нас сложились товарищеские и сохранились такими до тех пор, пока он не уехал на генеральскую должность далеко-далеко от Москвы. А когда он вернулся, то обратился к слову. И вот перед нами книга рассказов-воспоминаний о пережитом.

Не скрою, мне стало интересно, насколько моё представление о Георгии Евгеньевиче совпадёт с тем, каким он представлен в им написанном. Ведь измениться мог человек. Вы помните время конца 90-х годов?! Сколько всевозможных испытаний выпало на долю тех людей, кто взялся за руль управления нашим хозяйством?! Тут не только сорвёшь нервную систему, но и огрубеешь до предела, до того предела, когда становишься равнодушным ко всему на свете.

Так вот. Хочу сразу признаться, что встречей с этой книгой обрадован. Здесь обнаружил тот фермент состояния души, который обеспечил Георгию Дзюбе возможность избежать и казённости, и официальщины. Этим ферментом в повествовании, а стало быть, и в жизни автора выступает юмор. Лишённый чувства юмора человек во власти выглядит таким монстром, зашоренным знаком должности. Ничего подобного у Г.Е. Дзюбы. Серьёзность в нём каждый раз, когда грозит

опасность перерасти в стиль докладности, тут же согревается искрой юмора. Рассказывается, например, о проблемах Камчатки в экономическом балансе региона, и, кажется, вот-вот всё сведётся к графикам и цифрам. Ан нет! Включается проблиск: «Зима всегда приходит сюда внезапно, а навигация здесь обычно завершается неожиданно». Улыбнётся: а ведь это нашёнок – русское. И серьёз оборачивается человеческой озабоченностью. Вызывает улыбку и авторское представление, скажем, двух мужчин, идущих ему навстречу: «Один – бывший действующий, но уже соскользнувший из директорского кресла директор. Другой – нынешний, действующий, настоящий и уже год как чего-то бездействующий в этом же кресле директор».

Да и вообще, сколько запоминающихся типов встретилось ему на краю земли. И они ожили на страницах книги. Каждый неповторим в своей статье, крутизной характера, увлечённостью делом. Таковы Иван Христианович Михнов, который сумел хозяйственной хваткой создать группу рыбопромышленных компаний из маленькой артели, или Сашка – он же Александр Романович Чонь, пользующийся авторитетом у людей как депутат Камчатки. И мне понятно, почему они остаются в нашей памяти: Г.Дзюба сумел найти в каждом стержень характера, который по ходу рассказа обрастает теми душевными подробностями, деталями, какие и делают каждого неповторимо индивидуальной личностью. А это уже писательское мастерство, которое, уверен, разовьётся у Г.Дзюбы в дальнейшей творческой работе. Дайте срок, и вы убедитесь в верности моего прогноза.

Очень симпатична мне в манере Г.Дзюбы ещё одна составляющая его человечности: ирония и самоирония. Эти свойства снимают налёты патетики с речи о подвижничестве, возвышенное и пафосное переводят в разряд будничного. Как это

происходит в тексте? А вот как. Идёт, скажем, речь о том, что автор пожертвовал ночным сном, вызвавшись быть дежурным по очагу, огонь в котором поддерживал до утра. Понятно, что испытывает человек в подобной ситуации: и как борется со сном, с усталостью, как внутренне мог обидеться на спутников, которые не подменили его и т.п. Но вместо этого самоирония: очаг он «караулил до утра и ничего не сжёг».

Источником иронии выступает не только свойство натуры автора, но и очевидная, демонстрируемая подпитка оной из великого источника – из Гоголя с его смехом – весёлым и сквозь слёзы.

Читая книгу, вы непременно обратите внимание и на такую особенность повествования: современная жизнь на Дальнем Востоке органично соединяется с историей освоения дальних рубежей нашими предками, а история оказывается нерасторжимой с текущей экономической и социальной политикой федеральной власти в этих краях.

Словом, о времени совсем недавнем и далёком, об обычаях и мифах местных аборигенов, о себе и своих товарищах вы прочтёте в книге Георгия Дзюбы с тем же удовольствием и пользой для себя, с каким читал её и я.

Бор. ЛЕОНОВ

Леонов Борис Андреевич – доктор филологических наук, профессор Кафедры новейшей русской литературы Литературного института им. А.М. Горького, член Высшего творческого совета Союза писателей России, критик, литературовед.

Лауреат премий им. С.А. Есенина, им. А.А. Фадеева, «Золотой венец границы», Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

DOROGA TOCHKA RU

У каждого века есть своё средневековье.
Станислав Ежи Лец

Глава I. ДО БОГА ВЫСОКО, ДО ЦАРЯ ДАЛЕКО

Нежность зюйдовых мест

Чукотское бытие в приарктической семье айсбергов, медведей и оленей¹ возбуждало безумные грёзы о спелых бананах, коралловых рифах и полосатом шезлонге под козырьком. Сознание постоянно полоскало эту тему, а душа рвалась к югу. Она уже познала нежность самых зюйдовых мест Чукотки в Мейныпильгино и в Хатырке. Она жаждала пляжей и пальм, целила на юг и только на юг, откуда веяло благодостными и почти что материализовавшимися иллюзиями. Материализовавшиеся иллюзии бушевали в сознании, что ни пощупать, ни лизнуть не получалось. Призрачное счастье белозубо улыбалось и ехидно подсовывало рейды по новым оазисам бытия. Оазисами оказались Слаутное, Каменское, Корф и Тиличики в Корякии, Чайбуха и Эвенск – на Колыме. Не услаждали душу даже южные фамилии северной деревеньки Манилы и загадочного мыса Африка.

¹ Описание бытия в книге автора «Гуляй, тундра» (М.: Литературная Россия, 2010).

Вместе с душой сознание цепенело, так как перевод к новому месту службы состоялся, однако южнее Чукотки оказался север иных владьчеств, воспетых оптом в мастеровито причёсанных С.В. Михалковым строках главной песни страны.

Чтобы победить апатию от обрушившихся в сугробы сентиментально-сказочных грёз, подвернулась Гижига. После ликвидации анадырского острога она стала столицей северо-восточной части родной Империи. По методике музыканта Антонова от печали до радости были «реки и горы», «одно лишь дыханье», «рукой подать» или менее ста вёрст. Правда, от Эвенска. В этом месте, начиная с 14 апреля 1752 года, укрывались тайны крепости Гижига, обустроенной сибирскими казаками «дабы обеспечить сухопутное сообщение России с Камчаткою и чтобы постановить преграду возмущениям коряков...». На Чукотке не единожды слышал, что в кровопролитных вековых войнах с коряками чукчи не виноваты. Что коряки сами первыми начали и что даже в карательном войске майора Д.И. Павлуцкого в 1744 году из 400 агрессоров – коряков, двинувшихся на завоевание Чукотки, было почти что 200 душ. Уже в Корякии слыхивал такие правды, что здешние аборигены на самом деле – цыплят добрее, а вот чукчи подлыми были всегда. Так ощутил практически личную причастность к делам

Облонских с незначительным отличием в том, что всё смешалось не в их доме, а в головах людей, и француженка-гувернантка сюда не заходила.

Гижигинская земля обильно пропитана кровью как аборигенов соседских племён, так и их арбитров-завоевателей казаков. Оленные коряки всегда считались крепкими бойцами, хотя чукотским воинам они кое в чём уступали. Комендант крепости Гижиги капитан Т.И. Шмалев писал: «Чукчи с верноподданными Ее Императорского Величества коряками с давних пор имели несогласия: друг на друга ходили походами и чинили смертные убийства и грабежи, чем российским воинским людям, обязанным защищать коряков, наводили беспокойство». Только за 1725–1773 гг. историками установлено более полусотни русско-чукотско-корякских батальей с неоднозначными адресами и местами прописки завоевателей.

Летали копья, стрелы, пули и даже гранаты, кружили моноэтнические и интернациональные банды, Гижига стояла, но союз казаков с аборигенами фундамента не имел. Корякская «землица» на камчатском прямом и обратном маршруте была транзитной, что вдохновляло служивых на разбои и бесчинства и заканчивалось адекватными акциями местных народов. Казачий голова А.Ф. Шестаков, например, своей главной задачей считал покорение именно

коряков. В 1730 году он начал с завоевания князцов Короткова и Чабугу, затем на реке Таватоме обнаружил коряку Иллику с родниками, которых после отказа возратить накануне разграбленную ими казну и уплатить ясак побил и сжѣг заживо. В походе с Гижиги на реку Парень он выведал, что чукчи грабят коряков, и теперь уже выступил защитником последних. В очередной битве на р. Егачи (позднее стала называться рекой Шестаково побоище) у Шестакова уцелело всего лишь девять казаков. Казачий голова был ранен, а затем и добит чукчами, которые с захваченными у коряков оленями и казачьим трофейным скарбом триумфально убыли в сторону прианадырских земель. В это же самое время, когда казаки числились союзниками и защитниками коряков, бесчинства казачьего отряда Ивана Лебедева в устье реки Ямы привели к нападению на этот отряд корякских родовых дружин. Взять штурмом острог корякским воинам не удалось, однако служивых побили и разогнали по тундре, а затем сожгли Ямской острог и бот «Лев», захватили ясачную казну, оружие, боеприпасы, судовые инструменты, казачьи пожитки и даже пушку, не в курсе, что с ней дальше делать.

Вскоре коряки челобитничали новому казачьему командиру Павлуцкому о том, что «немирные неясашные чукчи <...> разорили (их. — Г.Д.) вконец». Павлуцкий тут же устроил кара-

тельную операцию в защиту коряков, примерно наказав чукчей и огнём, и металлом. А в 1732 году, когда взбунтовались ительмены Камчатки, «объектами» нападения Павлуцкого враз стали «изменники» коряки. На берегу реки Гижиги от разведки он узнал о неприступном корякском острожке в устье реки Парень и тут же выступил на его покорение. Защитники встретили казаков стрелами и камнями из пращей, даже контратаковали, ранив несколько казаков и самого Павлуцкого, но устоять против ручных гранат не смогли. Часть коряков предприняла безуспешную попытку вырваться из окружения, остальные, чтобы не оставлять жѣн и детей на милость победителям – поубивали свои семьи, а сами умирали, бросаясь с отвесных скал в море. Юрты, в которых засели последние защитники крепости, по команде Павлуцкого были завалены и сожжены вместе с обороняющимися. В этом бою погибло более 200 аборигенов. В числе потерь женщины и дети не считались. Для дальнейшего размножения коряков на пепелище крепости Павлуцкий любезно оставил несколько баб и подростков.

Эти события так потрясли и деморализовали корякское общество, что в последующем Павлуцкий уже «гуляючи» покорял другие ук-репрайоны и острожки, а затем озаботился тем, чтобы «...на реке Алюторе старой раззоренной острог возобновить...», что являлось стра-

тегическим узлом противостояния. Восстановления этого острога требовал Сенат, «чтоб имели страх чукчи»?!. Т.е. воевали две стороны, чтобы, в конце концов, восстановить бастион против третьей. Видный исследователь этих мест В.И. Иохельсон считал, что поход Павлуцкого «...был не что иное, как карательная экспедиция, столь же жестокая, сколь безрезультатная...». После школы арестов и ссылок университетов «Земли и воли» и «Народной воли», единомышленник и близкий соратник Ф.Энгельса, С.Перовской, В.Засулич, Э.Бернштейна и К.Каутского Владимир Ильич Иохельсон в здешних событиях разобрался так, как никто другой.

Вернёмся к Павлуцкому. Вскоре после его победоносного шествия теперь уже восстали коряки Култушного острожка и захватили Олюторский острог. Успех подвиг присоединиться к мятежу аборигенов Теличикинского и Говенского острожков, а также Олюторского носа. Не прекращались стычки и на бытовой почве. Так зимой 1736 года, например, на реке Гижиге служивые люди казака Семёна Арапова потребовали от коряков немедленно перевезти их на другой берег реки. Не желая задерживаться, пока коряки закончат разделку добытого кита, казаки принялись избивать аборигенов, затем «с ножами наголо ходить», а коряжских жён «блудно насиловать попеременно».

Понятно дело, что туземцы этого не простили и впоследствии за эти смертоубийства были даже оправданы. Истории известно множество и других примеров схожих «художеств», когда вопросы снимались только пулей или копьём.

Естественно, что о глубине коряжско-казачьей «дружбы» чукчи отлично знали. Тем не менее, они отвергли предложение коряков о союзе против казаков в восстании 1745–1756 гг. Тогда коряжские воины вождя Алыка самостоятельно и весьма успешно крушили Акланский острог, Воямпольскую крепость и другие бастионы имперской власти. Для устрашения вражеских воинов коряки нахлобучивали на свои головы шапки из волчьего скальпа с ушами, а защищая от чукотских банд свои стада, цепляли на рога одному из оленей-быков кухлянку. Тот вгонял в страх и ужас тысячи животных, безумные метания которых ничего живого в окрестностях не оставляли. Если коряки предчувствовали своё поражение в бою, то, как правило, резали и кололи своих жён и детей и, «напившись их крови для храбрости», поднимались в последнюю смертельную атаку. Юкагиры предпочитали лакомиться печенью врага, западные эвенки – сердцем или его мясом. У казаков допингом была водка, аборигенов они не ели, пленников мазали жиром и живьём отдавали на съедение предусмотрительно не кормленным собакам. Противоборствующие

стороны хорошо знали цену словам и делам противника, а та скакала как курс доллара. Перед боями чукчи с коряками, например, благо, что языки сходны, ритуально обменивались насмешками и оскорблениями, а при замирении – ценными подарками, усиливая эффект дружелюбия демонстрацией обломанных ножей, что являлось гарантией неиспользования оружия против соседей. Надёжность такой дипломатии характеризует эпизод 1756 года, когда брат главного коряцкого князя Эйгели – Ивака Лехтелев сначала заключил с чукчами мир и пригласил их на ПМЖ на реку Хатырка, а затем усомнился в своём великодушии и в одночасье перебил всех их вождей, а жён и детей забрал себе и раздал родственникам. Коалиционное непостоянство не мешало ни сибирским заводам, ни даже корякам-паренцам продолжать производство и поставки витязям чукотских летучих отрядов железных наконечников для копий с медными или латунными насечками растительного орнамента, которые эти надёжные орудия убийства казаков и коряков особенно ценили.

С ликвидацией Анадырского острога власть надолго засела в Гижиге и в Нижнеколымске, что заметно расширило плацдарм для захвата оленьих стад. Олени всегда были главной абorigенной ценностью – как источник пропитания, материала для сбруи и одежды, средство

передвижения и т.п. Корякские олени особенно ценились своей выносливостью и быстротой. У коряков было больше возможностей для их выпаса, мягче природа и сильнее скотоводческие знания и навыки. В 1769 году у Гижиги на коряков напал крупный отряд чукчей, где он и был разбит заступившимися за них казаками. Там же 9 марта 1775 года казачье-корякское войско снова побило захватчиков, потерявших только убитыми более сотни соплеменников. В 1776– 1777 гг. в отместку за это чукотский тойон Амулят со своими 180 бойцами полностью разгромил и разорил корякские стойбища Апука и Пахачи. 4 марта 1778 года комендантом Гижиги Шмалёвым был подписан мирный договор с главным чукотским тойоном Амулятом Хергынтовым и тойоном Северного Ледовитого моря Аоеткином Чымкычным, что не явилось неодолимым препятствием для проведения новых битв и подписания очередных мирных конвенций и пактов.

«Бросьте заниматься политикой»

Гижига взлетела на пьедестал уездной столицы с гербом, напоминающим о близости моря, могуществе крепости и преданности монарху. Гижига стала оплотом и столицей монаршей власти на северо-востоке Империи. Сюда заезжал святитель Иннокентий, митрополит Московский, апостол Сибири. В.И. Иохельсон, ко-

торого мы здесь уже вспоминали, последний раз побывал на Кушке (ещё одно южное имя на карте – пункт разгрузки кораблей для Гижиги в устье реки Гижига) в августе 1900 года, когда из 500 местных жителей эпидемия кори унесла 179 человек. Последнего гижигинского священника отца Нифонта закололи штыками красноармейцы, а выживших после очередной опустошительной эпидемии казаков тутошние революционные рыцари плаща и кинжала объявили японскими шпионами и наказали строго по законам революции. Места «славны» дурными хворями и делами. Из брёвен возведённого в 1829 году в Гижиге храма Спаса Нерукотворенного в 20-е годы такого же столетия были сооружены складские лабазы на той же Кушке, куда кроме всего прочего обычно вывозили из крепости умирать всех инфекционных больных.

В тот период, когда меня озарила вспышка увлечения историей Гижиги, из давнишних признаков её «славы» здесь остался лишь туберкулёз. Это огорчало, но не препятствовало тому, чтобы узнать кое-что о белогвардейском Северном экспедиционном отряде (СЭО), который в 1921 году по пути из Владивостока в Петропавловск-Камчатский завернул в бухту Наяхан, что совсем рядом с Гижигой. Полковнику Бочкарёву, главному воинскому начальнику экспедиции, приглянулось здешнее посе-

ление, состоящее из десятка дворов и стационарной радиостанции поблизости. В Гижигинском уезде постоянно легендировали и сплетничали насчёт золота и алмазов и злословили о неравнодушии Валериана Ивановича Бочкарёва к этим легендам и сплетням. Теперь-то мы уже знаем о шике и блеске Сопки Кварцевой, Невенрикана и Кубаки, формирующих приличный бюджет Колымы. А тогда информацию о найденном ещё в 1887 году золотом районе близ Гижиги от обывательских ушей тщательно скрывали. Как бы то ни было, но Бочкарёв здесь провёл больше года. Полковник постоянно требовал: «Иностранцы, если вы хотите есть, мы накормим вас. Бросьте заниматься политикой». Здесь же Бочкарёв блеснул подлинным талантом ставить палки в колёса административной машины своего шефа – Особуполномоченного Временного Приамурского правительства Х.П. Бирича, надзирающего за Колымой с Камчатки.

В Петропавловске, что являлся столицей Охотско-Камчатского края, Биричу «помогал» начальник штаба СЭО генерал-майор Никита Андреевич Поляков, второй по рангу после В.И. Бочкарёва воинский голова. Из Владивостока председатель Временного Приамурского правительства Спиридон Денисович Меркулов Бирича постоянно поучал: «Вам должны подчиняться все гражданские и военные власти...». Ес-

тественно, что военным это было не по душе, а потому отношения Х.П. Бирича с В.И. Бочкарёвым – Н.А. Поляковым неуклонно ухудшались. Обладающая огромным влиянием на своего супруга Ида Александровна Бочкарёва вечно вмешивалась в служебные мужа дела. Для губернатора Бирича Ида Бочкарёва представлялась «в высшей степени отрицательным человеком». Дело дошло до того, что 13 января 1922 года Петропавловская Дума даже постановила гражданским и военным властям «не допускать по отношению друг к другу каких бы то ни было репрессивных мер». Но Поляков продолжал строго выполнять инструкции Бочкарёва, а Бирич аккуратно доносить Меркулову обо всём, что делается для того, чтобы «парализовать влияние Наяхана». Наша непобедимая и легендарная ситуация использовала разумно, и меркуловщина пала. Благодаря бдительности и образцовому делопроизводству ВКП(б) из её документов от 29 июня 1926 года мы знаем даже о том, что в освещаемых нами местах буйствовал «шаман-фанатик, проповедующий воздержание от табакокурения, употребления чая и спиртных напитков». Он призывал даже не дружить с русскими, и в этом была его ошибка...

15 июня 1999 года Северо-Эвенский район площадью с Белгородскую, Брянскую и Владимирскую область вместе вскарабкался на постамент национального муниципального об-

разования, в котором из четырёх тысяч жителей половину составляли аборигены, а на 50 тысячах квадратных километров угодий благоденствовали свыше 60000 оленей. Кстати, заявления историков о том, что в период чукотско-корякских битв первые отвоевали у вторых 239000 оленей, получают не столь уж и эфемерными, если учесть, что в театре военных действий находился не один, а, по крайней мере, пять районов. Во главе угла всех столкновений и счастья жизни здесь всегда стояли олени. Однако здешнее гражданское и начальствующее сообщество неожиданно ослепло, оглохло и онемело от блеска золотого тельца. Магаданские власти решили, что оленеводство должно иметь не экономический вектор развития, а этнокультурный, и народ своих бедных оленей взял и съел. Любопытно, что на Чукотке, откуда как раз за оленями чукчи и ходили с копьями и луками, сообразили по-другому и пастбища все передали аборигенам. В Республике Саха (Якутия) даже закон приняли «О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера» и занялись его реализацией.

Этносохраняющее ядро куда-то улетело. Колымская мудрость из восьмисот аборигенов трудоспособного возраста без работы оставила 610. Официальных врагов у людей Северо-Эвенского района среди других людей северо-востока уже не имелось, правда, волчьих стай

здесь развелось столько, что в шапки из волчьего скальпа можно было одеть всех, включая детсадовцев поголовно, воспитанников ясельных групп и чудом оставшихся в живых и одичавших оленей. Реформы сдетонировали постановлением губернатора № 100 от 24 июня «Об использовании ресурсов рыбы лососёвых видов в путину 1999 года» и двукратным уменьшением лимитов по индивидуальному лову. И замаячила реальная будущность иметь в семье на каждого едока 50 кг рыбы, сделать из неё юолу, вылэут и камикам на зиму, остальным лакомиться всю осень, и жить припеваючи на пособия по безработице, хотя проще стало, конечно, умереть с голода либо отправиться на казённые харчи за браконьерство. Последнее не так страшно. Напомним, что Северо-Эвенский район расположен в Магаданской области.

«Сравнивая наказания и разные экономические и судные учреждения с самовластием и безотчётностью управителей, – писал М.М. Сперанский, – можно сказать, что законы наши были писаны в Афинах или Англии, а образ управления занят в Турции...». Так продолжалась борьба за нерушимость дистанции между столицами дружественных к нам греческого и турецкого народов. Так рождались оксюморончики типа беспощадной заботы о людях. Зато зимой не надо было мёрзнуть близ стада среди тундры, а

летом страдать от гнуса и опасаться косолапых и косматых рыболовов-спортсменов.

Наступила эра до неприличия здорового образа жизни. В невзрачном царстве бесцветного гоголевского «ни то ни сё» остались воспоминания о прошлом, думы о будущем и неспешные обсуждения свежих рогакопытных сновидений и грёз...

Предваряя дальнейшее повествование об Охотско-Камчатском крае в части, касающейся Камчатского полуострова, а также в целях объяснения не всегда логичных действий людей и событий, из них вытекающих, мною была взята за основу происходящего и его первопричиной – солнечная недостаточность. Именно она, или по-другому ультрафиолетовое голодание – влияла и продолжает влиять на решения людей и их поступки. Солнце изучено слабо, там никто ещё не был, будем валить на это, ну а вы сомневайтесь... В том же, что многое становится здешним людям фиолетово, я убеждался многократно.

Глава II. ЧЁРНЫЙ БИМ БЕЛОЕ УХО

Крепость чёрных мясов

В давние времена у коряков была легенда: Верховное Существо сотворило русских из ольхи, сложило их в горшок для исправления естественных надобностей и отправило в море. Поэтому они такие гадкие, не могут найти себе места, бродят, ездят, плавают и занимают чужие земли. В начале XVIII века натуралист и исследователь Г.В. Стеллер находил камчатских казаков-завоевателей «кучкой бродяг, большей частью скрывавшихся от правосудия». Если считать, что истина посередине, то её аромат всё равно приятным не покажется. Казаки в здешних местах зарекомендовали себя не только лёгкостью на подъём, но и широтой своих бесконечно возрастающих повседневных потребностей. Они считали новые земли ничейными и первым делом насаждали местным народцам дурные, по мнению аборигенов, правила. У них и закон был односторонний с тем смыслом, что для казаков он не писан. Они покоряли земли, грабили народы и бежали дальше, а государство догоняло их своими указами на неизведанных дотолле

меридианах, чтобы потом снова кинуться вслед за удирающими верноподданными. Так и добежали до Тихого океана.

За сотни лет до создания Н.В. Гоголем «Похождений Чичикова» в финальном забеге на Камчатку победили «рыцари удачи», знающие все таинства сбора ясака «за умершие души», «ненадобного» или «повторительного» ясака. Кому-то нужно было компенсировать понесённые издержки, как казаку Ивану Новгородову, сознавшемуся в 1731 году перед казнью, что должность комиссара новых земель Камчатки от якутского воеводы Полуэктова он получил за 700 рублей. Кому-то хотелось реализовать свои временно законсервированные меркантильные устремления, как обладающим чичиковской хваткой ссыльным и каторжникам, проворовавшимся дельцам и авантюристам, пристроившимся к казачьим котлам. Численность людей на Камчатском полуострове уменьшалась после сражений и эпидемий, а сами они перерождались в «окамчадалившихся» русских и «обрусевших» камчадалов (ительменов), коряков и даже айнов. Развивать учение о новой общности людей – советском народе и геополитике не будем, дабы не сбить с толку кую-то академическую кафедру или, не дай Бог, не подорвать устоев рождённого в пылу безумного творчества фундаментального доклада общественной палаты.

Герценовская «алгебра идей» из моего миропонимания была уже вытеснена «арифметикой жизни», когда впервые ступил на землю, где в начале XVIII-го стоял Ангавитский острог, названный казаками Среднее Паланское. Теперь это была уже Палана, столица всех коряков без малейших признаков неприязни к северным соседям – чукчам и в равнодушии к петушащимся в блеске оригинальных амуниций казакам, публично наблюдаемым лишь в дни больших церковных праздников да во времена хмельных, потешных и разухабистых перевыборов своих атаманов. Жизнь, подобную здешней, найти где-нибудь в другом месте было затеей нереальной...

На Севере можно найти всё. На Севере меня никогда не грызли сомнения в том, что именно собака, а не управдом – друг человека. На Чукотке как-то между делом заехал на горячие ключи, где купались птицы и даже люди. Это недалеко от национального села Лорино, где когда-то снимали фильм «Начальник Чукотки». Тогда я научился ездить на ГТТ и гонял на нём, катался вокруг да около, чтобы на случай внезапного увольнения с работы освоить смежную и полезную специальность, а также подчеркнуть свою начальственную важность. Не для северян замечу, что ГТТ – это гусеничный тяжёлый тягач. Не McLaren, конечно, но в Формуле –1 его бы запомнили навечно. Подъ-

ехал к ключам. На травке жиденькой с высокомерным пренебрежением к окружающему миру спала крупная и очень лохматая собака предпенсионного возраста. Рядом лениво выщипывала пробивающиеся из-под камней отдельные и чахлые травинки бурёнка. И когда самка парнокопытных с едой в зоне досягаемости верёвки справилась окончательно, то попросту отодвинула односельчанку эту своей умной мордой и продолжила свой обед. Собака издала междометие, очень похожее по тембру и содержанию на звук «апчхи», но при этом даже и не проснулась.

А вот у помещика Ноздрёва, что обитал в средней полосе России, были другие собаки. Во-первых, у него был щенок. Правда, краденый, с блохами, но зато с холодным носом. Словом, мордаш, на которого Ноздрёв «давно острил зубы». Была у него ещё пара собак, у которых «крепость чёрных мясов» наводила изумление. Были собаки густопсовые, чисто-псовые, муругие, чёрные с подпалинами, полво-пегие, муруго-пегие, красно-пегие, черноухие, сероухие. Была даже слепая крымская сука и волчонок, из которого Ноздрёв мечтал воспитать настоящего зверя. Если забыли, то Ноздрёв – это историческая личность из поэмы Николая Васильевича Гоголя «Мёртвые души». На хуторе Вытребенки, это тоже по Гоголю, у Ивана Фёдоровича Шпонь-

ки были собаки бурые, чёрные, серые, пегие и др. Некоторые из них бросались лошадям под ноги, «...другие бежали сзади, заметив, что ось вымазана салом», был даже такой пёс, который «...накрыв лапой кость, заливался во всё горло...».

А вот пгт. Палана удивительно заметно выделялся многообразием большущих и свирепых собак, которые не обладали постоянным местом жительства, хотя явно где-то обитали. В частной беседе местный демагог-правдоруб исторический аспект этой темы мне осветил и разъяснил так, что на самом деле каждая собака здесь конкретно «чья-то», а из личных впечатлений сообщу лишь, что излюбленными площадками общения здешних псов и псих были столичные свалки. На каждой улице, а их в столице не менее пяти, собаки группировались в корпоративные стаи. На каждой улице собирались по несколько таких сообществ для проведения своих ток-шоу, свадеб и других мероприятий. И надо прямо заметить, что члены каждого из собачьих коллективов отличались своим если не региональным, то, по крайней мере, местечковым апломбом в смысле твёрдой уверенности не только в правильности поведения, но и в сути провозглашаемых ими речей.

Вначале братья наши меньшие с затуманенным местом прописки невзлюбили меня од-

нозначно и относились ко мне крайне враждебно, хотя к местным аборигенам обращались по-людски, то есть толерантно у них было к ним отношение. Но я не считал себя в ответе за тех, кого приручили другие, а свалки старался обходить стороной, т.е. с наиболее центральной улицы не сворачивал, а при подходе к самым проблемным местам переходил на другую сторону этой улицы, хотя и это гарантии личной безопасности не укрепляло. Со временем собаки пересмотрели свои взгляды на жизнь, изменили свою точку зрения на меня и ерундить закончили. Дискриминационные замашки хвостами и скрежет зубами прекратили, а некоторые из собачонок, меня заметив, даже начали мелким бесом рассыпаться. В честь мою лаяли уже вполголоса, смотрели на меня вполглаза и вполоборота, вслушивались в шаги вполуха, а когда бежали навстречу, то только ради приличия – с протокольным визгом и вполсилы. В этом я находил признание, если не замахнуть даже на слово «авторитет».

Через неделю они уже дружелюбно улыбались мне при встрече. Заглядывали в мои усталые и серые глаза, обрамлённые припухшими от хронического недосыпания веками. Они виляли хвостами, ласково лизали перчатки, тёрлись об штiblеты или валенки и всенепременно, как бы в шутку, игриво выдёргива-

ли из моих слабеющих рук пакет с колбасой, хлебом или даже газированной водой типа «Буратино».

Всё это благолепие в единстве человека с другой фауной посчастливилось обнаружить въезв в феврале такого года, о котором даже упоминать и ужасно, и опасно, хоть пиши букву «т», а хоть понапрасну и не вспоминай о ней вообще. Тогда по делам насчёт выборов и удалось ступить в столицу солнечной Корякии, которая носит гордое имя Палана (пороги, водопады) и расположена на правом берегу одноимённой речки, невдалеке от её впадения в Охотское море и в каких-то 12 866 километрах от Москвы. Если бы между этой столицей и столицей всей нашей Родины была бы, допустим, какая-нибудь океанская, допустим Марианская впадина, или обычный транссибирский канал имени, например, того же покойного казачьего головы Дмитрия Павлуцкого, или просто безымянная водная гладь, то было бы ровно 7994,56 мили. Чтобы не запутать вас окончательно, то замечу, что Палана стоит всего-то в трёхстах км от Гижиги.

Под крышей Мудрого Ворона

В столичную гостиницу Паланы, конечно же, по причине своей личной неосведомлённости, я однажды поселялся. Скажу прямо, тогда на рецепшин face control в целом отсутство-

вал, как и рецепшин. А приснопамятная ночь в губернаторском люксе вмёрзла в память температурой окружающей среды и удивительными мелочами. Честно заметить, среда была северной. Но чему было удивляться, если и за окном в ту ночь было зимно, студёно и буранно. Дабы наладить быт, заботливые хозяева, во-первых, притащили мне в номер телевизор из одного из кабинетов администрации округа. Это был именно тот агрегат, который на время отсутствия VIP-гостей сотрудники из числа заботливых хозяев в свои кабинеты когда-то и утащили. Во-вторых, подтянули они и внимательно установили электрообогреватель, который, как оказалось, приволокли из аппарата местной Думы. Почему из Думы, не знаю, но почему-то именно из законодательной власти автономного округа. В-третьих, вечером по своей халатности я не утаил в холодильнике пакет сока и яблоки, беспечно покинув их на столе. Продукты питания к рассвету оказались добротным ледяным облицовочным (потому что с картинкой) кирпичом и такими же по составу основного ингредиента снарядами, очень удобными для стрельбы из полковой пушки примерно 76,2 мм калибра, предназначенной для непосредственной поддержки пехоты и кавалерии.

Этих воспоминаний хватило для того, чтобы срочно заняться изучением быта лауреа-

тов и финалистов премий местных авторитетов и их соратников. И тогда уже во вторую ночь у меня появилась крыша в представительском двухэтажном особнячке Камчатского ЗАО «Иянин Кутх», что на ительменском языке значит «Мудрый Ворон», он же – прародитель Камчатки. Руководил ЗАО по добыче и переработке рыбы с собственным флотом: плавбазами, краболовами, перевозчиками и десятками вспомогательных судов, а также современным рыбоперерабатывающим комплексом мирового уровня не ворон, однако удивительно мудрый товарищ Иван Христианович Михнов. Его группа компаний выросла из маленькой национальной артели, и в этом тоже его мудрость. Как говорят, имя артели он определил единолично. Может быть, себя любимого под этим вороном он и подразумевал. Иван Христианович добывал камбалу, палтус и треску, минтай, селёдку и лосось, но его мудрость состояла ещё и в том, что он самозабвенно любил краба: конечности краба, мясо краба, консервы и т.д. из краба.

Об Иване Христиановиче можно рассказывать часами. Скажу лишь то, что его я в тот раз не встречал, а, по общему мнению, Иван Христианович обоснованно считался авторитетной и легендарной личностью. Одна из легенд заходит ещё в 80-е годы, когда чекисты ловили его неуловимый пароход-призрак

«Арка-18» с забитыми под завязку незадекларированной морепродукцией холодильниками. Другая история была самой свежей, когда птенцов Мудрого Ворона неожиданно «появили» на самой крупной крабовой банке полуострова – на траверзе посёлка Усть-Харьюзово, то есть на крабовом нерестилище, где 12 МРСов ЗАО «Иянин Кутх» практически выгребали снюрреводами камчатского краба. Между этими событиями было немало и других дел, привлёкших внимания чекистов, пограничников, милиционеров и прокуроров. Законы тогда ещё выполнялись, коррупция не зверствовала, а милиция так часто не по делу, не тогда и не в тех из своих парабеллумов не палила. Так что оснований для других подозрений к этому ЗАО ни у кого не возникало, а Иван Христианович просто любил всяких членистоногих, а любить других (ую/ого) – сердцу не прикажешь.

Таким образом, попал я, по мнению некоторых экспертов, которое лично не разделяю, почти что под криминальную крышу или кровлю с околкриминальными стропилами. Но другой крыши в столице Корякии не имелось, а секретов здорового сна в яранге или в тундре на снегу я тогда ещё не постиг. Конечно, без разрешения И.Х. Михнова, сердечное спасибо ему, моё благоустройство состояться не могло бы. Поэтому, что бы ни говорили об

Иване Христиановиче, я считал его и считаю человеком, прежде всего, душевным и отзывчивым. К тому же и ещё Михнов был где-то далеко, а вот Володя Анисенко находился рядом. Он рулил особнячком ЗАО и запомнился мне своими исповедальными рассказами о себе, непоседливостью и деликатностью, хлебо-сольством щедрым и искренностью беспредельной.

Володя без конца принимал и отправлял письма и факсы, названивал своему боссу то в Брюссель, то в Лондон и докладывал о своих свершениях в столице коряков. Ночами он пропадал в портопункте, где героически принимал грузы. Иногда я составлял ему компанию в этом деле, где, как правило, не мешал. Героизм от Володи требовался постоянно, потому что грузы, как правило, приходили уже тогда, когда их природа не пускала. Паланцам природа, как и экология в целом, всегда была «до лампочки». Им требовалась еда и топливо, с чем здесь всегда были проблемы.

Природа выпендривалась путём организации буранов и штормов, устройством ледовых припаев и тому подобными гадостями. Плюс человеческий фактор. Капитан сухогруза, находящегося на рейде, например, согласен был принять баржу под погрузку. А вот на берегу считали, что баржу в море выпускать нельзя, и ни в какую или наоборот. Правда, это

был не порт, а портопункт, поэтому последнее слово было всегда за моряками. Володя помнил до лохматой минуты ежедневные пиковые точки прилива и отлива, когда гружёную углём баржу нужно было принять, заарканить и застопорить бульдозером до начала отлива или, наоборот, выпихнуть трактором в море по большой воде под очередную погрузку. Так что хоть из гостиницы я и выбыл, зато познакомился с Володей Анисенко.

Поездка в Палану предполагалась короткой, ритуальной и в чём-то даже бессмысленной, потому что аборигены и без меня знали, что голосовать надо за того, кто больше пообещает, а получилась она продолжительной и полезной, что никак не вписывалось в классику планирования. На это повлияла погода мощными снежными зарядами, повторяющимися по несколько раз в сутки. Прежде всего она надолго доконала занятия в школе, и детишки, конечно же, только для того, чтобы досадить району, целыми днями толкались по льду речки, где с удовольствием таскали гольца или какую-то навагу и, может быть, молились за здоровье комаров, которые у коряков считаются вредоносными существами, создающими снег. У коряков и пауки считаются насекомыми-шаманами. Их убивать нельзя, чтобы не было ветра, пурги, непогоды. Думаю, что если бы в эти дни паук заполз в Палану, детишки

его бы уж точно уюкошили бы, чтобы продолжить эти внеплановые каникулы. Отдых вместо уроков – это всероссийская традиция. Это почти стандарт, что признают везде. Написано на бутылке Aqua Minerale 0.6 Le. Значит, такой стандарт. У наших школьников российский стандарт, а вместо учёбы могут быть ещё санки или лыжи. Но не путайте с «Русским стандартом», что для взрослых. В общем, милостей от погоды в столице Корякии никто не выпрашивал. В столице Корякии всё было очень ладно и спокойно тоже. Это я так, вроде итога, чтобы вы не волновались и не страшились каких-то внезапных поворотов сюжета, гнетущего напряжения, безысходности, отчаяния или других типичных для Севера катаклизмов и неприятностей.

В отсутствие положительной динамики

С дорогами, как и в целом по России, в Палане была беда. Частично проезжие дороги, конечно, имелись, но ими занималась мэрия. По Палане ходил трактор, и был он с ковшом. Механизаторы аэропорта в обычном порядке пытались укатывать взлётно-посадочную полосу, поскольку снег здесь не убирали сроду. Его трамбовали под шасси Л-410, который с исчезновением непогоды мог вылететь, но мог и не прилететь. В тот раз все аэропланы, а исправных было практически два, к счастью

своих экипажей сидели в городе. А люди в Палане были хорошие, т.е. полная противоположность тем, коих поминал Гоголь, характеризуюя наши беды.

Слово «город» на этом сейсмоопасном, по представлению радикального крыла вулканологов-пессимистов, полуострове традиционно произносится с очень большой буквы, мечтательно, уважительно, с татьянодоронинским придыханием: «он в Городе», «она завтра вылетает из Города», «скоро буду в Городе» и т.д. Здесь город один – это Петропавловск-Камчатский, до которого от Паланы по воздуху всего каких-то 850 километров. Может быть даже чуть-чуть больше на какую-нибудь среднюю дистанцию у легкоатлетов, которые бегают по Петровскому парку вдоль дешёвого обувного рынка.

Шли дни. Погода была стабильной, но положительной динамикой не вдохновляла. Очень скоро в трёхтысячной Палане я почувствовал себя практически своим, в доску. Если поначалу местные дамы и господа со мною здоровались протокольно-настороженно и «нерукопожатно», как это принято с чужаками, то в последующем – уже в тесном клинче, забубённо или бесшабашно, отчаянно, с похлопываниями, объятиями и притоптываниями, как это традиционно делается только с самыми надёжными друзьями или, не побоюсь этого

слова, корешами. Я крепко пожимал нежные пальцы федеральных и муниципальных служащих, мозолистые ладони рабочих и крестьян, оленеводов и рыбаков, тискался с замасленными широкоплечими коммунальщиками, субтильными секретаршами и деловитыми референтшами, кои стремительно расширяли круг электоральных возможностей дела, которому я беспросветно служил в той командировке. Я любезно раскланивался немногочисленным местным вертихвосткам из числа обладательниц свободных часов для прекрасного досуга, которые проворно намекали на досуг малозатратный или совершенно бесплатный, а то и на такую забаву, как совместная дегустация шоколадки «Алёнка» «за знакомство». В пурге мерцали настоящие северные публичные приключения под оптически прицелами оконных проталин, среди пристрелянных ориентиров, анекдотов и легенд, посвящённых гостям столицы и её Алёнкам. Скорее всего, источниками этих легенд являлись именно те пустозвоны, которых Алёнки игнорировали в силу их сомнительного физического состояния или невысокого инвестиционного потенциала.

Отдельные россияне подходили ко мне лично и предлагали поболтать о маленьких пенсиях или больших задержках зарплаты, о холодных батареях или о дырявых крышах.

Крыши, конечно, были в основном практически вполне хорошими, а батареи отопления под ними покрашенными. Всё дело в том, что подходили лишь те товарищи, у которых с этим что-то не ладилось, или граждане из числа мнящих о себе нечто. Что они говорили, вы, конечно, представляете, так как люди для власти всегда подбирают слова-бумеранги, чтобы сообщить ей мысли, адекватные тем, которые они собираются услышать в отместку. В Палане жили очень симпатичные и выдержанные люди, которые вряд ли помнили 1697 год, когда против казачьего головы Владимира Атласова здесь подняли мятеж его же подданные и сослуживцы. Кое-какое доверие к власти у паланцев имелось, как и запас терпения к ней.

Моя популярность в столице Корякии набирала силу, что, с одной стороны, укрепляло личное тщеславие и самодовольство, а с другой – решительно раздражало разнотипных федеральных начальников и даже саму Администрацию. Это побуждало больше и дольше общаться с Васей. У Васи отчество было исконно русское Иванович. Черкну слова только для того, чтобы вас чуть-чуть познакомить с ним. Василий Иванович работал главой муниципального унитарного предприятия «Паланатеплосеть». А поскольку в предвыборной осатанелости все обещали положить предел

чьему-нибудь беспределу, то Вася в столице был востребован. В обратку на мои обидные догадки в защиту граждан, страдающих от отсутствия тепла или избытка льющейся с потолка воды, поначалу он глубокомысленно и невозмутимо молчал. Хотя на самом деле его всегда возбуждали какие-то задвижки, заглушки и заслонки, люки, давление и температура. Его энергии хватило бы на рекорд районного, а то и областного масштаба. Но спорт он недолюбливал, хотя был вполне здоров, и температура его организма всегда соответствовала медицинским нормам. Теперь уже думаю, что причина его негативного отношения к спорту скрывалась в том, что крытых ледовых комплексов в пгт. Палана не существовало, а Васина фамилия значилась даже в составе легендарной советской хоккейной тройки. Но это моё личное мнение такое, а вообще-то поначалу я Василия примитивно плющил. Вызывал в любезно выделенный мне Администрацией кабинет и ругал очень даже требовательно. Василий Иванович был отзывчивым специалистом. Он быстро привык к такой методе и к восьми часам ежедневно стал являться ко мне добровольно. Даже планёрку в МУПе своём перенёс на другое время, а потом ещё и пригласил меня в баню, впервые лучезарно ухмыльнувшись. И хотя коряжский шаман Сэввы ещё в 1921 году строго запрещал посещать баню,

«...потому, что в бане сидят злые духи (нынвытувы). Если кто приходит в баню, то злые духи его укусят и ему будет смерть», шамана я не побоялся, что в очередной раз подчёркивает и без того известную вам личную смелость рассказчика. В общем, в баню я таки решился пойти, где ещё больше подружился с Васей.

Тем временем некоторые паланцы чуточку понарошку начали надо мною посмеиваться, поскольку двухдневная командировка уже вышла на рубеж двухнедельной. Те паланцы, у которых дома с батареями и теплом всё ладилось, предпочитали навязывать мне обсуждение государственной внешней политики относительно линии Шеварднадзе или экономических ребусов по части тарифов, поскольку стоимость билетов до Города обскакала самые дикие телевизионные сплетни о параметрах нашего роста. К счастью, хоть о зарплатах вспоминали немногие. Разве что врачи там разные, ещё кое-какие учителя, да библиотекаря. С ней я сам прокололся потому, что через пару недель пребывания в Палане, вместо того чтобы, допустим, купить в магазине бутылку обыкновенной водки и долгими полярными вечерами размышлять об исторических судьбах коряжского, ительменского и камчатальского народов, записался в библиотеку и принялся там немедленно сочинять диссертацию, которую впоследствии быстро защитил.

Кстати сказать, обыкновенная бутылка спиртосодержащего вредного и неприятного на вкус напитка в Палане стоила ровно столько, сколько четыре штуки равновеликих емкостей в самой Москве. Местные продавщицы меня полюбили практически со второго дня. И поскольку в мою потребительскую корзину, ввиду отсутствия в столице Корякского автономного округа сферы общественного питания, входили хлеб, консервы, колбаса, яблоки и сигареты, то и влюблённость эта носила чисто профессиональный характер. Неутомимые труженицы прилавка ласкающим ушными раковинами шепотком анонсировали наиболее калорийную колбасу, наименее просроченные консервы, прочие вкусности и сопутствующие им товары. Я никогда не был капризулей, всезнайкой себя не считал, поэтому ни капельки не сомневался в их компетенции и безоговорочно принимал всякие их целевые наводки. По мере изучения моих влечений продавщицы позволяли себе отпускать добросердечные и игривые взгляды, незамысловатые шутки-прибаутки или даже, например, придумывать нарочито строгую воркотню, «что так много курить вредно». Понятно, что никто меня в очереди к прилавку с папиросой в утративших свой естественный цвет зубов от избытка солей в местной воде не видел, но тем не менее. В отношении игривых взгля-

дов я, видимо, просто сам себе придумал всё это, поскольку продолжительность командировки синхронизировалась с обострением уровня завышенного самолюбия и публично-одиночества, что поднимало градус одичания и углубляющей отрешённости от любимой семьи.

Конечно, губернатор округа практически ежедневно сильно переживал за положение складывающихся дел. Он просто обязан был переживать за толщину укатанного в полосу снега, за снижение мощности снежных зарядов, за своевременное продолжение отмены занятий в школе и даже за то, чтобы с мраморных ступенек Администрации чаще убирали наледь. Видно было, что это ему местами даже нравилось. Скорее всего, ему не нравилось лишь только то, что я стал настолько узнаваемым трудящимися, что подружился даже со столичными собаками. Ему надоела протокольная участливость, и больше не хотелось ему, чтобы в его столице в эти определяющие часы уже весеннего обострения, связанного с праздником всех прогрессивных женщин мира, по его улицам бродили лишние люди, которые бы у него под боком вынашивали ненужные, а то и вредные мысли. Мнение губернатора поддерживала добрая половина Администрации. О злой половине – в другой раз. Обречённо убивались подчинённые мне со-

трудники, которые ещё пару недель назад на лахтачьей лопатке клялись быть моими вечными адептами в любых делах и даже делишках. Я сделался для них столь же неуместным, как электроплита с керамическими конфорками или напичканный фильтрами и насадками германский пылесос в занесённой снегами яранге коряжских оленеводов. Это сравнение у меня, как вы понимаете, заискрилось в той же опере о завышенной самооценке.

И только заместитель губернатора Коряжского автономного округа по ЖКХ, транспорту и связи, не скрывая своих подлинных чувств даже от самого губернатора, смело синхронизировал свои страдания со страданиями моими. Он постоянно либо виртуозно поносил матушку-природу по матушке, либо угончённо журил её, зачастую даже повторяясь в наборах слов и их адресности. Он попевал эмоционально и сердечно болеть за ЖКХ, транспорт и связь, и безжалостно костерить наглую и циничную пургу, застопорившую предельно загруженного заботами о людях человека, т.е. меня, в этом субъекте белого безмолвия.

В один из дней столь горестных метеоразочарований, рушащихся планов и улетевших в тартарары надежд замгубернатора по ЖКХ, транспорту и связи вдруг как-то неожиданно, тихо, но удивительно своевременно и точно, словно размышляя сам с собою, что-то вспом-

нил, и его привычно озабоченное лицо по-весеннему подозрительно просветлело. Это озадачило меня и тут же заставило задуматься о причинах столь неожиданных и неосязаемых перемен. Если отбросить условности, связанные с отсутствием длинных ушей или короткого мягкого хвоста, то образ сухого и пресного чиновника переваялся вдруг в неожиданного никем светлого солнечного зайчика. Тайные мысли на лице замгубера проявились даже в истоме, что, как вы понимаете, является чувством приятной расслабленности даже такого непростого человека, какой в состоянии охватить всё жилищно-коммунальное хозяйство Коряжского автономного округа, я уже даже не говорю о его транспорте и связи.

Оказалось, что этого аналитика, практика и хиромантика вечной пурги посетила блестящая мысль о том, что из Паланы до Города по зимнику всего-то немногим более 1100 километров, и это практически в восемь с половиной раз меньше, чем даже до самой Москвы! И что если очень захотеть и при этом не сильно бояться всяких небылиц о замёрзших путниках, которые по весне восстают из сугробов и пристально смотрят остекленевшими глазами на дорогу. Если не верить американским и испанским ковбоям о стаях неуловимых чупакабру, высасывающим из всего живого до последней капли кровь. Если решительно напле-

вать на рассказы о медведях-шатунах, которые даже финскому сервелату и украинской домашней колбасе предпочитают парную или свежемороженую человечину. Не воображать себе, что полярные волки злее и голоднее паланских собак. Не шурить зенки на снежного человека, который без сна и отдыха постоянно слоняется вдоль зимника, с высоты своего гигантского роста заглядывая в кабины «КамАЗов» и «Уралов», чтобы найти себе кусочек чего-нибудь на обед, то вполне можно проскочить по трескучеморозному безмолвию в южные широты вплоть до самого Петропавловска-Камчатского, то есть – до Города.

Так засияла обратная перспектива оказаться внутри события, когда между мною и Петропавловском-Камчатским проскользнула неуловимая тайна перемещения. Тайна, которая для местных дальнобойщиков, которых таковыми не считает ни один камчадал – не более чем обычная работа, причём – низкооплачиваемая.

Глава III. О ТРАДИЦИЯХ СЕВЕРНОГО ГОСТЕПРИИМСТВА

В плену концептуализма

Заместитель губернатора по ЖКХ, транспорту и связи на своей законной должности сидел крепко. Твёрдость его характера и близость к народу в этом затерянном раю были известны каждому. Заявленное им накануне безапелляционное намерение стартовать в Город спозаранку лишило граждан малейших сомнений в успехе предстоящего предприятия, а стоустовая молва – «они уходят» – по пэгэтэ уже проползла, и не один круг.

Врождённая решительность и неуёмность никогда не мешали заместителю губернатора по ЖКХ, транспорту и связи демонстрировать железную выдержку даже в самых прескверных ситуациях, в которые он попадал нередко, но непредумышленно. Его глаза всегда сияли энергией будущности. А в дни, когда очередной лист его ежедневника переполнялся нечитаемыми символами и тайными знаками, он всегда принимался советоваться даже с народом. Порой кому-то ошибочно мерещилось, что дя блезиру делал это. На самом деле

это было не так. Будь то отключённое за неплату электричество или квартира, залитая самым ответственным, но в стельку пьяным квартиросъёмщиком, в проблемы он не вникал, а вламывался, как ОМОН, где и молнировал потом воспламенённым генетической памятью косяком рвущейся на нерест нерки. Он постоянно педалировал свою авангардную сущность, чтобы всегда дерзко и своевременно нырнуть в гущу народа или даже простых пассажиров. В те годы слово «билет» (на самолёт) в Палане практического значения не имело, поскольку билетов здесь всегда было завались. Правда, с этими билетами можно было ходить вокруг самолёта пожизненно и посмертно тоже, так как к каждому самолёту или вертолёту всегда приходили те товарищи, которые имели билеты и желание улететь на 3-5 сдвинутых погодой рейсах. Но и в такой неблагодарщине заместитель губернатора по ЖКХ, транспорту и связи всегда находил толковые решения, и летели тотчас обладатели подписанных им указов, делая ручкой тем другим, кто самонадеянно опирался на неравносильные силы свои. И уже даже поэтому его очень уважали и как-то невзначай, мягко, очень деликатно, трогательно и по-домашнему побаивались, но любили. Примечательно, что впоследствии даже президент наш заметил эту внешнюю широту и внутреннюю ред-

костную мощь его авторитета. Когда руководителя исполнительной власти субъекта федерации он однажды и впервые в истории России взял и уволил с работы «в связи с утратой доверия», то именно замгубернатору по ЖКХ, транспорту и связи было поручено расхлёбывать ту кашу, для приготовления которой он всего лишь ремонтировал трубы и котлы и подвозил энергоносители.

А пока что все были при делах. И губернатор в те дни был очень добрым и вежливым даже в своих помыслах. Болтали, что в губернаторы его будто бы прописал один трудовой коллектив, умело представив его по хуторам и сёлам перед выборами публике, в СМИ и на билбордах то ли хедлайнером, то ли ньюсмейкером. Сам трудовой коллектив рыл тут же нечто, напоминающее чуть ли не платину. Платины у паланцев в тот период как раз не водилось, но они были в курсе, что в Корякии она где-то есть. Вряд ли они покушались на платину самого губернатора, потому что тот её держал в сейфе или даже и в Москве. Впрочем, у него, может быть, платины и вообще никогда не было, потому что ни на письменном столе, ни под столом даже я её ни разу не видел. Ни самородков, ни россыпи не заметил, хотя заходил в его кабинет по пять раз на дню. Платину я бы точно запомнил, а так не засёк даже какого-нибудь дырявого ведра со стружкой и

крошкой из металлов платиновой группы, на которые старатели могли бы наткнуться в аборигенной земле, к платине подбираясь. Поэтому не будем придумывать о губернаторе того, чего толком не знаем сами.

Точно известно, что корякский губернатор обожал философствовать, внимательно выслушивать посетителей и просителей и даже советоваться с ними. Некоторым даже казалось, что он не любил принимать решения и слыл большим мастером затенять и обещать. Обещать он и правда любил, но никогда не дезавуировал своих обещаний, а всегда честно объявлял мораторий на их актуализацию. Может быть, он всего лишь углублённо осмысливал услышанные идеи, взвешивал их беспрестанно и даже расфасовывал по мешкам, прежде чем окончательно и бесповоротно, срочно или судорожно срочно закопать обещанное дело. Таким он по слухам был человеком. Но это здесь никого не удивляло, поскольку ещё полтора века назад небезызвестный Карл фон Дитмар о камчатской номенклатуре писал, что «...каждый из них (губернаторов) вводил свою собственную, им самим составленную систему». «Всякое приказание, – продолжал Дитмар теперь уже об избирателях, – даже самое нелепое, безусловно, выполняется... При этом они очень хорошо знают, что уже ближайший по очереди начальник

всё повернёт вверх дном». Это я выкопал специально и только для того, чтобы вы не переживали, поскольку в историческом аспекте у нас всё было в N.

Быстро смекнув, что отдельные личности из его столицы замышляют себе бросок на юг, губернатор искренне обрадовался этому и тут же поддержал копьём поднятую советниками до уровня его ушей идею. Затем он заявил, что ехать 1100 километров на УАЗике по тундре, сугробам и в пургу – это грандиозная глупость даже для многоопытных туземцев, но тотчас пообещал найти для кампании тулупы и валенки. Потом он сказал, что для такого странствия нужна, прежде всего, ответственность перед самим собой, поскольку он на себя такую ответственность взять не может, хотя губернаторский аппарат космической связи, конечно же, даст вместе с аккумуляторами, которые заряжать в пути всё равно будет нелегко. Потом он заметил, что по докладам его аппарата пурга не стихнет, а поутихнет, но если выехать завтра утром, то аккурат к 8 марта можно попасть в Город, потому что в Палане в этот день марта практически делать нечего. Уместно вспомнил ещё и о том, что мой ныне покойный помощник – главный федеральный инспектор президентской администрации, мастер спорта СССР Андрей Мешалкин на спор с ножом на медведя ходил, а однажды

перед смертью, которая нашла его в тундре при невыясненных обстоятельствах, намеченную нами дистанцию и тоже на спор покрыл в одиночку на советском снегоходе типа «Буран». Ни слова он не молвил о моратории, т.к. объявление моратория на пургу выходило за пределы губернаторских полномочий.

А в конце губернатор расчувствовался так сильно, что даже предложил выпить немножко водки за 8 марта, поскольку нас в тот день в его столице всё равно не будет, а сам он практически не пьёт и, как геолог, пьянство и гитару недолюбливает и презирает всю свою сознательную жизнь. В общем, получилось так, что когда мы уедем, в его окружении останутся лишь пьяные люди, и в этот международный день он будет одиноким и трезвым, что существенно повысит даже темпы извлечения из корякской земли платины или ещё чего-то ценного такими же, как и он, трезвыми геологами. Губернатора мы, конечно, вынуждены были хоть как-то поддержать в этой задумке, и выпили в его кабинете немножко коньяку, для того чтобы не обидеть и, главное – чтобы у женщин и девчонок Корякского автономного округа сохранилась о нас добрая и вечная память.

Утром, когда солнце вставать ещё и не помышляло, а светить ему в этот день сквозь завьюженное небо на усыпанную платиной

землю и не светило, в Палане уже закипела работа. Генератором практического воплощения идей выступал Вася. Кто позабыл: он же Василий Иванович, он же начальник муниципального унитарного предприятия «Паланатеплосеть», он же кудесник газового ключа и укротитель вентиля и бойлерных столицы, мой товарищ и практически друг. Вася был сосредоточен, внимателен и требователен к окружающему его миру, а испытанный боевой УАЗ «Паланатеплосети» уныл и молчалив. УАЗ стоял у парадного крыльца центральной котельной столицы с обречённо поднятым капотом и распахнутыми всем снегам назло дверями. УАЗ не знал, что его ожидает, но был твёрдо уверен в том, что с Васей его может ожидать практически всё и одновременно ничего хорошего. Вася был озабочен медлительностью водителя, каждым отдельно взятым цилиндром и подковами на усталых ступицах его колёс. Он что-то озлобленно выяснял у водителя и УАЗа, зло кивал первому, похлопывал по тенту второго, заговорщически подмигивал ему в левую фару, которая взаимностью не отвечала, хотя и сменила уже не менее трёх приборов накаливания. Вася будоражил умы своих земляков поиском железок, которые по его расчётам обязаны были непременно поломаться в пути. Затем он даже лично привинтил к УАЗу запаску, отвинтив её от другой ма-

шины, потом засунул под сидения канистру с бензином, запасы спичек и сигарет и ещё чего-то. Вася много чего туда засунул, за ним трудно было уследить, но из его действий, показавшихся в самом начале хаотичными и бессмысленными, проявлялось целостное и яркое полотно крупного мастера.

Поскольку заместителем губернатора по ЖКХ, транспорту и связи был назначен предельно ранний старт, то мне лишь оставалось пассивно переживать за водителя, за УАЗ, за Васю и за то, что наступил полдень. Водитель оставался невозмутимым, неприветливым и нетерпимым к любому, касающемуся технического состояния машины, плюрализму. Вася же в эти затянувшиеся мгновения в хлопотах и горечаях чуть было даже не заболел от нетерпимости водителя к плюрализму и неутешительного мониторинга бензиносодержащих жидкостей на всех двух заправках столицы. Он занялся третьей заправкой, которая в туристических путеводителях по пгт. Палана не числилась, оказалась абсолютно обособленной от столичной сети нефтедолларовых воротил и принадлежащей пограничникам. Только у наследников славы Н.Ф. Карацупы носитель энергии полностью соответствовал его представлениям. Вопрос решился не просто, а очень просто и с полной заинтересованностью сторон или баш на баш, или взаи-

мообразно, когда из хитро задуманной сделки выгоду извлекают все участники переговорного процесса. Т.е. Вася отдал за бензин комплект новых колец для дизеля, и от этого всем карацуповцам, как и Васе, стало очень легко и даже радостно на душе. Так радостно, что Вася немедленно прервал грызню с водителем и призвал присутствующих разойтись по домам, чтобы решительно и плотно отобедать перед дорогой. В образе заместителя губернатора по ЖКХ, транспорту и связи проскользнула даже какая-то амбивалентность, поскольку ещё накануне он лично и строго назначал выезд на самое раннее утро, а уже сегодня был так послушен и тих, что к своему столу убыл в покорности наилучшего пионеротряда элитного «Артека».

Не буду описывать вам изумлённые глаза подружек-продащиц, ошибочно посчитавших, что колбаса мне уже не нужна, и лишь потому, что после обеда Васины руки и взгляд вцепились в сварщика. То, что вокруг сварщика озабоченно метался не только заместитель губернатора, но и Василий, на которого я уже привык ориентироваться, показывало, что сварщику в нашем деле отведена важная роль, да и градус кавардака вокруг него такую версию подтверждал.

Смеркалось. И когда на свежем морозце снова было разыгрался аппетит, из личной

конюшни заместителя губернатора вырвалась и на сварное диво, оказавшееся санями, с лёгкостью молоденькой козочки заскочила праворукая «Тойота» и фривольно прильнула фарами к УАЗу. Так пришло понимание сути проволочек, активности и бузы, терпимости и даже того, что в экспедиции будет и угрюмый водитель, и энергичный Василий с боевой подругой Еленой, и парочка чиновников, которые в её составе будто бы и самые главные, однако на самом деле полезные не в полной мере.

Разработку сценария старта заместитель губернатора по ЖКХ, транспорту и связи, видимо, никому не поручал, а Вася слова «сценарий» не слышал. Без митингов, горнов, бубнов и барабанов сотню метров в сопровождении известных всем по именам и родственным связям собак промчались по столице и оказались за её околицей. Дорожное покрытие разбалованные французы могли бы прозвать по-европейски изысканно «бланманже», на что в отечественной интерпретации обнаруженного пугниками «белого желе» никто даже и не покосился. Мы выезжали не из Парижа. С Парижем нас роднила лишь первая его буква и такая буква имени пгт. Вместе с заместителем губернатора мы вальяжно развалились в пригородной к саням «Тойоте», которую легко ускорял УАЗ. Лихо проносились мимо аэро-

порта, куда от столицы обычно рукой подать, если голова не окажется в кювете.

Про аэропорт вспомню попутно, хотя там снег до необходимой плотности так и не укатан. На Севере иногда строят не по правилам, а по личным ощущениям, предпочтениям, представлениям или по выборам. Вспоминают некоторые гг., в чьих услугах действующий губернатор уже практически не нуждался, что будто бы взлётно-посадочную полосу в столице Корякии затеял отгрохать бывший губернатор Лёушкин. Строить повелел там, где впоследствии обнаружилась линза. Можно, конечно, выяснить про линзу из энциклопедии, но я вам так объясню. В земле встречаются места такие, где всё имеющееся там то замерзает, то разверзает, перемерзает, а то и растаивает. В общем, если кругом и везде вечная мерзлота, то под ВПП эта мерзлота оказалась ничуть не вечной. Полувечная твердыня циклично перерастает в такое же болото, а происходят чудеса эти перманентно и вечно. Мало того, что этот зодчий на очередных выборах провалился, так ещё и авиапредприятие «Корякавиа» опрометчиво проголосовало именно за Лёушкина, и потому денег на полосу от нового губернатора больше не выделялось. С тех пор и мучились с ней лётчики, строители и даже институты некоторые, а заодно и злопыхатели без дела не сидели. Для злопыхате-

лей здесь настоящее раздолье. В этом убедился, выслушивая правдивые поклёпы о том, как спектаклем Лопе де Вега «Дурочка» открывали паланский Дом культуры. Открыли ПДК в 1966 году, а он взял и сгорел, после чего стены гигантского теперь уже Дворца культуры воздвигли прямо на лбу площади Ленина. Его фундамент, неожиданно оказавшийся всё-таки точно на линзе – лопнул пополам и ещё раз так же, стены покривились, разъехались, и получился памятник недостроенному Дворцу, что в очередной раз подтвердило мою гипотезу о влиянии дефицита ультрафиолета на здешние рукотворные затеи.

В тот день нас линза и болото не раздражали, и мы проскользнули мимо пустынной взлётно-посадочной полосы, затем по льду речки мимо оцепеневшей стройки, в которой угадывался будущий мост в светлое будущее. В будущем он может оказаться памятником Старту в цивилизацию, когда сомнительный зимник, который мы принялись штурмовать, обернётся всепогодной дорогой в Город. Для этого надо построить ещё с десятков мостов и переправ и переломать девственный лес в глухих углах непуганых медведей. Об этой дороге в дни предвыборных обострений социальной активности начальники талдычат много десятилетий. Потом выборы кончались либо начальников снимали. Северные планы всегда

перерастают в вечность и по такой причине ждут не дождутся своих исследователей, соискателей диссертаций и прокурорских работников. Выделили деньги, не смогли купить или купили, но не привезли стройматериалы, и закончился год: финансовый ли или календарный. «Сгорели» деньги, потому что их не истратили или израсходовали, но подвернулась зима. Зима всегда приходит сюда внезапно, а навигация здесь обычно завершается неожиданно. Напомню вам песнь о барже с углём, которую бульдозером вытаскивают на берег в то время, когда этот уголь уже числился сожжённым в топках печей и камельков. Этим несгораемым углём в Палане занимался Владимир Сергеевич Анисенко, что я вам уже рассказал.

Тойотовский радиоприёмник только хрипел, аудиокассеты выпускали «Песни года». Газманова меняла Аллегрова, а её Малежик с Ротару и Аллой на конце. Все менялись, а мы с заместителем губернатора и Пугачёвой были незаменимыми. В путевой беседе одолевала тема: «Жила бы страна родная...» в части, касающейся полуострова. Сани скользили легко, на поворотах сползали в сугробы, что вносило живинку в наше настроение и темп жизни. Всё было бы очень хорошо, если бы не так плохо обогревался салон. Деревенеющие конечности давили на мозг, а тот непрерывно

транслировал что-то из Горького-Пешкова о безумстве храбрых по мотивам лучших песен прошлого года. Вспоминались заявления губернатора о шубах и валенках, которые ввиду своей вечной занятости и хронической задумчивости о платине он забыл или не забыл, но поручил кому-то из наиболее безответственных сотрудников. Впрочем, губернатора рад поносить каждый, кто губернатором никогда не трудился: валенки всё же обнаружались. Вася ли их грузил, губернатор ли – неважно: важно, что губернаторская радиостанция космической связи косо выглядывала из бардачка и согревала собой наши души.

Буксовали утомительно и поначалу весело, помогая мотору родного автопрома преодолевать подъёмы и языки наледи, запорошенные ручьи и речки. Становилось жарко, потно и мокро от макушки до пяток, но ненадолго.

О традициях северного гостеприимства

Среди стылых барханов замаячило всеесезонное место отдыха столичных рыбаков – балок. Сейчас до рыбы не докопаться: позёмка с захлёстами – электората нет. Щелястый схрон-ориентир за пределами диапазона северных традиций. В таких точках обычно оставляют дрова, спички и чай, сухари, а то и бутылку керосина. Наверное, это было лишь во времена Дерсу Узала. Теперь всё по-другому: с

«наскальной» живописью, без харчей и энергоносителей, с ошмётками цивилизации и признаками творческих терзаний начинающих художников-граффитистов и Ворошиловских стрелков.

Барханы заметно утолщались, а лобовое стекло японки зарастало вылетающим из-под УАЗа снегом. Вначале дворники ещё пытались скрести, затем запищали, завизжали, захрипели и, наконец, ошеломлённые нечеловеческой нагрузкой и ледяным равнодушием экипажа к их судьбам – остановились. Форма физиономии «Тойоты» ассоциировалось с ледяными скульптурами, которые так любят строить китайцы на площадях столиц своих провинций. Становилось зубдробительно зябко и пессимистически безразлично.

Ползли промеж сопок, где когда-то проходила граница между коряками-оленеводами и ительменами-камчадалами. Где-то здесь, как гласят легенды, жил легендарный ительменский богатырь Тылвал. Его сестра в одних сказаниях Рынгена, в других – Рынгена больше, чем сестра, крепко задружила с коряком-нехристом из Воямполки. До опочивальни Рынгену нехристь не довёл, но конфетно-букетная экспрессия единения шла к этому. Поскольку Тылвал обладал колоссальной силой и представлял большую опасность для соискателя руки и сердца её, принялась красавица-

сеструха делать пакости братцу: то тетиву на луке надрежет, то стрелы переломает. Палит коряк в Тылвала со своего исправного лука, падает брат-Тылвал, а стрелок-нехристь давай себе безудержно и нагло целовать невесту. Такое в тундре не прощается. Суров был брат и взыскателен: перебил в гневе всех коряков на смерть, а точёные ножки сестрёнки привязал к двум диким оленям, да и пустил их в разные стороны. Остался здесь лишь Песельный березняк, где девица песни возлюбленному пела да невестилась, и Изменная сопка, где вредничала брательнику и чудесила.

С примёрзлыми конечностями и печальными мыслями о судьбе несчастной девушки посреди ночи мы «ворвались» в национальное село Воямполка. В прежние времена Воямполка считалась жарко и несправедливо зацелованной прежней губернаторшей Корякии Валентиной Тадеевной Броневиц. Здесь в 1996 году даже зародился Совет Возрождения ительменов Камчатки «Тхсаном» («Рассвет») и впервые в российской истории аборигенами получен кусок территории традиционного природопользования.

Вспомнилось прошлое путешествие в это село. Поездка была первой как для только что назначенного полпреда президента, так и для меня, пока ещё никуда и никем не назначенного, но объявленного уже назначенным.

Аборигенка-губернатор привезла нас в Воямполку глубокой осенью, чтобы продемонстрировать новейшую школу. Зима здесь даже в справочниках занимает 170 суток, так что сами прикиньте, когда здесь числится осень. В сопровождении начальницы сельской администрации от вертолётки до общеобразовательной гордости губернаторши прокрадывались аккуратно, тщательно обходя лужи и хляби. Ступали точно так, как это делали Павел Иванович Чичиков и Мижуев, когда помещик Ноздрёв представлял им свои владения. Затем, как и героиня поэмы Н.В. Гоголя, «...увидя, что это ни к чему не служит, брели прямо, не разбирая, где большая, а где меньшая грязь». Башмаки страдали молча, а школа оказалась уютным модулем с автономной системой света, тепла и других радостей жизни. В 1932 году первый воямпольский учитель здесь тоже радовался новой школе – палатке с окнами из пергаментной бумаги, подаренной местным олигархом-«икрянщиком».

В тот приезд сельская власть затеяла тему, врезавшуюся в память безмерным радушием и своей новизной:

– Что же Вы так скоро улетаете, Константин Борисович, – спросила у Пуликовского начальница после героического покорения обратного пути к вертолётке. – У нас же в селе мужиков всего-то раз, два, да и те... не очень-то

такие, как этого требуется. Так что оставайтесь в Воямполке на ночь, не пожалеете.

– Так я ж не один...

– Это хорошо, всем хватит.

В тот раз вместо прелестей Воямполки гладили и кормили оленей, поначалу приводя их в панику и ужас рёвом вертолётных моторов. Нынешняя встреча с Ваямпылкавывок или с «рекой тонущих» оказалась другой. Сельские «...псы заливались всеми возможными голосами: один, забросивши вверх голову, выводил так протяжно и с таким старанием, как будто за это получал бог знает какое жалованье; другой отхватывал наскоро, как пономарь; промеж них звенел, как почтовый звонок, неугомонный дискант, вероятно молодого щенка, и всё это, наконец, повершал бас, может быть старик, наделённый дюжею собачьей натурой, потому что хрипел, как хрипит певческий контрабас, когда концерт в полном разливе: тенора поднимаются на цыпочки от сильного желания вывести высокую ноту, и всё, что ни есть, порывается кверху, закидывает голову, а один, засунувши небритый подбородок в галстук, присев и опустившись почти до земли, пропускает оттуда свою ноту, от которой трясутся и дребезжат стёкла». Эту цитату я позаимствовал у Н.В. Гоголя из описания той ночи, когда П.И. Чичиков очутился у ворот Настасьи Петровны Коробочки. Воям-

польские шарики закатали нам такой гала-концерт, что и Настасье не снилось.

С ног сбились, начальницу администрации вычисляя, и нашли её на чьих-то именинах. Общались лишь по телефону и так узнали, где искать кров. Сопровождаемые собаками, кров нашли, а ответственный за кров и печку человек, выяснив, что наш транспорт остался на улице, страшно возбудился.

– *Наши* пацаны, – заявил он с радостным предвкушением комментатора утренних сельских новостей, – через час разнесут *ваши* машины в хлам. Если хотите, – добавил он, – поставьте их кому-то во двор, чтобы за забором и с домашними собаками.

Лично мне показалось, что такой перестановки автомашин ответственному за кров и печку человеку как раз и не хотелось.

Поскольку часа ещё не прошло, а машины пока ещё не разнесли, снова позвонили на именины и получили: чей-то двор, забор и домашних собак за ним. В доме, куда нас определили на ночлег, было уютно и тепло, но кроватей, конечно, не хватало. Запомнился казан, вмонтированный в печку, что придавало мебелировке неповторимое изящество. Эффект изящества усилился, когда казанок обтыкали мокрой обувью. Хорошо помню, что на ужин была и водка, а вот сколько её было и какая именно, голословно утверждать не буду. По-

скольку в экипаже фиксированными обязанностями обременён не был, благородно решил, что кровати не хватило именно мне. Взясся за женскую работу поддерживать очаг и следить, чтобы не сгорела обувь. Караулил до утра и даже ничего не сжёг. В заключение добавлю ещё одну деталь, встретившуюся заместителю губернатора по ЖКХ, транспорту и связи и сопровождающим его лицам в Воямполке. Солярки здесь уже почти что не было и дизель-генератор запускали на два часа вечерами. Все ранее описанные мною действия происходили в кромешной тьме, в свете лучины или под светом направленных на окна фар, о здоровье которых так трогательно заботился перед выездом мой друг Вася. Губернатор снова победил, не сомневаясь в том, что станцию космической связи всё равно подзажрать будет негде.

Спозаранку контуры давнишней колеи потянули нас в сторону основанного в середине XVIII века села Тигиль. Когда-то это был сугобо камчадальский надел с топонимом, переводящимся, как «вязка лыж». Вроде бы как казачи, чтобы им туземцы не мешали своей антисанитарией, и когда Сталина ещё не было, затеяли для аборигенов Тигиля депортацию в другие места Камчатки. Потом здесь стояла Тигильская крепость, куда часто заглядывал комендант Гижиги капитан Т.И. Шмалёв, здесь

бывал и знаменитый мореплаватель В.М. Головнин...

Речку Тигиль из-за снегопада мы не заметили. В теории славится она берегами из бурого угля. Не раз слышал, что бурого угля в Корякии полно, а пласты расположены так, что добывать его можно без всяких шахт и проходов. А поскольку запасы угля в Корякии ещё не разведаны, то почти такой же уголь завозят кораблями с материка, как правило, в мороз и в ненастье. Говорят, что тигильским охотникам и рыбакам мнение геологов неизвестно. А поскольку они не знают о том, что запасы не разведаны, то используют уголь без какой-либо разведки и экспертизы на зольность. Набирают себе этот бурый и неразведанный уголь, разжигают костёр без всяких гигакалорийных расчётов и греются, варят еду или сушат одежду. Летом речку оккупируют бригады рыбаков, потому что лосось из Охотского моря на нерест приходит именно сюда, но варить уху на угле может только очень большой чудак. Узнал мимоходом, что ительмены при приготовлении рыбы всегда опускают её в кипящую воду и до сих пор смеются над русскими, считая, что те, бросая рыбу в холодную воду, варят не что иное, как опану, или первое блюдо для ездовых собак.

Несколько раз пинали машину под зад, но в целом куда-то ехали. Обувь дышала воямполь-

ским теплом недолго. Замёрз до полусмерти. После настойчивой и разумной критики заместителя губернатора перешёл из «Тойоты» в УАЗ. Тогда же и обнаружил валенки. Внутренне успокаивал себя тем, что жив скорее не благодаря, а вопреки. (Это я так себе героизма добавляю.) А тогда надеялся, что коллеги моё паническое бегство из «Тойоты» воспримут правильно, учитывая фраерскую куртчёнку с молнией, оборванной в предполагаемом районе Песельного березняка. Молния влияла на положение шарфа, который развевался так, как это в юности делал галстук на построении пионерской дружины. Молния – это не природное явление, а юность – не журнал.

Село Тигиль муниципальная столица, на землях которого стоит даже столица всего автономного округа, то есть Палана. Понятно, что в Палане собралась вся мощь федеральных органов исполнительной власти окружного масштаба, что ничуть не умаляло достоинств Тигилия. За любыми справками, которые всегда кому-то и от кого-то нужны, а также к адвокату, в суд, в военкомат или на медкомиссию, чтобы попасть либо не попасть в армию, для столичных жителей прямая дорога – в Тигиль. Такая вот система образовалась с кривоколенной и кружевной вертикалью местной власти. Про цены на билеты, т.е. за справки, на этот раз лучше промолчу. Сообщу только, что

Тигильский район примерно на одну Адыгею больше двух Тульских областей. Это к масштабам и стоимости проезда.

Тигиль произвёл ровное впечатление. Коммунальные службы хлеб свой отработывали честно, все улицы были расчищены, а фонари, в отличие от Воямполки, симпатично сияли даже среди белого дня. Наверное, их не выключали лишь с той целью, чтобы вечером не забыть включить. Голову муниципалитета узрели случайно, чему тот, по моим наблюдениям, не обрадовался. Заявил, что до чрезвычайности занят избирателями и всячески вырывается из рук замгубернатора на очередную судьбоносную встречу с народом.

– Вы к нам по работе или по делу? – это был его главный вопрос, который он повторил дважды, что произвело на меня впечатление сильное.

Сначала голова объяснялся скупо, однотонно, устало и перед окружной администрацией не пресмыкался. Подчёркивал всячески, что каждая минута у него намертво спланирована для народа, но после каждого, даже самого безобидного вопроса взрывался неистовым многословием, воспроизводя нечто среднее между апрельскими тезисами Ленина и первوماйскими призывами партии к трудящимся. И хотя голова стоял перед нами собственными ногами на хорошо отутюженной муни-

ципальной земле, казалось, что его агитки летят с высокой трибуны президиума. Спустя месяц от его недоброжелателей узнал, что в ту горячую пору велеречивые тезисы головы звучали чаще всего перед трудовым коллективом местного ресторана. Он даже в больницу попал надолго на почве избыточных встреч с этими избирателями, но на выборах победил. Информация с брызжущих ядом языков конкурентов оказалась точной.

Гостиница располагалась в квартирах обычного жилого дома эконом-класса с видами сквозь стеклопакеты на центральную площадь Тигиля. Поскольку в туалетах попахивало подъездами, то с первого же вдоха понял класс самого отеля. Вместе с тем его чистые и тёплые комнаты дышали теплом и уютом. О собаках надоедать вам не буду, собак здесь показалось преступно мало, хотя по переписи 1926 года числилось ровным счётом 7736 штук. Визжащего борзого кобеля, присевшего «...задом к земле, по поводу горячего кипятка, которым обкатил его, выглянувши из кухни, повар», возле кафешки наблюдал. Может быть, это был и не кобель, и не борзой пёс, но под случай из «Мёртвых душ» эпизод вписывался однозначно.

Вспомнил о Гижиге, революции, контрреволюции и телеграмме бизнесмена Г.Г. Бека своему белогвардейскому другу Бочкарёву в

Наяхан: «...имею свыше пятисот ведер спирта, двести пудов сахара-рафинада, пятьсот пудов мануфактуры английской, пятьсот пудов чая. Цены мне затруднительно сейчас сказать, поставлю в Тигиль средние рыночные Камчатки. <...> Всею душой рад служить в данном случае делу большого государственного значения». Чтобы не сбиться на рекламу, перечислять ассортимент товаров тигильского универмага не буду. Скажу лишь, что однажды в Певеке купил себе китайский галстук с добрыми пожеланиями в инструкции: «...нос ите на здоровье! Для продлевания жизни нашего продукта придерживайтесь к мировым указаниям о стирании». Навечно поражённый бациллой преследования подобных памяток, бродил по универмагу в блаженном предвкушении пополнения гардероба. Не пополнил и решил, что до Петропавловска обойдусь и без нового галстука, а Василий прикупил сигареты и определил их у канистр с хорошим и плохим бензинами. Параллельно он умело запугивал меня дикостью той дороги, которая нас ожидает дальше. В детали Василий не вдавался, но результата достиг.

В сознании уже маячили ительменские земли. Когда-то С.П. Крашенинников считал, что слова «камчадал» и «Камчатка» пришли от коряков: «Кончаток» – в долине Камчатки, «кончал» – корякское название камчадалов, что

позиционируют себя ительменами. «В житье гнусны, – писал он, – никакой чистоты не наблюдают, лица и рук не умывают, ногтей не обрезают, едят из одной посуды с собаками и никогда её не моют, все вообще пахнут рыбою, как гагары; волос на голове не чешут...». Камчадалки, «будучи от казаков биты, вшей у себя повывели». Вместо белил для лица употребляли гнилое дерево, а румянились морской травой, которую мочили в тюленьем жиру и «намазывали щёки столь же красно, как румянами». Подумал, что если экспедиция затянется ещё на 2-3 дня, то и мы таким ительменам ни в чём не уступим. Кроме того здесь в давние годы циркулировали утверждения коряков о встречах с обросшими шерстью голыми людьми-оборотнями с волчьими когтями на ногах, слухи о «диких людях», пийхыльбу или «прятальщиках», которые живут в пещерах, а зимой ходят босиком. Всего больше не хотелось встретиться с вредоносными духами нин'витами: кровожадными лохматыми существами, с тремя-пятью красными глазами, оттопыренными ушами, огромными зловонными ртами, острыми клыками и тощими жилистыми конечностями.

Получалось, что если встреча с ними не произойдёт, то даже смертельное замерзание в тундре будет несомненной удачей. В 1649 году здесь потерялся след устюжского торго-

вого человека Федота Алексея Попова, снарядившего на свои средства экспедицию, куда входил и Семён Дежнёв. Слово «вины» в корякском языке означает «след» и «дорога». Дорога представляется следом, кем-то оставленным. Попов пропал в районе Тигиля давно, но об этом помнят даже сегодня. Так что подвиг наш, может, и будет неизвестен, но бессмертная слава почти что обеспечена уже тем, что с нами разговаривал муниципальный голова в свободное от избирательного процесса время.

Глава IV. NEC PLUS ULTRA¹

Небывалые комбинации былых впечатлений

Тигильские фонари продолжали свою бесшумную вахту. Тигильский рассвет отличался от заката лишь тем, что снег уже не падал, а, занимая вторую ступеньку в утреннем рейтинге обсуждаемых тем, пронёсился параллельно поверхности платиново-угольной земли Корякии и уносился в тундру. Первую ступеньку оккупировали свежие воспоминания о «небывалых комбинациях былых впечатлений», как определял сновидения наш земляк И.М. Сеченов. Возможно, мне снилась встреча с героем сожжённого тома «Мёртвых душ» помещиком Петром Петровичем Петухом. Тот умел во сне «...через открытый рот и носовые ноздри <...> издавать какие-то звуки, какие не бывают и в новой музыке». У него был «...и барабан, и флейта, и какой-то отрывистый звук, точно собачий лай». Поскольку под подозрения о таком же точно храпе угодили и другие товарищи, то и мнения, чья флейта громче – разде-

¹ Дальше некуда (лат.)

лились. Василия ночные разрывы в двигательной и сенсорной активности не заинтересовали. Он осмысливал оставшуюся часть похода. Будучи дебютантом кампании и его приближённым, я тщился вкрасться в тайные помыслы командора.

Спустя час после старта минули сиротливо вытыкающееся из бархана строеньице с антенной, но без признаков жизни: света, дыма и следов человека на снегу. По аборигенным традициям, если с дороги видать стойбище, то во что бы то ни стало следует свернуть, встретиться с его обитателями, попить чаю и поговорить о новостях. Проезжать мимо неприлично, но мы поступили именно так и сразу же поплавились. Нас чуть было не уничтожили два Урала, неизвестно откуда взявшиеся и тут же без всяких извинений растворившиеся среди снегов и вьюги. Заметить успели лишь то, что шли они на жёсткой сцепке с единственной тускло мерцающей фарой. Испуг пришёл уже тогда, когда трёхосные хамы подло скрылись в пурге. Из кювета выбирались долго. Валандались вокруг машин и щедро делились советами, как газовать, до тех пор, пока не взяли за лопаты. Вспомнил похоронный церемониал Мешалкина Андрея, слёзы его детей и жены Эвелины, траурную речь губернатора Броневич и клятву зампрокурора Корякии Бориса Чуева – найти и разорвать

убийцу друга. Инцидент с Уралами вполне мог бы закончиться таким же мероприятием. На месте встречи с ними не было даже куста, куда можно было бы приладить руль с бумажными цветами. Высказал свои огорчения Васе, но тот тему не поддержал.

В тундре очевидного больше невероятного. В Тигиле мы попутчиков не нашли, хотя обзванивали всех, включая ФСБ и милицию. Понятно, что и в Тигиль в тот день, может быть, приехали бы только эти грузовики. Ясно, что через сутки, не дай Бог что, нашли бы, конечно, и нас, и водителей летающих Уралов... У главного федерального инспектора Мешалкина трагедия случилась на сплаве. Он погиб, а почему и как это произошло – неизвестно. На береговых точках «А» и «В» фигуранты известны поимённо. А вот в точке «Б», где Андрей сделал остановку, сыщики обнаружили две кружки, остатки пищи и окурки. Мешалкин не курил, а кто курил и пил со второй кружки либо держал её в руках – Икс. Тундра только на первый взгляд такая же необъятная, большая и дикая, как Черкизовский рынок в Москве. На самом деле здесь всем известно намного больше, чем следователям, но прокуратура Икса не распознала, и клятва зампрокурора Б.Н. Чуева осталась лозунгом.

Тем временем на смену равнине пришли горы и перевалы. Всё чаще приходилось толкать

машину или вызволять из сугробов сани. На одном из таких митингов мне показали признаки границы между Корякией и Камчатской областью. Сомневаться в том, что между субъектами федерации на административной карте России границы есть – не стоило. Но представлять себе их можно было только так, как это делал помещик Ноздрёв при общении с П.И. Чичиковым: «Вот граница! – сказал Ноздрёв. – Все, что ни видишь по эту сторону, всё это моё, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синееет, и всё, что за лесом, всё моё...». Поэму Гоголя перечитал вскоре после похода, поэтому она мною так часто и упоминается.

А мы забирались в тайгу. Один из перевалов мог бы вскружить головы художникам и фотографам: шишкинскому утру в сосновом лесу – прототип полный. Отличие в том, что попали сюда в ночь глухую, где в очередной раз стали пешеходами, а затем бурлаками. Картинная маета оказалась апофеозом марша, потребовавшим выхода на сцену всех артистов. Верёвками цеплялись к деревьям, разгонялись и стопорили, подкладывали и откапывали, тянули и толкали, подгребали и не щадили даже мисс или миссис Елену, водрузив её за руль и втолковав, какую конкретно педальку жать, какой ножкой и когда. Елена поначалу ойкала, затем сконцентрировалась, закусила

губки, сжалась и прилежно жала. Для усиления коэффициента сцепления здесь даже снимали валенки и цепляли на себя нажитую непосильным трудом и промёрзшую в багажнике личную обувку. Здесь сгодилась даже канистра с правильным бензином, что в багажнике рядом с сигаретами и спичками, потому как УАЗик принялся вредничать. Здесь взмогло всё, что могло бы взмокнуть, а затем одревенела вся совокупность материальных предметов, которые повивали каждого из членов сообщества. На смену озноба ко мне прочно приклеились трясушка и температура, высота которой инструментальным путём не определялась ввиду отсутствия КИП. Душе очень хотелось реинкарнации.

Протащились мимо строительного отряда. Он встал там, где его застучала зима. Нетронутый бело-голубой снег среди фантастически высоких и стройных деревьев. Тронутая до пней просека, длинная улица вагончиков на полозьях и застывших в строю бульдозеров, лесовозов и грейдеров, чем-то напоминающих слонов и носорогов, которых в живой природе не встречал. До этого звери успели наворочать бивнями прилично, и похоже, что всепогодная дорога между столицами Корякии и Камчатской области всё-таки будет. И тогда в Корякии постоянно будет хлеб и нужные врачи. Собаки к своим обязанностям от-

неслись формально, заглядывать на огонёк было некуда ввиду отсутствия огонька. Не с кем пить чай и обменяться новостями. В нарушении аборигенной традиции на этот раз мы своей вины не находили.

Вскоре заместитель губернатора по ЖКХ, транспорту и связи тусклым морганием раскосых японских фар учредил остановку. До наступления 8 марта оставалась минута. «Цигель, цигель, товарищи! Ай-лю-лю», на капоте колбаса и нет повода не выпить. Вспомнили о том, что мы камчадалы и первыми в России отмечаем этот волнующий праздник. С.П. Крашенинников когда-то писал: «Камчадалы, которые на басни такие ж художники, как старинные греки, всем знатнейшим горам и ужасным, по их мнению, местам, каковы например кипячие воды, горелые сопки и прочая, (всегда. – **Г.Д.**) приписывают что-нибудь чудесное...». Чудесным был повод. Припомнили об аппарате космической связи, позвонили губернатору и такого страху нагнали ему о своей поездке, что и нетрясущихся заколотило, а потом привет женщинам Корякии передали. Трезвый и одинокий губернатор обрадовался тому, что мы живы, либо тому, что его телефон не утерян. Мне подумалось о том, что, отряжая нас, губернатор о пурге и личной ответственности произнёс справедливые слова. А мы обзвонили с поздравлениями своих

жён и торжественно перецеловали перед строем нашу Елену – олицетворение всех россиянок в этом шальном экипаже.

Последующий кусок дороги был противен и страшноват. Продвигались по чистому полю между вежами с обрывками тряпок. Там, где особенно сильно пуржило, кто-то брёл перед фарами и щупал дорогу ногами, периодически щупая пупком край кювета. Роль Сусанина переходила из рук в руки. Предзнаменование обочины оставалось неизменно – нырок впередибредущего товарища в сугроб. Однажды заехали далеко не туда. Дело могло бы обернуться неважнецки, если бы не пара встречных большегрузов со стройматериалами, запчастями и сливочным маслом для Корякии. Эти ребята молча подцепили, молча вытащили. Затем растолковали о другом, ещё более хитром повороте, который мы могли бы легко пропустить по-крупному, а сами понеслись дальше. Подсказка помогла, ибо хитрый поворот проскочили всего на пару десятков метров.

Пуржливое поле снова сменила тайга, где мы уткнулись в мир фантастического свинства из пней и беспорядочных завалов брёвен и веток, унавоженного опилками, щепками, окурками и характерными вензелями на снегу. Контраст между высоченными ещё нетронутыми деревьями, голубоватыми барханами свежего снега и этим бардаком поражал. Ле-

ший, которого боятся все отечественные лесорубы, свои космы, бороду, рога и козлиные ноги сюда точно не являл. Здешних дровосеков могли зажечь чёрт, сатана, кикимора и другие товарищи из числа мастеров мобилизовать людей на дурные дела. Перекинулись несколькими фразами с ударником капиталистического труда, что, нагло развалившись на трупе сосны, невзирая на присутствие заместителя губернатора по ЖКХ, транспорту и связи, бесстыдно, взнервленно и матерно ругался с бензопилой. На физиологические особенности чужой матери бензопила не реагировала, в её семье был лишь отец-изготовитель, постоянно проживающий в Японии. Дорога позволила ускорить темп. Тайга вновь засияла волшебством и дивными полутонами русской зимы. На одном дыхании пропедалировали Анавгай – национальное село эвенков и коряков, известное мне вертолётной площадкой подскока на линейке Палана – Петропавловск-Камчатский и древним стойбищем «Мэнедек», которого никогда не видел. Голод одолевал, но спать хотелось больше, чем хлеба и сосисок вместе взятых. Возможно, мне, как и П.И. Чичикову, чудился мотив и строки «Не белы снеги». Гоголь приписывал такое видение дремлющему Чичикову, уносящемуся из губернского города NN, мы же неслись в губернский город РК.

До Города оставалось полтыщи км, когда от измученного тела экипажа начали отторгаться жизненно важные органы. Отторжение происходило по тайно задуманному плану. Об этом легко догадались по вернувшейся к заместителю губернатора по ЖКХ, транспорту и связи осанке нобелевского лауреата, суждениям о жизни на Земле в целом и другим предвестникам заносчивости в условиях, когда под колёсами оказалось твёрдое покрытие, а на обочинах дорожные знаки. Дремлющий в нём дотолё административный свербёж встрепенулся и потребовал, чтобы его материальный носитель вспомнил о своём историческом предназначении принимать судьбоносные решения. Сначала носитель сообщил, что вынужден нас покинуть и лично остаться в столице Быстринского района Камчатской области, в национальном селе эвенов, коряков, алеутов и ительменов Эссо. Затем добавил, что прямо сейчас получил от губернатора неотложные задачи и сделал это заявление с таким выражением лица, будто бы только что похоронил своего лучшего друга, а на поминки его не пустил именно губернатор. Изрёк об этом твёрдо, не отрывая требуемого взора от собственных унтов. Задачи губернатора представлялась эвентуальными, поскольку контакты с губернатором могли быть только телепатические, к тому же ещё и

станция его космической связи валялась в собачнике нашего УАЗа. Поэтому материальному носителю пришлось кое-как выкручиваться, мудрить и даже по-девичьи пунцовать, что уже само по себе свидетельствовало о наличии у него совести. Космос вспоминать не следовало. Замгубера забрал космическое чудо связи и даже угрюмого водителя УАЗа, забывшегося лишь тем, что при объявлении привала или хороводика мальчишки (девочки) направо (налево) всегда оставался у машины крутить болты и гладить гайки. Замгубернатора легко подавил заранее подготовленную к эвакуации из УАЗа волю водителя, пересадил его в «Тойоту» и удалился в Эссо для работы в администрации того района Камчатской области, к которому администрация Корякского автономного округа не имела никакого отношения.

Замечательная перспектива завернуть в Эссо у меня имелась, невзирая на надлом в психологическом состоянии коллектива, что является обыденным явлением и нередко случается даже в экипажах космических кораблей и подводных лодок. Вопреки здравому смыслу, в отместку или даже по немотивированной глупости я отрешился от тепла и уюта. Отказался от возможности попасть с корабля на бал или в гостиницу предпринимателей Кудымовых, где мне всегда были рады. И сделал это пото-

му, что со стороны Администрации Корякии сердечного жеста в сторону Эссо для Васи с Еленой не последовало, а оставлять их на полпути к цели не позволяла совесть, которая у меня пока ещё вроде оставалась тоже.

Кинг Конг жив

Гегель считал, что страх, как и алчность, способен развить бешеную активность. Для второго у нас причин не было, а вот почему, не знаю, но у Василия, выдвинувшегося на позиции первого пилота болида, активность оказалась сверхбуйной. Прокрадывалась даже мыслишка о том, что управление автомобилем для него было делом довольно-таки непривычным. При переключении скоростей он с продолжительной обязательностью зорко вглядывался в рычаги, как бы раздумывая, за какой из них потянуть на этот раз. В такие моменты казалось, что чуть-чуть ещё, и органы управления он будет пробовать на зуб. В такие моменты на дорогу он не обращал ни малейшего внимания и тем самым вызывал у меня обострённое любопытство. Вася ехал в основном по-лондонски, предпочитая левостороннее движение, хотя настолько хватало глаз, на дороге не было даже повозок или велосипедистов, кого гаишники так любят рисовать в своих билетах по ПДД. Казалось ещё, что Васю подцепил вирус тщеславия, так как

выжимал из УАЗа больше того, на что надеялись ульяновские инженеры и конструкторы.

Проявившиеся особенности езды поглощались безопасностью дороги между Валагинским и Срединным хребтами и размышлениями о том, что по статистике солнечных дней здесь более 320, а пуржливых 20. Наш день попал в двадцатку – наслаждались агонией умирающей метели. Стилем вождения из бессистемной полудрёмы не наслаждались. Вася пассажиров не трогал, а на дорогу сильно не заглядывался. Увлёкшись новым для себя делом, переключение скоростей он продолжал вершить с выдумкой и с такой старательностью, будто бы гвоздодёром вытаскивал какой-то особенно ржавый и кривой гвоздь, разглядывая при этом не только собственно гвоздь, но и то место, куда бы его потом лучше всего забить заново. Единственная угроза для нас таилась в сугробах, куда можно было лишь уткнуться. Кувыркнуться здесь негде.

Царство Курильской лиственницы и белой берёзы расступалось в пурге, о чём можно было лишь догадываться, опираясь на воспоминания о прошлых путешествиях. Вскоре зашумит ветвями владычество голой каменной берёзы, в хороводах и в обнимку с обычными ёлками и сосёнками, в перелесках и рощицах, сгущающихся постепенно в непроходимые лесные чащобы, тянущиеся между го-

рячими и спящими вулканами и сияющими в добрые дни хребтами гор на многие сотни километров.

А пока что мы в самом центре сельскохозяйственной Камчатки. Камчатскую житницу село Мильково объехать невозможно, наш путь лежит через него – трасса село рассекает. Здесь в 1697 году Владимир Атласов учредил Верхнекамчатский острог, а по указу императрицы Анны Иоанновны 1733 года именно сюда с берегов Лены для развития хлебопашества на полуострове привезли крестьян. Полтора века назад Карл фон Дитмар записал, что в «Милкова» очень хорошие огороды, широкая улица, хорошие дома, церковь, сытная жизнь и ткацкая школа. Ткачество поддерживал губернатор В.С. Завойко, у него до всего руки доходили. В 1852 году в Мильково он пытался вручить двум здешним девушкам за умелое изготовление крапивного полотна присланные Экономическим обществом Петербурга брошку и золотые серьги с гранатами. Барышни подарков не приняли, мотивируя это тем, что украшения не подходят к их костюмам.

Здесь полотна уже не ткут, от губернского начальства – чаще всего приходят грамоты, да и у девушек приоритеты поменялись. Понимание того, что мы в житнице, что лучшая картошка, капуста и прочее такое Камчатки

где-то здесь, рядом и не под снегом, ободряло ощущение коллективного голода до состояния навязчиво-приторных галлюцинаций. Натюрморты с продуктами питания вытесняли пейзажи самых известных художников мира, а стол из знаменитого библейского сюжета Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» в воображении занимал центральное место. Исследователи утверждают, что с течением времени порции еды на этом прославленном столе, блюда и другая посуда увеличились от 23 до 69 процентов. Думаю, что в эти томительные предрасветные минуты мы воображали себе только стол, заваленный кратно увеличенными яствами без всякой посуды и столовых приборов. В такое время суток в ресторане Мильково могла буйствовать только свадьба. Она буйствовала, вокруг перемещались хмурые и неуравновешенные типы, которых в чистоте своих намерений по отношению к нам было заподозрить трудно, а нереализованная заинтересованность в собственно свадьбе в их глазах читалась легко. В библейском сюжете был изображён последний ужин Иисуса Христа со своими учениками. Там же Господь предсказал, что один из них предаст его.

Василий начал было вежливые переговоры насчёт перекусить, а я – выискивать глазами Иуду. Служба безопасности ресторана, не разобравшись в том, что у Василия нервы оголе-

ны ещё 800 километров назад, легкомысленно послала Васю коротко и персонально, подразуемая, что туда же уйдут и сопровождающие его лица. Эти молодые люди с бейджиками от «Антон» и до «Ярослава» и оказались коллективным предателем наших устремлений к добру – коллективным Иудой. Поскольку в родной Палане за Василием стояла Центральная котельная и партия радикальных монополистов, он тут же применил свои знания в области антимонопольного законодательства, защиты прав потребителей и принялся ещё дальше посылать службу безопасности в целом, затем посылать туда же руководство села, потом уже Мильковского района... Наверное, он взялся бы и за область, но тут позвали ответора ресторана по работе с крупнейшими клиентами, поэтому о руководстве Камчатской области Василий не выражался. Так был получен VIP-зал и спецобслуживание, о которых на полном серьёзе сообщил нам уполномоченный переговорщик.

О существовании этого зала в Мильково мало кто знал, а в самом ресторане знали, но не все. В левом углу размещались б/у мётлы, швабры и их комплектующие; в правом – огромный серый мешок с голубым бантиком сверху; посередине – побитый буйными толстосумами стол и несколько стульев разных эпох, стилей и коллекций. Запомнилась картинка с

видом Владивостока. Наверное, город набивался Мильково в побратимы. Была ещё нимфа с «огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал», а Чичиков однажды обнаружил в отеле губернского города NN. Мильковская нимфа до повешения была явно отрезана от календаря за неизвестный год. Судя по заниженной социальной ответственности во взгляде, это была явно ненашенская девушка, хотя размах её груди был как бы российским. Но это была и не японская нимфа – у японских нимф таких груди не бывает, и это я знаю точно, поскольку на их нимф в развешанных по Владивостоку и Хабаровску календарях насмотрелся вдоволь.

Убранство зала насмерть убило мой аппетит. Я даже начал сам себя распалить понапраслиной разной. Представил логичным здесь иметь недовес, недосол, недовар, недоллив и переплат, чем сам себя, несмотря на высокую температуру и полубморочное состояние, подогрел так, что от участия в застолье отрёшился. Василий с Еленой согласились трапезничать именно здесь. Панацеей от сельхозвипа могла быть круглосуточная палатка, которую нашёл быстро, пренебрегая недоброжелательной заинтересованностью в маршруте хмурых и неуравновешенных типов. Поскольку селом владела свадьба, задумался над различными аспектами этого дей-

ства. Припомнил, по какой схеме камчадал за-получал себе жену встарь. Сделать это оказа-лось нетрудно, поскольку брачные перипетии в описании Камчатки XVIII века подробно рассмотрены исследователем полуострова С.П. Крашенинниковым.

Тогда твёрдо надумавший жениться абори-ген приходил в дом предполагаемой невесты и принимался помогать по хозяйству её ро-дителям. В том случае, если он не нравился семье невесты – ему сразу же давали понять, чтобы искал своё счастье в другом месте. Ес-ли же юноша соответствовал семейным пред-ставлениям о будущем зяте, то родители по-тенциальной невесты выносили позитивный вердикт: «Хватай, буде можешь и на себя наде-ешься».

И здесь для него начинался судьбоносный экзамен. Во-первых, с этой минуты невесту одевали в аборигенный комбинезон (хоньбы) и опутывали сетями. Во-вторых, с этой же се-кунды всё женское население стойбища начи-нало беспрестанно бдить за тем, чтобы не позволить жениху её «хватать». При его при-ближении к невесте женщины могли избить и даже искалечить жениха, если тот не будет быстрым и сообразительным в действиях. Но «...если жених улучит в малолюдстве свою не-весту, – пишет С.П. Крашенинников, – то бро-сается с великим стремлением, дерёт на ней

хоньбы и сети, чтоб коснуться тайного уда: ибо сие у них вместо венчания почитается». После этого жених без каких-либо церемо-ний вступает в полные права мужа, поутру увозит молодую жену в дом своих родителей, а со временем проходит уже то, что нами при-нято называть свадьбой. Естественно и понят-но, что «тайный уд» расположен с фасадной стороны невесты, точно напротив пупка чуть ниже.

Крашенинников пишет и о том, что на вдо-вах в те годы женились без соответствующих обрядов, но по предварительной договорён-ности. «Однако вдовы за себя никто не возь-мет, пока с ней греха не будет снято, что со-стоит в одном совокуплении с нею человека стороннего, – разъясняет С.П. Крашенинни-ков. – А понеже это почиталось у них за такое бесчестие, что никто грехов не снимывал, кроме таких людей, кои не смотрят на то, что им век жить в поругании и презрении, каких, однакож, между ими немного, то бедные вдо-вы принуждены бывали в прежние годы ис-кать грехоснимателей с великим трудом и убытком... Но как казаки на Камчатку наехали, то оная трудность миновала».

Я не увязывал давние традиции аборигенов с браком, свершающимся на небесах Милько-во. Не знал, кто женится, кто выходит замуж, каких кровей новобрачные, в какой по счёту

брак вступают, желал новой семье любви и достатка, подчёркивая ещё раз, что объектом нашего интереса той ночью была сельская вкусная и здоровая пища, но не социум, её окружающий.

Заметил лишь на обратном от палатки пути, что в Мильково так ни одной собаки и не встретил. Связал с тем, что в такую погоду ни один порядочный хозяин даже собаку на улице не выгонит. Уже в больничной палате, перечитывая Гоголя, обратил внимание на финал торга Ноздрёва с Чичиковым. Провоцируя на сделку, помещик предложил Павлу Ивановичу собак – «...такую пару, просто мороз по коже подирает! брдастая, с усами, шерсть стоит вверх, как щетина. Бочковатость ребру не постижимая, лапа вся в комке, земли не заденет!» Подумал, если мои догадки о погоде неверны, а собак в Мильково и правда нет, то Ноздрёв здесь мог бы сделать деньги.

...Василий нетипично резко газанул, и мне почудилось, что в ресторане он газанул тоже. Сразу же признаюсь, что ни до этого, ни после – я ни минуты не служил в госнарконтроле, ГИБДД или здравоохранении. С учётом такого непрофессионализма, а также по морально-этическим, ещё более важным для меня как для человека и гражданина причинам, о водителе не буду сочинять ничего, тем более двое-толковательного. Предполагаю, что под визи-

рающей на Владивосток легкомысленно раздетой нимфой Василий пропитался парами, которыми обычно напитаны залы и даже кладовки уборщиц на предприятиях подобного профиля. Елена в сытной безмятежности уснула, я ощутил себя совершенно одиноким и перебрался в партер экипажа. С переключением передач дело наладилось, вместе с Василием мы зорко следили за дорогой, держали руль и не возвращались в свою полосу, поскольку уже признавали только одну из них, и вы помните какую.

Чтобы не заснуть и не дать повода к установке несанкционированных памятных знаков у обочин, поначалу мы делали жёсткие остановки под соусом ревизии галлюцинаций о приспущенных шинах, подозрительных шумах в пламенном моторе, приотгорванным тенте либо внезапно погасшим габаритам. Щупали авто, удивлялись её выносливости и натуральной красоте спящей Елены. Суэта вокруг ульяновской кобылы привела ноги в то состояние, в котором у чекистов ценятся головы. Партер жил своей автономной жизнью.

Затем остановки прекратились. Вокруг нас начал тусовку «Мицубиси» без номеров. Он пристраивался в кильватер, почти что толкая нас фарами, в неожиданно опасной близости обгонял впритирку и уходил ненадолго в отрыв, внезапно объявлялся перед нами, ослеп-

ляя и оглушая громом современной какофонической музыки. Казалось, что от повторения подвига Гастелло нас спасала только железная выдержка Василия. На сухопутном траверзе Усть-Большерецка «Мицубиси» вынудил нас замереть на месте. Из него вывалился тимуровец, но это я понял уже потом, а сразу, разглядев гориллоподобную фигуру, сообразил только то, что Кинг Конг жив. Кинг Конг поднял сделанный из советского металлолома японский капот, набросил крокодилы на клеммы аккумулятора, отхлебнул чуток чего-то из бутылки, затем нетвёрдо, но категорически сообщил: «Твесси пииссят рублей». Он считал, что на его дороге обязаны «прикуривать» все и строго за 250 рэ. Видимо, я совершенно напрасно лазил в зад салона и облапывал коврики и сидения под Еленой и вокруг неё, в поисках железок и запчастей, заботливо собранных Василием. Демонстрация увесистых аргументов оказалась излишней, Кинг Конг был демонстративно добр и предельно пьян. Он признал, что его бизнес интересен, но не всякому нужен, но сигареты у нас всё-таки вытребовал. Сделал это, скорее, для укрепления общей дисциплины на дороге. В салоне его машины было полно сигарет и водки, что я обнаружил лично, когда чуть было не начал колоть колеса «Мицубиси» в соответствии с ранее утверждённым планом.

С сухопутным траверзом Усть-Большерецка я встречался и раньше. Однажды с губернатором Камчатки мы здесь очень долго спорили об уровне подготовки японских инженеров. Тогда мы ехали на его «Land Cruiser» последнего выпуска с впервые севшим за этот руль водителем «Волги». Пришлось ставить запаску, которую нашли, но открутить не сумели. Замёрзли порядочно, а выручил водитель другого «Land Cruiser», который здесь появился вместе с большой души человеком, добрейшим областным прокурором Войтовичем. Добавлю ещё только для вас, что невдалеке от этого места есть Пушино с заброшенной взлётно-посадочной полосой, построенной специально для «Shuttle made is USSA». В ЮССА с этим Шатлом ничего не вышло, может быть, просто эта задача была насовсем снята. Труд не пропал даром – по полосе теперь носят наши байкеры. А Камчатка в космосе осталась. И если на её вулканах успешные испытания советских «Луноходов» давно уже завершились, то теперь на наш полигон Кура регулярно прилетают и падают ракеты, запущенные в Плесецке.

В Петропавловске-Камчатском понял, что Вася светофоры ненавидит. В тундре даже палка от костра втыкается так, чтобы знать, где пройти легче. Круговые полосы от нартовых полозьев с большой снежной ямой посре-

дине указывают место отдыха или ночёвки, а контуры перевёрнутой трубки сообщают о том, что нет табака.

Я очутился дома. С органами фугами и токкатами в ушах и лёгких. С анимистической верой в независимое существование живой души, которая по ительменским поверьям в ином бытие не только у человека, но даже и у любой твари вплоть до малейшей мухи восстанет, и под землёй вечно жить будет в полном довольстве и радости.

Почуял, что дело – табак...

Глава V. ТУБА НЕ ДУРА

215 км² на карте Камчадални

О медицине помню мало. В госпитале на Рябиковке дневника не вёл, а время летало мимо: мешались ночи с днями, уколы с капельницами, таблетки с микстурами, и только лекаря сдавались все на одно лицо. Первой воскресла любознательность. Начал по запаху различать медсестёр. Затем увидел, что кровать одна, а в умывальнике целый сервиз майонезовый со своей фамилией и ещё двумя – неких Зимницкого и Нечипоренко. Подумал сразу, что это такие же, как и я, лузеры и сбитые лётчики. Очаровательная сестрица, начал уже распознавать приметы медичек, с обворожительно-сияющим вдохновением в глазах версию о сбитых лётчиках залиvisto обсмеяла, с обнажённым влечением к подробностям процесса разжевала методику дальнейших действий и обязала меня лично создавать историю своей болезни. Выведал у неё, конечно, кое-что из биографий Семёна Семёновича Зимницкого и Александра Захаровича Нечипоренко и квинтэссенцию их открытий. Одновременно узнал ещё, что недуги, подобные моему – сущая ерунда, потому

что врачи этого профиля были ещё при Гиппократе, а Авиценна о камнях-нефритах и пиелонефритах даже написал «Канон врачебной науки». Поняв, что у врачей шпаргалки для лечения есть, успокоился. Ангину в расчёт не брал – её истребляли уколами и ультрафиолетом, которого в отличие от всей остальной Камчатки в госпитале было завались. Детали странствования с моим другом Васей и заместителем губернатора по ЖКХ, транспорту и связи притуплялись, жизнь брала своё, а медицина перед памятью была бессильна. Вскоре я уже не слабее Бабы Яги метался по палате. Не на метле, конечно, зато с никелированной стойкой, градуированной банкой и подключённой к руке капельницей, о чём Баба не могла даже мечтать. Я безбоязненно хватался за банки с фамилиями медицинских светил и писал ту историю, которую мне поручила сестра.

Между банками читал Н.В. Гоголя, а параллельно уцепился даже в биографию Авачинской губы, что раскинулась под окнами госпиталя на 215 квадратных километрах, заполненных серо-голубыми далями воды, кляксами доживающего свои последние дни льда, армадой пограничных кораблей под замусоренным крутояром и ржавыми каботажниками в мелкой россыпи.

Оказалось, что учёные мужи первооткрывателя Авачинской губы искали несколько веков.

В соискателях первенства побывали соратник Дежнёва Федот Попов, казаки Михаил Стадунин, Лука Морозко и Владимир Атласов. С.П.Крашенинников заподозрил, что первым открывателем мог оказаться приказной Тимофей Кобелев. В 1957 году в Центральном государственном архиве древних актов нашлась ясачная книга Кобелева, а в Ленинградском отделении Архива АН СССР – копия рассказа казаков Ивана Могилева, Родиона Преснецова и Терентия Смердова, записанного в Якутске 24 декабря 1707 года. Так выяснилось, что по заданию камчатского приказного сына боярского Кобелева в 1703 году на Авачинской губе ясак собирал казак Родион Преснецов с 22 служивыми людьми. Золотая медаль первопроходца – у Родиона. А вот аборигенам ясак показался грабительским, и с казаками они скоро раздружились. Вернувшийся на Камчатку в качестве приказного головы Атласов в 1707 году для усмирения непонятливых туземцев отправил отряд Ивана Таратина из 70 казаков. «Изменники между тем, – писал С.П. Крашенинников, – скрывшись в лесу, по обе стороны дороги ожидали его прибытия, и, пропустя несколько передних, на самую середину напали...». У аборигенов было десятикратное превосходство, уверенность в победе и планы «...служивых не бить, но по рукам разбирать и вязать...». Самоуверенных ительменов разбили, но и казакам победа

крови стоила. В неудачах обвинили Атласова, и началось восстание казаков под руководством Данилы Анциферова. Его новый поход на Авачу потерпел фиаско. К тому времени бунтари уже прикончили троих камчатских приказных, включая Атласова, и решили реабилитироваться покорением Курил. Успех в Курильской кампании окрылил их на повторный вояж к Авачинской губе, куда в феврале 1712 года Данила Яковлевич повёл казаков лично. Ительмены «о том сведения» и соорудили к его прибытию «крепкой и пространной балаган с потайными подъёмными дверьми...». Сюда привели Анциферова и его войско, хорошенько угостили, пообещали дать «богатой ясак», а ночью «...сожгли их в помянутом балагане купно со своими аманатами» (заложниками. – Г.Д.). Позднее сбором ясака занялся И.П. Козыревский, а в 1724–1725 гг. авачинские ительмены вновь взбунтовались. Подробностей этих событий не нашёл, но в заметках С.П. Крашенинникова отражено, что «...оная страна совершенно не покорена, ибо до самого главного камчатского бунта, который учинился в 1731 году, тамошнее жители почти всегда в измене были».

Витус Беринг впервые увидел Авачинскую губу на карте Камчадалии 1722 года, которую по заказу Петра I изготовил Нюрнбергский картограф И.Б. Гоман. При подготовке второй экспедиции Беринга Академия наук рекомендовала

ему начать поход с юга Камчатки. Так возникла идея о создании базы экспедиции в Авачинской губе, которую одобрили Сенат и Адмиралтейств-коллегия. Для изучения района базирования были направлены геодезист Свистунов и штурман Родищев, а в октябре 1739 года и штурман Иван Елагин. Так как «при оной губе надлежит быть для жилья служителям строение, також и для клажи провианта магазейнам...», Елагин заложил русский поселок в Ниакиной бухте Авачи. Так в 1740 году и был основан Петропавловск, откуда и началось знаменитое плавание.

Можно было бы и подробнее рассказать вам о том, что узнал, но в палату потянулись гости с апельсинами, водкой и даже пряниками. Они понемножку злоупотребляли вторым, занюхивая третьим и зажёвывая первым. Некоторые из них являлись, чтобы подчеркнуть свою личную заинтересованность в моём выздоровлении, другие – для уточнения даты открытия вакансии в аппарате администрации президента. Последних гг. помню поимённо, невзирая даже на то, что они живы. Предзнаменование открывающейся вакансии я вычислил и по количеству сахара в газетах, которые растиражировали гипотезу об эффективности моей деятельности на Камчатке со ссылками на мнение областного начальства. Если в области хвалят, значит, в полпредстве – конец. Лишь в одном из СМИ по-

явилась практически чернуха, где меня зачислили в наследники Бенкендорфа, что было в мою пользу, но в это, же самое время «болезнь, – как отмечал М.М. Жванецкий, – уже принимала здоровые формы».

Простых камчадалов кадровые перестановки не напрягали. Казалось, что их не услаждала даже чарующая красота Авачинской губы. А мне даже сам факт дислокации госпиталя на крутом берегу губы и на Рябиковке доставлял муки неосознанно колдовского беспокойства. Десятью годами ранее мощный оползень откорректировал архитектуру здания этого госпиталя и развалил соседствующие с ним жилые дома, которые к сверхопасной зоне учёными были отнесены на пути к 100-летию В.И. Ленина. Эти учёные постоянно лопотали, что дремлющий рябиковский оползень когда-нибудь обязательно унесёт в бухту иловые поля и опустит все кровли зданий до того уровня, где сегодня стоят фундаменты, либо наберёт силу скального оползня и стряхнёт в воду всё, включая резервуары нашей нефтебазы.

Выяснил, что на острове Мадейра уползающая скала устроила пятнадцатиметровую волну, а когда в норвежский фьорд ухнули миллионы тонн камня – сорокаметровая волна распылила рыбацкие суда на сотни метров от берега. В 1963 году оползень в Итальянских Альпах поглотил селение Лонгароне с 2500 жителями.

Из госпитального окна я стал зорче присматриваться к нефтебазе, хищно возвышающейся над бухтой. Принялся вспоминать, кто из моих знакомых живёт в микрорайоне «Горизонт» или на улице Бохняка, где, как оказывается, расположены не менее оползнеопасные участки любимого города. Вспомнил ещё, что и сам всегда там жил, а сейчас обитаю на улице Атласова, куда с «Горизонта» оползень быстро поползёт. Заметьте, о себе вспомнил в последнюю очередь. Что переживать, и так лечусь. В общем, чтобы вас больше не травмировать об оползнях – мудрить не буду. Напоследок скажу просто: на арене адской активности эндогенных и экзогенных процессов отдельные годы у нас тут в Петропавловске недурно запоминаются гражданам пароксизмальным субсинхронным проявлением частых и сильных до катастрофических тектонических деформаций улиц и площадей. О результатах геолого-геоморфологического картирования и тефрохронологического датирования распространяться не буду, а то ещё подумаете, что считаю вас детским садом...

В процессе таких вялотекущих раздумий давление на организм и температура моих членов пришла в N, и мне санкционировали прогулки. Это позволяло ощупывать личной обувью рябиковский оползень, а также тропу здоровья за сигаретами: промеж стихийных свалок, помоек

с бездомными собаками и страшноватых подъездов с тематическими надписями. Продавщицы никогда не имели сдачи и показались мне настолько противными, что захотелось в Палану. Собак было много. Они с визгом встречали каждого прохожего, чтобы положить свои лапы ему на плечи. В такие мгновенья помещик Ноздрёв чувствовал себя «совершенно как отец среди семейства». В отсутствие этого бесстрашного помещика собак я побаивался, а они это от кого-то узнали и нагледели...

Обычно запоминаются мелочи

Тема Авачинской губы увлекла, и чем больше я паниковал перед оползнями, тем сильнее тянуло в море или хотя бы на какой-то поплавок среди 215 км² лазури. Но вдруг вычитал, сочетая терапевтические процедуры с диагностикой берегов, что мыс Чавыча хуже нефтебазы, поскольку там сидят очистные сооружения, очищающие из-за гнилых труб через пень-колоду или в половину своего потенциала. В принципе это даже хорошо, подумал, поскольку стоки из-под города Вилочинска и предприятий по берегам рек Авача и Паратунка о биологической очистке вод ничего не слышали. Губа тоже довольно, потому что к ней ежегодно прилипают всего сто тысяч кубометров не очищенных или условно очищенных вод, а могло бы быть и 200, и это было бы для неё хуже.

Искоса приглядываясь к водной глади, я продолжал бухать зелёный чай, принимать гостей и знакомиться с 300 тысячами тонн металла от ВМФ России, что лежали на дне Авачинской губы, и уяснил, что ВМФ в этом не виноват. Он по-правильному продал МФ России на металлолом, в части, касающейся кораблей-пенсioenоров. Коммерсанты думали-думали, что с крейсерами делать, а потом взяли и срезали на вторчермет всё, что матросы раньше лелеяли и драили выше ватерлинии. Вторчермету, служившему ранее ниже ватерлинии, пришлось ложиться на дно. Сколько в пучинах губы невоенных судов, никем незнамо, а цветмет божки сняли ещё раньше коммерсантов и руководителей организаций различных форм собственности. С браконьёрскими пароходами у нас совсем другая практика бурунами пенится. Пока Фемида трясёт мантией – судовладельцы шхуны бросают и кидают своих бесправных пролетариев, рассасывающих потом по адвокатским конторам и портовым половозрелым барышням с притуплёнными инстинктами материнства. Шторма срывают эти неодоушевлённые тела (имеются в виду бесхозные промысловые суда) с якорей и болтают их по акватории губы вместе с ГСМ, фреоном и аммиачными установками, что на финише всегда экологически печально.

Что думают об этом пробирающиеся через такую воду на нерест лосося и остальные 69 ви-

дов рыб, здесь живущих, установить не удалось. Ведомо, что четверть века с трибун конференций и симпозиумов у нас звучат ноты, выстроенные примерно в таком же порядке, как и в похоронном марше Фредерика Шопена. Если наиграть эту мелодию на берегу Авачинской губы в хорошую погоду, т.е. не наводя тень на ясный день, то рыбы сами запоют о дефиците кислорода в воде, о катастрофическом сокращении видового состава донных организмов, гигантизме отдельных видов водорослей, гибели глубоководной фауны и пр.

Удивительно как принципиально и смело действовал Облнарревком Камчатки в 30-е гг., вручая консулу Японии претензии о недопустимости сброса в губу нечистот с японских судов «Ивами» и «Канто» и наказания виновных. Тогда камчатцы сочли, что японцы вредят заходу весенней сельди и снижают достаток горожан. Тогда в Петропавловске жили, как отмечал революционер И.Е. Ларин, «...инородцы, стоящие на весьма низкой ступени культурного и умственного развития... Русское население в большинстве своём из так называемых казаков – выходцев из Сибири и переселенцев, между которыми рассосались чиновники старого покроя, спекулянты, барахольщики и другая нечисть...». Кажется, ехидная формула «какой народ – такая и власть» здесь не прокатывает. Нашёл, кстати, что в 1933 году в Авачинской губе поймали 888

центнеров одной только летней сельди, а в 1970-е годы сельдь осталось лишь в воспоминаниях. Рыбку жалко.

Жалко камчадалов, обречённых на бытие в прицеле сейсмике, оползней, грязекаменных потоков, вулканического пепла и цунами. Крашенинников надеялся, что трезвые потомки прочтут его предостережения. О землетрясении, например, которое «между рекою Вилучиком и Авачинскою губою новую небольшую губу сделало». «А то место, где ныне губа сделалась, – добавил он, – было луговою, и ягоды клюквы и шикши там было довольно, на нем стояли два балагана, в которых иноземцы кормили, которые во время большой воды с землёю унесло, и в бывших во оных балаганах двух иноземческих баб да одного парня утопило». После пробуждения Корякского и Авачинского вулканов в июне 1904 года рыбацкие лодки здесь летали над землёй и падали на лужайки в десятках саженей от берега, а прибрежные скалы валились в воду. Апрельская волна цунами 1923 года взлохматилась семь километров льда на реке Камчатка и изменила её русло, ноябрьская 1952 года – уничтожила Северо-Курильск, а на Камчатке смыла посёлки, унесла полторы сотни жизней и запомнилась всем в районе Халактырского пляжа пятиметровым валом, на мысе Поворотном 8-метровым, а на Шипунском 12-метровым. Кстати, исследованием го-

ризонтов отложений доказано, что история Халактырского пляжа скрывает в себе информацию о 13 десятиметровых волнах цунами. Январский ураган 1962 и февральский 1974-го, с ветром за 150 км/час, это тоже достопримечательности камчатской столицы.

Странно, что для таких условий Росатом делает плавучую атомную теплоэлектростанцию (ПАТЭС) и собирается притащить её в Авачинскую губу. Зачем она Камчатке с лежащей на боку промышленностью, где свободных генерирующих мощностей и так полно? Здесь уже прошло сто лет в обед с начала стройки Соболевского газопровода? Где-то щебечут, а где-то и треплются, что в перспективе ПАТЭС у нас будут покупать Таиланд, Индонезия и Южная Корея, если увидят действующую 144-метровую галошу, электрической и тепловой мощностью соответственно 70 МВт и 50 Гкал/час. На остров Матуа, это на Курилах, покупателям ПАТЭС было бы ездить ближе. Там тоже есть вулкан, всегда под рукой цунами и землетрясения, опять-таки энергия тоже никому не нужна, и людей нет.

В РАН полагают, что 960 килограммов урана держать в Авачинской губе не умно. «В этих условиях невозможно мгновенное оповещение, – считает член-корреспондент РАН А.Яблоков. – А своевременная эвакуация населения просто нереальна». Жителей Камчатки не радует жизнь в обнимку с ядерным реактором. Здесь даже

школьники знают, что три четверти землетрясений происходят в Тихом океане, а наиболее опасные Курило-Камчатский и Алеутские желоба упираются в Камчатку, но кого это волнует?..

В 1852 году император утвердил герб Камчатки с дымящимися на серебряном поле вулканами. Помню в подробностях камчатское житьё-бытьё конца XX века с нависающими над городом будёновками серебра. По социальному полю полуострова ползали вести о том, что зерна уже нет. В прямой эфир местных радиостанций выходили капитаны танкеров-привидений сообщениями о количестве мазута на борту и времени постановки под раскачку. Уши вяли от объявлений о худосочных расписаниях по-уличных и почасовых подключений электричества, деморализовали полные безнадёги размышления вслух директоров ГУПов и МУПов по поводу градусов тепла на каких-то входах, выходах и узлах. Добивали сельские вести о погибших котельных и внеплановых каникулах.

Обычно запоминаются мелочи.

В 2 часа ночи в соответствии с графиком электроснабжения нашей улицы просыпалась моя Надя: готовила завтрак, обед и ужин, утюжила одежду и шумела электрофеном для формирования светских кудрей. В 4 свет уже отключали, и она продолжала набираться сил для трудового дня, наполняясь ими полусидя-полулёжа, чтобы сберечь причёску.

Неизгладимые воспоминания остались от бритья на ощупь, романтических семейных ужинов при свечах, теоретических диспутов с сыном по тематике домашних заданий, личного участия в базарных битвах за корейскую керосинку и газовые баллончики изготовленные Японией для своих туристов. А в редкие минуты вспышек иллюминации – головы на голубом экране. Одни под серебряным полем герба Камчатки, другие – под флагом державы, а третьи – у почившего в Бозе дизеля или окоченевшей трубы. Все в касках, при галстуках, со значками, в словесном единодушии – во всём виновата Москва...

Тогдашняя ситуация или последняя картинка, как и предпоследняя – ПАТЭС – это крайности из уже произошедших событий и старт к возможным будущим неприятностям. По легенде когда-то три родных брата защитили Авачинскую губу от цунами, а затем они превратились в поднимающиеся из её глади скалы, которые так и зовут – Три Брата. Братья-скалы остановились на стороже Авачинской губы и города от всяческих опасностей. Так и стоят они сегодня, не зная об опасностях, которые подкрадываются к ней с другой стороны. Как не вспомнить о словах А.С. Пушкина о Камчатке: «Славна своею губою, которая имеет 14 верст в длину и ширину». Или другую цитату из Александра Сергеевича: «Камчатка – страна печальная, гористая,

влажная». Как бы славы не уменьшилось, да печаль не возросла.

На полуострове всё решается через широко-масштабную внешнюю копотню, многошумье и многогамье, умноженные на радикальный плюрализм несопоставимых мнений о полезности наползающих на Камчатку судьбоносных проектов, к чему народ давно привык. Из госпиталя выписался. Справки, что не больной – не брал. По закоулкам души бродил бред бездеятельного сутяжничества, на живописно измученном солнечной недостаточностью лице отпечаталась незамеченная врачами *melancholia*: бледность дебютанта-парашютиста, изношенность промокашки двоечника, консолидированная апатия амёбы и размороженной мерлузы – в общем настроении.

Потребовали срочно сгонять в Палану. На излёте марта чего-то запуржило...

с. Гижига – пгт. Палана – с. Воямполка – с. Тигиль – с. Мильково – Город Петропавловск-Камчатский (мкр. Рябиковка).

Конец XX – начало XXI вв.

ПРО РЕВОЛЮЦИЮ

ЭКИПАЖ ОШЕЛЬМОВАННЫХ ПУБЛИЧНО

Необычное всегда кажется невероятным. Этим славны два уникальных, равных по протяжённости, но несравненных по опасности путешествия. Первое из них началось в 1771 году. В наших учебниках истории и географии его нет. Маршрут из камчатского Большерецка в Европу. Путь другого похода спустя треть столетия пролёг из европейского Кронштадта на Камчатку, и о нём, благодаря открытиям И.Ф. Крузенштерна и официальному статусу экспедиции, известно всем, не исключая школьников. Уникальные детали не вошедших в школьную программу событий, тем не менее, оказались в мировой литературе, что и привело к этому повествованию. Сразу же отметим, что по данной теме написано немало, но многие из знакомых автору камчадалов рассказы об этих событиях принимают с превеликим удивлением.

Итак, когда-то давно на Камчатке в 30 километрах от берега Охотского моря главным острогом (столицей) был Большерецк. Чтобы представить себе его важность, лишь перечис-

лю тех людей, которые здесь до описываемых событий успели побывать. Это казацки командиры Д.Я. Анциферов и И.П. Козыревский, геодезисты И.Б. Евреинов и Ф.Ф. Лужин, исследователь и этнограф С.П. Крашенинников, мореходы и первооткрыватели В.И. Беринг, А.И. Чириков, М.П. Шпанберг, И.Ф. Елагин и др.

Большереецк – это тогдашняя столица, главная канцелярия Камчатки, командирский дом, церковь Успенья Богородицы, кладовые амбары, купеческие лавки и 41 обывательский дом на 90 постояльцев. Главный камчатский командир прибыл сюда служить из Гижиги. «В Большереецке начальствовал тогда капитан Нилов, – писал действительный камергер Н.П. Резанов, побывавший там спустя 25 лет после описываемых событий, – человек лет пятидесяти, малограмотный, пьющий запоем и весьма физически сильный. Состоящей при нём команды было 14 человек, без оружия и амуниции. Артиллерия состояла в двух пушках без станков, лежащих в магазине».

В 1771 году в Большереецком остроге Камчатки произошла «революция»: взбунтовались обозлённые жадностью и самодурством начальников промышленники тотемского купца Федоса Холодилова и политические ссыльные. Нилова, который был в обычном своём состоянии, то ли под мухой, то ли в драбадан, революционеры убили. Захватив документы, деньги,

меха, оружие и продовольствие, около семидесяти повстанцев 12 мая поднялись на палубу галиота «Святой Пётр». Получилось так, что выступали они под «знамёнами» Ивана VI Антоновича, Павла I и Петра III. По ходу рассказа о камчатском обществе и некоторых участниках этих событий будем представлять их кумиров.

Цесаревич Павел. Родители будущего самодержца, цесаревич и великий князь Пётр Фёдорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна (впоследствии император Пётр III и императрица Екатерина II), оставались бездетными девять лет. Рождение мальчика обеспечивало престолонаследие правящей династии по линии Петра I. Пётр Фёдорович воспринял рождение наследника без эмоций, проведя в этот день, 20 сентября 1754 года, в покоях у жены лишь несколько минут, да и то в ухаживаниях за фрейлиной Воронцовой. Рождение великого князя Павла Петровича праздновалось почти год, хотя к этому примешались слухи, что Пётр Фёдорович не мог иметь детей в силу алкоголизма, а Елизавету Петровну (бабушку), заинтересованную в рождении наследника, известная двору близость своей невестки с камергером великокняжеского двора Салтыковым не тревожила. Бабушка планировала передать престол не племяннику, а внуку. А Екатерина мечтала стать императрицей, добиваясь перехода короны мужу. Елизавета-бабушка скончалась, взяв с Петра III обещание любить сына. Тот, став

императором, долгое время не желал признавать Павла своим наследником. В манифесте о восшествии Петра III на престол Павел даже не упоминается и лишь в форме церковного возношения ему даётся титул «цесаревича». В ночь переворота 27 июня 1762 года семилетний Павел под охраной отряда солдат был переведён в Зимний дворец, а утром следующего дня в Казанском соборе принёс присягу на верность новой императрице и снова был объявлен наследником. Стало быть, в 1771 году (в году Большерецких событий) Павлу Петровичу исполнилось 17 лет.

Большерецкие повстанцы, возвращаясь к ним, сочинили «Объявление», где заявили, что законный государь Павел Петрович неправильно лишён престола, выставили в неприглядном виде дела императрицы и перечислили свои обиды на власть. В вину Екатерине II поставили смерть мужа Петра; отлучение от престола законного наследника Павла; разорительную войну в Польше; царскую монополию торговли вином и солью; то, что для воспитания незаконнорожденных детей вельмож даруются деревни, тогда как законные дети остаются без призрения; что народные депутаты, собранные со всей страны для изменения Уложения о законах Российской империи, были лишены царским наказом права предлагать свои проекты... Историки считают, что подготовленный в Большерецке документ напоми-

нает манифест Пугачёва, а в требованиях превосходит воззвание декабристов. Заметим, что пугачёвский бунт начался через три года после Большерецкого мятежа, а декабристы огласили свои политические взгляды спустя полвека.

Повстанцы отбили ломами вмёрзшее в лёд судно Сибирской военной флотилии и вышли в океан. Экипаж стал участником множества дипломатических, военных, трагических и комических событий, а их галиот одолел Тихий, Индийский и Атлантический океаны и успешно финишировал во Франции. О необыкновенных приключениях этих людей написано много. Там множество фантазий и даже взаимоисключающих версий, нанизанных на один и тот же достоверный маршрут. Мы остановимся лишь на отдельных действующих лицах и исполнителях, которые волею судеб оказались на Камчатке, учинили этот поход и беспримерной отвагой потрясли старушку-Европу.

Лидером возмущения принято считать венгра Морица Бенёвского. Ранее он служил в австрийской армии, откуда под угрозой суда на почве имущественной ссоры с родственниками сбежал в Польшу, где стал полковником Барской конфедерации. Храбро сражался против русских войск, оказался в плену, отпущен под честное слово, которое не сдержал. Снова

угодил в плен, был отправлен в Казань, а после очередного побега сослан на Камчатку. По написанию его фамилии существуют варианты. Он Бейпоск и Бейновск, Беньовский, Беньевский, Бенёвский... В «революционные» дни учинял подпись как барон Мориц Анадор де Бенев или граф Бениовский и «пресветлейшей республики Польской резидент и её императорского величества Римского камергер, военный советник и регементарь». Его соратниками выступили участники главных политических преступлений в России XVIII века.

Иван VI Антонович (Иоанн Антонович). После смерти императрицы Анны Иоанновны двухмесячный Иван Антонович (сын Анны Леопольдовны, племянницы Анны Иоанновны) был провозглашён императором. Анна Иоанновна хотела оставить трон за потомками своего отца Ивана V и очень переживала, как бы он не перешёл к потомкам Петра I. Поэтому в завещании она указала, что наследником является Иоанн Антонович, а в случае его смерти – другие дети её племянницы Анны Леопольдовны в порядке старшинства в случае их рождения. Регентом при Иване состоял герцог Бирон, а после его свержения гвардейцами, спустя 2 недели царствования Ивана, новым регентом объявлена Анна Леопольдовна. Неспособная управлять страной Анна постепенно передала свою власть Миниху... В 1741 году произошёл новый переворот. Елизавета Петровна,

дочь Петра Великого, вместе с преображенцами арестовала императора, его родителей и всё их окружение. Сначала Ивана VI Антоновича вместе с родителями отправили в ссылку. С 1756 года он содержался в одиночной камере Шлиссельбургской крепости, где официально именовался как «известный арестант», и находился в полной изоляции. С 1759 года у Ивана Антоновича проявились признаки неадекватного поведения. Пока он был в заточении, произошло несколько попыток освободить свергнутого императора и снова возвести на престол, а в 1764 году во исполнение инструкции Иван Антонович был убит стражей при попытке офицера В.Я. Мировича вместе с частью гарнизона освободить его и провозгласить императором вместо Екатерины II.

Продолжим о людях, собравшихся на Камчатке в дни старта галиота «Святой Пётр». Петра Ивашкина, Ивана Сновидова и Александра Турчанинова арестовали в 1742 году за «скоп и заговор» с целью свержения императрицы Елизаветы, в защиту свергнутого 25 ноября 1741 года Ивана Антоновича. Прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка Пётр Ивашкин – крестник Петра Великого и баловень Анны Иоанновны, Иван Сновидов – сержант лейб-гвардии Измайловского полка, Александр Турчанинов – камер-лакей прачильницы Анны Леопольдовны, матери малолетнего Иоанна VI. Заговорщики собирались

«...ночным временем придти к дворцу и, захватя караул, войти в покои Ея и. в. и Его императорского высочества (Петра Федоровича) умертвить, а другою половиною... заарестовать лейб-компанию...». Затем «Принца Ивана (т.е. Ивана Антоновича) возвратить и взвести на престол по-прежнему». Турчанинов был полезен тем, что прекрасно знал дворец и метился проводником к опочивальне императрицы. Все помнили 9 ноября 1740 года, когда подполковник К.Г. Манштейн, вошедший в покои по приказу Б.Х. Миниха для ареста регента Бирона, едва не провалил дело, т.к. заблудился в дворцовых переходах. Турчанинов много чего знал и даже заявлял, что Елизавета Петровна не имеет наследственного права на российский престол, потому как они с сестрой Анной – внебрачные дети Петра от Марты Скавронской. Что Иоанн VI (Иван Антонович) – законный правнук царя Иоанна V Алексеевича и короновать его завещала императрица Анна Иоанновна... За «произносимыя им великоважнныя, непристойныя слова» велено было Турчанинову вырвать язык, а кроме того, всем троим учинить жестокое наказание на Красной площади, вырвать ноздри и сослать. Турчанинов оказался в Охотске, Ивашкин в Якутске, Сновидов на Камчатке. Вскоре командир Охотского порта сообщил, что Турчанинов проел деньги, помирает с голоду, а «...пустить же его ходить по миру он бо-

ится, чтобы колодник не рассказал в народе (напомню, что язык у него уже вырвали. – Г.Д.) тех слов, за что он был сослан». Составили проект нового указа, и Турчанинов с Ивашкиным угодили на Камчатку. К тому времени Сновидов уже успел завести в устье реки Камчатки солеваренный заводик. Ивашкин сблизился с командиром Камчатки Василием Чередовым и стал фактическим её правителем. Потом, как это у нас случается, командира за злоупотребления сняли и осудили. А Турчанинов стал не разлей вода с новым назначенцем Сената – командиром Камчатки (предшественником Нилова) капитан-лейтенантом, балтийцем, выпускником Морской академии Иваном Извековым. Новый командир обычно был до такой степени пьян и решителен во всех своих делах, что даже его личный секретарь Портнягин без заряженного пистолета или обнажённой сабли с докладом к нему не являлся. А когда командир Камчатки вылезал из-за стола для променада по единственной улице Большерецка, то от этого беспредельщика мгновенно прятались все жители и подчинённые. А Турчанинов с ним был всегда.

Поручик лейб-гвардии Измайловского полка Пётр Хрущов и братья Гурьевы «свой» переворот замыслили в 1762 году. В цари ими был назначен тот же по-прежнему томящийся в тюрьме Иван Антонович, из-за которого двад-

цать лет назад языка и ноздрей лишился Турчанинов. Гвардию будоражил вопрос законности восшествия на русский престол немецкой принцессы Софьи Августы Ангальт-Цербстской, т.е. Екатерины II. Легитимным наследником престола они считали принца Брауншвейг-Люнебургского Ивана Антоновича, сына герцога Брауншвейгского, внука герцога Мекленбургского и правнука Ивана V, и, конечно же, они не знали, что Иван Антонович за годы одиночного заключения в Шлиссельбургской крепости лишился разума.

В «Своде законов» 1762 года были указаны их вины: «Октябрь 24. Манифест. Лейб-гвардии Измайловского полку поручик Пётр Хрущов обличён и винулся в изблевании оскорбления величества... Хотя мы собственно наше оскорбление в таком злодеянии великодушно презираем, но не могли пренебречь правосудием к обиженному народу, виде в нём возмутителя общего покоя... надлежит Петра Хрущова и Семёна Гурьева, яко главных в том деле зачинщиков четвертовать, и потом отсечь головы; но в рассуждении нашего правила о наблюдении монаршего милосердия... обоих Петра и Семёна, бывших Хрущова и Гурьева ошельмовать публично, а потом послать их в Камчатку в Большерецкий острог на вечное житьё...».

На Камчатке оказались гвардейский поручик Василий Панов и отставной ротмистр, поме-

щик Верейского уезда Московской губернии, депутат от дворянства в Комиссии о сочинении Уложения Ипполит Степанов. В 1767 году императрица Екатерина II собрала народных депутатов и создала Комиссию о сочинении нового Уложения законов Российской империи. Царица поторопилась с идеей всенародного обсуждения будущего законодательства – ей и в голову не могла прийти мысль, что кто-то из её подданных покусится на её абсолютизм. Одним из таковых был Ипполит Степанов. В память о себе он оставил политическое обвинение Екатерины, написанное им уже на Камчатке в начале мая 1771 года в Чекавинской гавани. Василия Панова и Ипполита Степанова осудили одним указом 1767 года за сопротивление наказу Екатерины II по составлению Уложения законов Российской империи и прекословие фавориту императрицы графу Григорию Орлову.

Император Пётр III. В 1742 году он был провозглашён своей тёткой императрицей Елизаветой Петровной наследником престола. Его крестили по православному обычаю под именем Петра Фёдоровича, а в 1745 году женили на принцессе Ангальт-Цербстской, будущей императрице Екатерине II. Считалось, что до начала 1750-х годов между мужем и женой в этой семье супружеских отношений не было, но затем Петру была сделана некая операция, после которой в 1754 году

Екатерина родила ему сына Павла (будущего императора Павла I). Пётр всё больше и больше отдалялся от жены, да и фаворитка Елизавета Воронцова (сестра Екатерины Дашковой) всегда была «под рукой». Императрица Елизавета Петровна к участию в решении политических вопросов Петра не допускала. Он имел единственную должность директора Шляхетского корпуса, открыто критиковал деятельность правительства и публично высказывал симпатии к прусскому королю Фридриху II. Обо всём этом было широко известно, поэтому Пётр не пользовался ни авторитетом, ни популярностью. В декабре 1761 года Пётр III вступил на престол. Однако какой-либо определённой политической программы у него не было. В армии он начал вводить прусские порядки, что славы ему не прибавило. переворот произошёл 28 июня 1762 года, в результате которого императрицей была провозглашена Екатерина II. Пётр в сопровождении караула гвардейцев во главе с А.Г. Орловым был отправлен в Ропшу, что в 30 верстах от Петербурга, где и погиб при невыясненных обстоятельствах.

Теперь об участнике Большерецкой «революции» подпоручике Иоасафе Батурине. План переворота, которым намечался арест императрицы Елизаветы и убийство её фаворита А.Г. Разумовского, он придумал ещё летом 1749 года. Императрица Екатерина II, спустя годы, высказывалась: «Что касается до Батурина, то

замыслы его дела вовсе не шуточны». В Российском государственном архиве древних актов есть дело «О подпоручике Иоасафе Батурине, замыслявшем лишить престола императрицу Елизавету в пользу великого князя Петра Фёдоровича». Выходец из семьи поручика Московской полицмейстерской канцелярии, в 1740 году он был выпущен из Шляхетского кадетского корпуса в Луцкий драгунский полк прапорщиком. Однажды Батурин там инициативно принял командование ротой, полагая, что этого достоин, однако на вакантную должность назначили другого человека. Прапорщик возмутился и заявил, что покажет генерал-инспектору все неурядки в полку. Попал под арест, а затем обвинил командира полковника Элнина в государственной измене. Свидетель не подтвердил рассуждений Элнина об оскорблении «блаженных памяти вечно достойных» покойной императрицы Анны Иоанновны, которая якобы к тому же и ещё по известным причинам не жалела ничего для герцога Курляндского. Слова же «непристойные», «вредительные», «неистовые», «неприличные», «непотребные» Батуриным были произнесены и зафиксированы, что являлось его государственным преступлением.

Было «...велено лица его Батурина прапорничья чина и патента послать в казенные работы на три года, а по прошествии попрежне-

му в полк до выслуги в драгуны». Тогда же в тайную канцелярию явились прапорщик Выборгского полка Тимофей Ржевский и вахмистр Пермского драгунского полка Александр Урнежевский и донесли, что Батурин подбивал их, заручившись поддержкой великого князя Петра Фёдоровича, поднять фабричный московский люд и «находящихся в Москве Преображенских батальонов лейб-компанию», а там, дескать, «заарестуем весь дворец – ...Алексея Григорьевича Разумовского где не найдём и его единомышленников – всех в мелкие части изрубим за то, что-де от него, Алексея Григорьевича, долго коронации нет его императорскому высочеству, а государыню-де императрицу до тех пор из дворца не выпускать, пока его высочество коронован не будет».

После 15 лет, проведённых в одиночке, в 1768 году, когда уже правила Екатерина II, Батурина удалось передать письмо государыне, где он неудачно напомнил ей о своём кумире Петре III. Екатерина, можно полагать, и поминать забыла о своём покойном муже, от которого когда-то сама же избавилась с помощью графа А.Г. Орлова. Напоминание прощено не было, и 17 мая 1769 года обер-прокурор Вяземский представил указ, где предписывалось Батурина послать «...в Большерецкий острог вечно и пропитание же ему тамо иметь работою своею, а притом накрепко за ним смотреть, чтоб он оттуда уйтить

не мог; однако же и тамо никаким его доносам, а не меньше и разглашениям никому не верить». «Быть по сему», – начертала императрица. В мятеже Батурин выступал уже «полковником артиллерии и кабинетским обер-курьером императора Петра Фёдоровича».

Вот такой коллектив собрался на Камчатке в 1771 году. Мы назвали лишь тех, кто попали либо влипли в очень большую политику и показались нам наиболее яркими личностями среди участников подготовки этого отчаянного турне. Несомненно, все эти люди на Камчатке могли сиживать за одним столом, мёд-пиво пить и обсуждать животрепещущие с их точек зрения вопросы большой политики. В кругосветном походе на борту галиота оказались М.Бенёвский, П.Хрущов, В.Панов, И.Степанов, И.Батурин и А.Турчанинов.

Часть бунтовщиков в пути следования погибла. Некоторые ввязались в другие рискованные предприятия, затеяли новые революции и даже войны на других островах и континентах. Отдельные участники похода по прощению вин и «личным прошениям» были возвращены в Сибирь. 27 человек из числа должностных лиц Большерецка и его окрестностей были арестованы «за неисполнение долга» и доставлены в Иркутск. Там им «вменили в наказание двухлетнее их заключение и снова привели к присяге».

О строго засекреченном в России мятеже и приключениях камчатских беглецов написаны книги классиком венгерской литературы И.Мором, польской – Ю.Словацким, французскими писателями Жаном д'Эсма и Проспером Култру, советским – Н.Г. Смирновым. Известна повесть В.Серошевского «Бениовский», драма «Песнь о Бениовском» В.Смольского. Опера на музыку Ф.Буальде в разные годы звучала в парижских «Опере-комик», «Театре водевиля» и «Театре трубадуров», в театрах Льежа, Брауншвейга и Брюсселя. Немецкий драматург и романист Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу об этом походе написал драму «Граф Биньонский, или Заговор на Камчатке». Существует версия, что именно Павлом I эта драма была признана «вредною в отношении политическом», за что автор был сослан в Сибирь, а затем внезапно прощён. Интересно, что при представлении драмы в 1814 году в Балтиморе впервые прозвучал нынешний Государственный гимн США.

В начале августа 1803 года при большом стечении народа на двух парусных шлюпах из Кронштадта вышла экспедиция Ивана Крузенштерна. На борту шлюпа «Надежда» помимо экипажа находилась дипломатическая миссия в Японию во главе с Николаем Резановым, шлюпом «Нева» командовал однокашник и помощник Крузенштерна капитан Юрий

Лисянский. Кстати, сыновья автора драмы «Граф Биньонский, или Заговор на Камчатке» Отто и Маврикий Коцебу состояли в качестве волонтёров этой экспедиции. Академия наук высоко оценила итоги этой – первой русской кругосветной экспедиции: «Ожидания Академии были оправданы самым блистательным образом... Плавание возвысило славу русского флота в глазах всей Европы, но и обогатило науку открытиями и исследованиями, далеко раздвинувшими пределы естествознания и географии».

В отличие от И.Ф. Крузенштерна камчатский экипаж во главе с политзаключёнными вышел в океан не под возгласы изумлённой публики, а под стоны умирающих от эпидемий аборигенов, да и встречен был на родине по возвращению из Франции не овациями, а начальником Тайной экспедиции. Многочисленные описания похода галиота «Святой Пётр» и его команды связаны с внешней стороной событий, хотя документы, дошедшие до наших дней, ставят под сомнение самый распространённый из вошедших в литературу терминов – «бунт Бенёвского». Истоки так называемого «бунта» находились в среде рабочих промысловой артели и политических ссыльных из числа дворян. Идея выступления, по сути, была поддержана экипажами двух казённых морских судов во главе с их командирами. Одновременное оставление

70-ю гражданами пределов Российской империи и их поход, приведший к вывозу всех документов камчатской канцелярии в Европу, показывает его высокоорганизованный характер и антиправительственную направленность. Условно говоря, на территории Большерецкого острога произошёл дворцовый переворот: свергнута власть Екатерины II в лице камчатского командира Нилова, а императором провозглашён Павел I с соблюдением подходящих формальностей в виде политических документов. В Большерецке присягали не мифическому Петру Фёдоровичу, как во время пугачёвского восстания, а реальному и, что самое неприятное для власти, законному претенденту на российский престол – Павлу Петровичу. В этом и состоит причина столь строгой засекреченности свершившихся событий. Именно поэтому политические обвинения здравствующей императрице были умело перемещены в плоскость бунта толпы, обманутой авантюристом и проходимцем Бенёвским – «польским мятежником и бродягой».

Сохранившийся в портфелях Миллера единственный список, составленный частным лицом – купцом Кормильцевым, свидетельствует о том, что чины и должности в экипаже распределялись не «по заслугам перед революцией», а по степени полезности в морском деле на основе «Морского устава» и «Табеля о рангах».

Повстанческая верхушка, ничего не соображавшая в мореплавании, получила только военные, но отнюдь не флотские звания. Эти и некоторые другие детали позволяют, как нам представляется, по крайней мере, обсуждать вопрос: какой же из российских кораблей впервые в истории пересёк экватор?

Камчатские ссыльные в истории так и остались безвестными бунтовщиками, хотя, вероятно, именно они были первыми россиянами, преодолевшими три (!) океана (!) на каботажном (!) отечественном (!), построенном в Охотске (!) судне. Об этом всё. А к некоторым любопытным деталям путешествия нашего прославленного морехода Ивана Фёдоровича Крузенштерна мы ещё вернёмся.

ГРАФ ТОЛСТОЙ

Почему мы хотим рассказывать вам о графе Толстом? Потому что события, связанные с его участием, в чём-то перекликаются с упоминаемым ранее путешествием мятежного галиота «Святой Пётр» из Камчатки в Европу в 1771 году. Обозначим их и расскажем о некоторых деталях экспедиции прославленного И.Ф. Крузенштерна на Камчатку.

В 1803 году на борту Крузенштерна следовала в Японию дипломатическая миссия Н.П. Резанова. Цель миссии состояла в том, чтобы укрепить отношения России с этой страной и договориться о поставках риса для русских поселений Севера. Камергера Н.П. Резанова мы уже вспоминали в связи с его пребыванием в Большерецке и его описанием камчатской «колыбели революции Бенёвского». Для тех, кому фамилия Резанова ни о чём не говорит, уточню. Графа Николая Петровича Резанова вы, вероятно, знаете по более поздней истории – это главный герой поэмы А.А. Вознесенского «Авось» или рок-оперы «Юнона и Авось» (либретто А.Вознесенского, музыка А.Рыбникова). Дочь коменданта крепости Сан-Франциско Мария дела Концепсион Аргуэльо или Кончита

– 16-летняя невеста Николая Петровича Резанова, которая на протяжении 35 лет верно ждала своего возлюбленного. Н.П. Резанов по пути в Санкт-Петербург, где должен был хлопотать о разрешении на брак с католичкой – умер, Кончита дала обет молчания и стала монахиней Доминиканского Ордена в Монтерее.

Это отступление, а мы назовём ещё одну вероятную точку соприкосновения экспедиций Крузенштерна и камчатских ссыльных. Экипаж Бенёвского после старта с Камчатки в 1771 году сделал остановку в Японии. Тогда Бенёвский изрядно напугал руководство Страны восходящего солнца своими эпистолярными утверждениями об армадах русских фрегатов и галеонов у японских берегов, готовящихся к нападению на княжество Мацумаэ, а также образом мифической крепости русских с несметным числом пушек и снарядов для войны с ними. Невозможно однозначно утверждать, что письма Бенёвского привели к провалу миссии Н.П. Резанова в походе Крузенштерна, в то же время бессмысленно и отрицать, что ущерб взаимному доверию между странами был нанесён. Вот, пожалуй, и всё.

Благовоспитанность против государственной измены: битва в пути

В 1803 году у Российско-Американской Компании возникли проблемы. Туземцы раз-

грабили русский форт на острове Ситка и устроили там кровавую бойню, после чего у острова Умнак загадочно исчез наш новейший корабль «Святой Дмитрий». Александр I поддерживал идею акционеров снарядить туда экспедицию, а командиром утвердил И.Ф. Крузенштерна. Используя случай, монарх снарядил послов к японскому двору. Таким образом, в состав экспедиции вошли камергер Н.П. Резанов – глава дипломатической миссии и его свита из «молодых благовоспитанных особ в качестве кавалеров посольства». В свите «благовоспитанных», стало быть, особ, «умеющих себя хорошо держать, внешне выдержанных, обладающих хорошими манерами», оказался поручик граф Ф.И. Толстой. Фёдор Иванович Толстой – двоюродный дядя Льва Николаевича Толстого. Об одной из встреч с ним Лев Николаевич написал: «Много бы хотелось рассказать про этого необыкновенного, преступного и привлекательного человека», а личные качества дяди вдохновили великого писателя на образ картёжника, дуэлиста и соблазнителя графа Турбина в рассказе «Два гусара» и героя примерно того же профиля Долохова в романе «Война и мир».

По свидетельству одной из родственниц Ф.И. Толстой оказался в числе «благовоспитанных особ» только потому, чтобы избежать в Преображенском полку наказания за оче-

редное нарушение дисциплины. Сделать это оказалось просто: он попал в экспедицию на смену своего двоюродного брата Толстого Фёдора. Толстой Фёдор Петрович, впоследствии известный художник и скульптор, в свите состоял, но плыть не хотел, так как страдал морской болезнью. Возможно, кому-то из руководства было не суть важным, кто именно в миссии: граф? Граф. Толстой? Толстой. Фёдор? Фёдор...

Конечно же, Иван Фёдорович Крузенштерн не мог представить себе, чего ему следует ожидать от «благовоспитанного» Фёдора Ивановича. Граф Ф.И. Толстой (далее будем говорить только о нём) закончил Санкт-Петербургский морской кадетский корпус и служил в прославленном Преображенском полку. Литературный критик Ф.В. Булгарин, хорошо знавший его, писал: «...опасный соперник, потому, что стрелял превосходно из пистолета, фехтовал не хуже Севербрика (общего учителя фехтования того времени) и рубился мастерски на саблях». Утверждается, что на одной из дуэлей Толстой тяжело ранил командира полка барона Дризена, предъявившего графу претензии дисциплинарного характера. Этот факт запечатлён в стихах героя партизанской войны с Наполеоном поэта Дениса Давыдова. Правда, 23-летний полковник Дризен в тот день, когда 21-летний подпоручик Толстой

плюнул ему в лицо, был «всего лишь» командиром батальона, а командиром полка преображенцев стал лишь в 1810 году. Но это дела не меняет. Неизвестно, в скольких дуэлях Толстой участвовал, встречаются числа из четвёртого десятка. Утверждается точно, что на дуэлях им отправлено на тот свет 11 человек. За такие «проделки» графа постоянно наказывали, ссылали на задворки империи и томили под арестами, но он своим привычкам не изменял. Отличался непредсказуемым характером и эксцентричными выходками, слыл опасным и жёстким противником, большим любителем амурных походов и изощрённым картёжником.

Обратимся к участию графа Толстого в экспедиции, пытаясь минимизировать влияние наиболее радикальных легенд, связанных с его именем. «Надежда» Крузенштерна и «Нева» ещё одного Фёдоровича – Ю.Ф. Лисянского 26 июля 1803 года вышли из Кронштадта. Они преодолели Балтийское море и Атлантический океан, обогнули мыс Горна, посетили Маркизские и Гавайские острова, а далее, уже раздельно, Камчатку и Русскую Америку. В официальной истории – это первые российские корабли, что пересекли экватор и посетили южное полушарие. (Фактами из истории похода на галиоте «Святой Пётр» 1771 года, если вы помните, мы всего лишь

побуждали вас к более глубокому анализу того события).

В походе граф Ф.И. Толстой не был обременён обязанностями и прославился мастерством применения аттической соли. Однажды до бесчувствия напоил обеспечивавшего духовное утешение экипажа отца Гедеона, прикрепил сургучом к палубе его бороду и опечатал капитанской гербовой печатью. После частичного протрезвления растолковал батюшке, что нарушение казённой печати является фактом государственной измены. К всеобщему удовольствию матросов бороду обрезали, но измены не допустили. В другой раз граф проник в каюту капитана с приобретённой им на одном из островов обезьяной. На дневному Крузенштерну положил чистый лист бумаги и залил его чернилами. Обезьяну оставил в каюте, и та принялась за опыты с чернилами и тетрадами, в чём И.Ф. Крузенштерн вскоре убедился лично. (Отмечу, что встречаются ссылки на якобы имевшее место использование графом обезьяны и в качестве любовницы.) На Маркизских островах Толстой прославился необычайной властью над королём Нука-Гивы Танега Кеттонове. Король радостно ползал вокруг графа на четвереньках, по командам графа его величество бросалось в море за кинутой туда палкой и с трофеем в зубах возвращалось к своему повелителю. С ут-

роенной энергией граф обозначился союзником И.Ф. Крузенштерна в его распрях с главой дипмиссии, т.е. в «войне» против своего начальника Н.П. Резанова, попутно подстрекая к возмущениям и матросов, что происходило, видимо, от того же переизбытка невостремленной энергии. О «благовоспитанном» своём подчинённом в декабре 1803 года Н.П. Резанов писал как о «человеке без всяких правил и не чтущем ни бога, ни власти, от него поставленной. Сей развращённый молодой человек, – отмечал дипломат, – производит всякий день ссоры, оскорбляет всех, беспрестанно сквернословит и ругает меня беспощадно».

Мы обозначили контуры лишь некоторых тем, так увлёкших графа на борту «Надежды». На самом деле полоса его энергии значительно шире, хотя и эти эпизоды не лишены абстракций. Во всех источниках они нередко опираются на косвенные свидетельства, свободно перемещаемые, как и здесь, от автора к автору, обретая умозрительные, философские и пикантные предположения и представляя нашего героя с героическим или комическим нимбом.

В августе 1804 года «раздоры во всей экспедиции посеявшего» графа Толстого Н.П. Резанов из состава миссии исключил. Скорее всего, Толстой был высажен на землю в Петропавловске, хотя и здесь имеются версии от пустынного берега Камчатки невидалеке от

порта до Алеутских островов. В пользу Петропавловска ориентируют судовые документы И.Ф. Крузенштерна, где записано, что шлюп «Надежда» совершил 35-суточный безостановочный поход с Гавайских островов в Петропавловск. Т.е. шлюп в пути к Авачинской губе нигде не останавливался. Есть рапорт Н.П. Резанова на имя Александра I от 16 августа 1804 года, написанный в Петропавловской гавани и представленный к докладу через министра коммерции Н.П. Румянцева, где о Толстом тоже упоминается. И, наконец, кроме графа Толстого борт покинули художник Курлядцев и доктор Брыкин, а в отчёте Крузенштерна сообщается, что в свите посланника (камергера Н.П. Резанова. – **Г.Д.**) произошли «незначительные перемены»: «Поручик гвардии Его Императорского Величества граф Толстой, <...> оставили корабли и отправились в Петербург сухим путем». Наши сомнения основаны лишь на том, что в 1804 году в Петропавловске числилось 180 жителей, несколько жилищ и балаганов и два «приличных» дома, где проживал комендант города майор Крупский и два артиллерийских офицера. Наверное, были и ещё какие-то казённые здания. У камчатских авторов, талантливых и вьедливых журналистов, со многими из которых знаком лично, ссылок на пребывание Ф.И. Толстого в городе обнаружить не

удалось. Мы же повествуем не о матросе, оставшем от корабля или списанном на берег по болезни, а о графе, который по определению здесь не мог быть незамеченным, и это непонятно.

После списания на берег фрагментарные подробности дальнейших приключений графа известны лишь от него самого. С Камчатки Толстой, возможно, добрался до одного из Алеутских островов или же на остров Ситка, где провёл несколько месяцев среди аборигенов племени тлинкит. Не исключено, что попал он туда даже на «Неве» Лисянского. В то время (по другой версии в дни стоянки на Маркизских островах) он позволил себе преобрести множество татуировок на теле, которыми впоследствии многократно поражал столицу. В любом случае в Европу Ф.И. Толстой добирался «сухим путём», а приключения добавили к его фамилии приставку «Американец». О путешествии графа в Европу «сухим путём» имеется лишь одно письменное упоминание современников, и связано оно с его пребыванием в Казани. Многие подробности приключений графа описаны весьма невнятно. Верить им равносильно доверию к моим умозаключениям о новых деталях этой истории, если бы их построить на том, что у автора полно друзей в Казани. Поэтому новых подробностей здесь нет.

Указом Александра I (с подачи Н.П. Резанова) для графа столица оказалась под запретом, у городской заставы он был арестован и отправлен на гауптвахту, а затем из элитного Преображенского полка переведён на периферию, в крепость Нейшлот. Началась война со шведами, и князь М.П. Долгоруков взял Толстого к себе адъютантом. В боях граф не раз проявлял мужество и смелость, а после гибели князя пошёл на повышение. Затем на очередных дуэлях сначала убил капитана Генерального штаба Брунова, а потом и сына обер-церемониймейстера И.А. Нарышкина – Александра. Несколько месяцев просидел на гауптвахте Выборгской крепости и в 1811 году был уволен. Через год Фёдор Толстой снова оказывается на войне, но теперь уже добровольцем 42-ого егерского полка. В Бородинском сражении он был храбр и неудержим, получил тяжёлое ранение и представлен Раевским к ордену. Как писал П.А. Вяземский: «Тут надел он солдатскую шинель, ходил с рядовыми на бой с неприятелем, отличился и получил Георгиевский крест 4-й степени». Ф.И. Толстой снова реабилитирован, получает звание полковника и завершает военную карьеру.

А образ Фёдора Ивановича вместе с его новыми делами врывается в классику русской литературы XIX века. А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь, А.С. Грибоедов, П.А. Вязем-

ский, А.И. Герцен, Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, другие писатели, публицисты, критики, политики находят место для целых глав и страниц о нём, поскольку абзацев или строк для этого не хватает. Фёдора Толстого-Американца Денис Давыдов называет «болтуном красноречивым и повесой дорогим», а стихотворец Сергей Маринин – «злодеем ефрейторства» и «гонителем вахтпарадов». Пётр Вяземский обозначает его «нравственной загадкой», Александр Грибоедов – «ночным разбойником» и «дуэлистом», Александр Сергеевич Пушкин и «картёжным вором», и «честным человеком»... В числе друзей, знакомых и недругов Ф.И. Толстого оказывается множество творческих личностей эпохи. «Умён он был, как демон, и удивительно красноречив, – писал Фаддей Булгарин. – Он любил софизмы и парадоксы, и с ним трудно было спорить. Впрочем, он был, как говорится, добрый малый, для друга готов был на всё, охотно помогал приятелям, но и друзьям, и приятелям не советовал играть с ним в карты, говоря откровенно, что в игре, как в сраженье, он не знает ни друга, ни брата, и кто хочет перевести его деньги в свой карман, у того и он имеет право выигрывать». Е.А. Баратынский в 1826 году писал И.В. Путяте: «На днях познакомился я с Толстым, Американцем. Очень занимательный человек. Смотрит добряком, и всякий, кто не слышал про него, ошибётся».

«Сатиры нравственной язвительное жало...»

О трагических последствиях дуэли А.С. Пушкина с Ж.Дантесом 1837 года на Чёрной речке известно каждому. Версии о поклонниках Натальи Николаевны Гончаровой, к числу которых в первую очередь принадлежал Николай I тоже известны. В январе 1837 года Пушкин Дантеса на дуэль не вызывал: он написал оскорбительное письмо барону Геккерену – голландскому посланцу, интригану, а, по словам А.С. Пушкина, ещё и «старой сводне». Та дуэль – это симбиоз результатов гениальной пушкинской мистификации и других действий в защиту чести своей семьи, конфликта с бароном Геккереном, ненавидевшим его по многим причинам и невозможности дуэли непосредственно с Николаем I. В этой истории Жорж Дантес не более чем пешка, и даже не в стане врага, а в смертельной комбинации, подготовленной самим поэтом.

Трудно представить, что Александр Сергеевич Пушкин мог погибнуть за 11 лет до рокового выстрела Жоржа Дантеса. Трудно представить, каких произведений солнца русской словесности не увидел бы мир... Практически из ничего происходит заочное столкновение между Ф.И. Толстым-Американцем и А.С. Пушкиным, и сходятся два сильных характера. Поэт в изгнании, в глуши. Он вынужден

заниматься попечительским комитетом о колонистах Южной России. В купеческой Москве со ссылкой на Ф.И. Толстого появился слух о том, будто бы Пушкина перед высылкой на периферию выпороли в Тайной канцелярии. Злоречия приводят поэта в бешенство, он клянётся по возвращении в центр вызвать сплетника на дуэль. Пока суд да дело, отвечает графу Толстому эпитаграммой:

*В жизни мрачной и презренной
 Был он долго погружен,
 Долго все концы вселенной
 Осквернял развратом он.
 Но, исправясь понемногу,
 Он загладил свой позор,
 И теперь он – слава богу –
 Только лишь картёжный вор.*

В стихотворении Александра Сергеевича «Чаадаеву» графу посвящаются новые строки:

*Что нужды было мне в торжественном
 суде
 Холопа знатного, невежды при звезде
 Или философа, который в прежни лета
 Развратом изумил четыре части света,
 Но, просветив себя, загладил свой позор:
 Отвыкнул от вина и стал картежный
 вор?*

При подготовке к печати «знатного холопа» и «невежду при звезде» цензура не пустила, и тогда редактор «Сына Отечества» Н.И. Греч союз «или» заменил словом «глупца». Пушкина это возмутило: «Там напечатано глупца философа; зачем глупца? стихи относятся к Американцу Толстому, который вовсе не глупец».

На этот раз граф Ф.И. Толстой в долгу не остался и отвечает слогом:

*Сатиры нравственной язвительное жало
 С пасквильной клеветой не сходствует
 нимало.
 В восторге подлых чувств ты, Чушкин,
 то забыл.
 Презренным чту тебя, ничтожным
 сколько чтил.
 Примером ты рази, а не стихом пороки,
 И вспомни, милый друг, что у тебя есть
 щёки.*

Граф попытается опубликовать эпитаграмму в том же «Сыне Отечества», но её не берут. Пушкин счёл это несправедливым, высказавшись, что редакция будто бы выступает с ним «заодно» и не даёт человеку возможности защищаться. Ситуация развивалась нешуточно. А.С. Пушкин, представляя себе профессионализм соперника, постоянно тренировал кисть и упражнялся в стрельбе из пистолета. 8 сен-

тября 1826 года он вернулся из ссылки в Москву, и сразу же направил Ф.И. Толстому сообщение о вызове на дуэль. К счастью, графа в городе не оказалось. Возможно, так было устроено друзьями поэта, которым вскоре удалось примирить оппонентов, а ещё позднее – несостоявшиеся дуэлянты сдружились. В 1829 году А.С. Пушкин именно через графа Толстого передаёт письмо своей будущей теще Наталье Ивановне Гончаровой, где просит руки её 16-летней дочери Натальи. Толстой принял самое деятельное участие в том, чтобы сосватать Пушкина, и добился этого. Если бы в 1826 году случилась дуэль – поэта бы не стало, и граф был бы проклят нами навсегда. За результативную работу по сватовству, приведшую его к тому барьеру, где стоял Дантес, он нелюбим лишь самыми тонкими знатоками поэзии и пушкинистами.

В романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» граф Фёдор Иванович Толстой представлен читателям в образе Зарецкого и уже вполне приличного человека:

*Вперёд, вперёд моя история!
Лицо нас новое зовёт.
В пяти верстах от Красногорья,
Деревни Ленского, живёт
И здравствует ещё доньне
В философической пустыне*

*Зарецкий, некогда буюн,
Картёжной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надёжный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!
Бывало льстивый голос света
В нём злую храбрость восхвалял:
Он, правда, в туз из пистолета
В пяти сажнях попадал...*

Граф Толстой уже не «мрачной и презренной», а «честный человек», и давно не «глава повес», а «отец семейства холостой», что является намёком на его продолжительное внебрачное сожитительство с цыганкой Авдотьей Максимовной Тугаевой, ставшей впоследствии его законной женой. Цыганскую тему 19 октября 1818 года в письме А.И. Тургеневу не обошёл стороной и П.А. Вяземский:

*Американец и цыган,
На свете нравственном загадка,
Которого, как лихорадка,
Мятежных склонностей дурман
Или страстей кипящих схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из ада в рай!*

*Которого душа есть пламень,
А ум – холодный эгоист;
Под бурей рока – твёрдый камень!
В волненьи страсти – лёгкий лист!*

Он же 25 апреля 1821 года снова А.И. Тургеневу писал, что «более всех видит и ценит по многим отношениям Толстого, который человек любопытный и интересный». Из воспоминаний современников графа можно заключить, что Ф.И. Толстой никогда сплетником не был, что ему инкриминировалось через третьих лиц в конфликте с Пушкиным. Граф был безудержным картёжником, щедрым кутилой, остроумным задирой и занимательным собеседником, что возбуждало в богемных кругах интерес к его личности. В том же «Евгении Онегине» Александр Сергеевич отмечает природу своего внимания к графу Фёдору Ивановичу:

*Он был не глуп; и мой Евгений,
Не уважая сердца в нём,
Любил и дух его суждений,
И здравый толк о том, о сём.
Он с удовольствием, бывало,
Видался с ним...*

В комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедов даёт характеристику графа Толстого в монологе Репетилова:

*Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку не чист;
Да умный человек не может быть
не плутом.*

На Грибоедова граф не обиделся, но свои замечания по тексту ему высказывал. А.С. Грибоедов спорил: «Но ты же играешь нечисто». «Только-то? Ну, ты так бы и написал», – ответил Толстой. Исследователи ссылаются на экземпляр рукописи «Горе от ума», когда-то принадлежавший декабристу князю Ф.И. Шаховскому, где имеются правки Фёдора Толстого. Против слов: «В Камчатку сослан был», он написал: «В Камчатку чёрт носил, ибо сослан никогда не был», а к строке «И крепко на руку не чист» изменено: «В картишках на руку не чист» с пояснением: «Для верности портрета сия поправка необходима, чтобы не подумали, что ворует табакерки со стола; по крайней мере, думал отгадать намерение автора».

Не обошёл вниманием графа М.Ю. Лермонтов в образе Арбенина в драме «Маскарад», а Александр Герцен в «Былом и думах» писал: «Один взгляд на наружность старика, на его лоб, покрытый седыми кудрями, на его сверкающие глаза и атлетическое тело показывал,

сколько энергии и силы было ему дано от природы. Он развил одни только буйные страсти, одни дурные наклонности, и это не удивительно; всему порочному позволяют у нас развиваться долгое время беспрепятственно, а за страсти человеческие посылают в гарнизон или в Сибирь при первом шаге...».

У Гоголя с графом Толстым сложились непростые отношения. Уже после представления публике «Ревизора» Фёдор Иванович Толстой высказывался, что автор «Ревизора» «враг России» и что «его следует отправить в кандалах в Сибирь». А.О. Смирнова в письме Гоголю 13 декабря 1844 года излагает реакцию графа на «Мёртвые души». Она приводит мнение Толстого, что все русские в поэме представлены «...в отвратительном виде, тогда как всем малороссиянам дали вы что-то вселяющее участие, несмотря на смешные стороны их; что даже и смешные стороны имеют что-то наивно приятное; что у вас нет ни одного хохла такого подлого, как Ноздрёв; что Коробочка не гадка потому именно, что она хохлачка». С.Т. Аксаков относит графа к наиболее непримиримым оппонентам Гоголя. В то же время Н.В. Гоголь в письме М.С. Щепкину 22 октября 1846 года, объясняя роль в «Ревизоре» рекомендует: «Играющему Петру Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчётливо, зернисто. Он должен скопировать

того, которого он знал (как) говорящего лучше всех по-русски. Хорошо бы, если бы он мог несколько придерживаться Американца Толстого». А в «Театральном разезде после представления новой комедии» Н.В. Гоголь передразнивает Толстого-Американца, где один из героев провозглашает и Сибирь, и тюрьму, и всякие другие кары за творчество. В пьесе «Игроки» Гоголь, вероятно, представляет именно графа Толстого в образе главаря шайки мошенников и шулеров Степана Ивановича Утешительного.

Согласитесь, что считать себя автором повествования, где почти каждая строка имеет другое имя, неприлично. Поэтому и не считаю. Проще осветить авторские спазмы и дрожь от случайного посещения Болдино или Ясной Поляны, где создали Александр Пушкин и Лев Толстой, Нежина, где точил инструменты гениальной сатиры Гоголь, или того же Пятницкого погоста, где покоится прах близкого Николаю Васильевичу, как значится на надгробии Михаила Семёновича Щепкина, «артиста и человека». Мотив этого текста состоит лишь в попытке прикоснуться к истории освоения Камчатки. Жаль, что камчатский период жизни графа Толстого Фёдора Ивановича так и остался за кадром, среди океанских тайн, в тени вулканов, в россыпи легенд и анекдотических рассказов тех, кто слы-

шали о рассказах других. Граф не создал романов или поэм, но воспламенил лучшие умы российской словесности к тому, чтобы нам достались знания ещё об одной грани жизни тогдашнего общества.

Авдотья Тугаева родила Ф.И. Толстому двенадцать детей, выжила лишь одна дочь. Фёдор Иванович Толстой в старости стал очень набожным человеком. Он считал, что смерть одиннадцати его детей – это Божья кара за одиннадцать смертей на дуэлях. После смерти дочери Сарры он вычеркнул из списка поверженных им на дуэлях одиннадцатую фамилию и произнёс: «Ну, слава Богу, хоть мой курчавый цыганёночек будет жив».

Дочь Прасковья прожила 66 лет...

ОТ БЕРЕГОВ ТЕМЗЫ ДО КАМЧАТКИ

О географии «дурных дел»

Продолжая тему о революционной либо неподвластной установленным правилам деятельности социальных групп и отдельных лиц на Камчатке, вернёмся к А.С. Пушкину. Прежде заметим, что «призраки» революционных идей Маркса, его предшественников и последователей часто бродили по камчадалской земле. 1731 год, например, в истории отметились еловский тойон Фёдор Харчин и его дядя ключевской тойон Голгоча, выступив против русских казаков. По итогам расследования этих событий подполковником Мерлиным казнено 4 казачьих руководителя: комиссар, пятидесятник и ясачные сборщики, а также 9 бунтовщиков. 61 покоритель новых земель и 44 камчадала были биты кнутом. Чрезвычайно далёкая, дикая и опасная Камчатка привлекала внимание Александра Сергеевича Пушкина. Поэт делал себе выписки о безобразиях властей и мятежах аборигенов, цепляющихся за жизнь «...несмотря на то, что множество их погибало от снежных обвалов, от бурь, зверей, потопления, самоубийства, от

войны». За несколько дней до роковой дуэли с Дантесом Пушкин продолжал работать по камчатской тематике, конспектируя «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова. Может, пытался отвлечься от сплетен, циркулирующих в кругу петербургского и московского бомонда, от безденежья или уже принятого решения нарушить данное императору слово обойтись без дуэли. Это могло быть вызвано также и необходимостью завершения статьи о Камчатке для «Современника» или даже, а почему бы и нет, рассказами графа Фёдора Толстого-Американца о его камчатских делах.

Кажутся весьма любопытными отдельные детали пребывания на полуострове десятью годами ранее близкого товарища и однокашника А.С. Пушкина Фёдора Матюшкина. Будучи там, в экипаже экспедиции барона Ф.П. Врангеля, лишь летом 1826 года Матюшкин узнал о декабрьском восстании 1825 года. В письме к Ф.П. Литке барон заметил, что Матюшкин, вообразив, будто «его сообщники в Петербурге овладели всем правлением, затеял было на Камчатке дурные дела». Эта фраза вызвала неутихающие и сегодня споры о том, являлся ли Фёдор Матюшкин декабристом? Это неизвестно, но на допросе в Следственном комитете М.П. Бестужев-Рюмин со ссылкой на Рыльева называет Матюшкина членом задуманной де-

кабристами Морской управы. Восстание, как известно, провалилось, друзей Матюшкина наказали. А благодаря чьей-то ошибке в написании его фамилии и инициалов, спецслужбы на Матюшкина не вышли, а сам он в силу своей морской профессии в это время оказался на краю земли. Командир шлюпа «Кроткий» барон Ф.П. Врангель доносительства не праздновал, и таким образом сегодня мы можем говорить ещё об одном малоизвестном революционном сюжете на этой чудной камчатской земле.

Окраинные земли России интересовали Гоголя, в чём убеждают факты, извлечённые из биографии и творческого наследия Николая Васильевича. «Азия была всегда каким-то народовержущим вулканом», – начал он, по воспоминаниям очевидцев, одну из лучших своих лекций в Патриотическом Институте Петербурга. В «Отрывке из детской книги по географии» Н.В. Гоголь пишет об Азии, где «...природа обмирает в объятиях студёного океана и чудный полюс запутывается недоступными для человека льдами...», природа «...дичает и человек оканчивается бездушным эскимосом», где люди «...так важны, так холодны с вида и вдруг кипят неукротимыми страстями...». Писатель пытается осмыслить Азию и понять её. С.П. Шевыреву он пишет: «...пришли мне Палласа все пять с атласом, сим меня много обя-

жешь. Мне нужно побольше прочесть о Сибири и северо-восточной России». «...Вся Европа, двинувшись с мест, валится в Азию, Восток сшибается с Западом» («О преподавании всеобщей истории»), «...Россия, сокрушившая этого исполина (Наполеона. – Г.Д.) о неприступные твердыни свои, останавливается в грозном величии на своём огромном северо-востоке» (Там же).

Размышляя о генезисе подлинных и мнимых героев поэмы «Мёртвые души», Николай Васильевич замечает: «Русский человек способен ко всему и привыкнет ко всякому климату. Пошли его жить на Камчатку, да дай только тёплые рукавицы, он похлопает руками, топор в руки, и пошёл рубить себе новую избу». Мы уже приводили примеры, как по высочайшему указу самодержицы крестьян снимали с насиженных мест у берегов Лены и отправляли для развития хлебопашества на Камчатке – в Мильково и в Большерецк. Не эти, так другие факты, а их в истории полно, несомненно, были известны Гоголю, да и Чичиков Павел Иванович, как известно, собирался перемещать души на целину. Предприятие Чичикова потерпело крах, но у государства ресурс иного уровня. Гоголь тему знал, а обустройство крестьян на отвоёванных у камчатских абorigенов землях происходило именно так, т.е. с «топором в руках». Кстати сказать, во времена Го-

голя в 1853 году в Сероглазку из Гижиги, о которой мы рассказывали, для освоения Камчатки была перевезена ещё 61 казачья семья. Сегодня Сероглазка – микрорайон Петропавловска-Камчатского, где у пирсов ЗАО «Акрос» и колхоза им. Ленина об этом напоминает памятный знак.

В дошедших до нас главах второго тома «Мёртвых душ» Гоголь показывает «филантропическое общество», которое «...было устроено с обширной целью – доставить прочное счастье всему человечеству, от берегов Темзы до Камчатки». «Филантропическое общество» появляется на страницах поэмы вместе с утомлённым жизнью помещиком Тентетниковым. «Надобно сказать, – рассказывает о помещике Гоголь, – что в молодости своей он был замешан в одно неразумное дело, два философа из гусар, начитавшиеся всяких брошюр, да не докончивший учебного курса эстетик, да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряженьем старого плута и тоже карточного игрока, но красноречивейшего человека». Следующую далее в тексте поэмы фразу о Темзе и Камчатке мы приводили чуть раньше.

Известный гоголевед Игорь Золотусский этот фрагмент из поэмы объясняет так. В Лондоне, т.е. на Темзе, в тот период обосновался

автор брошюры «О развитии революционных идей в России» А.Герцен, назвавший там Гоголя сторонником насильственного переустройства общества. В 1849 году в Лондон перебрался Карл Маркс, что сделало столицу Англии штабом идей социализма. Упоминание Камчатки может означать, что революционные прожекты Маркса и его друзей охватили всю Евразию до самой дальней окраины – Камчатки. В «филантропическом обществе» Гоголь называет двух гусар да недоучившегося эстетика. Гусар был в революционном кружке Петрашевского, а в «не докончившем учебного курса эстетике» – точный намёк на увлечённого социалистической утопией В.Белинского. Следовавший по сюжету второго тома поэмы арест Тентетникова и ссылка его в Сибирь вписываются в период ареста петрашевцев (их судили в 1849 году) и историю с Кирилло-мефодиевским обществом, ставившим целью отделение Украины от России. Его участников к ссылке приговорили в 1847 году. Рассказ о «филантропическом обществе» – отклик Гоголя на события в России и в Европе 1847–1849 годов.

Обозревая революционную Камчатку, как не вспомнить ещё раз выступление политических ссыльных 1771 года, их криминальный и триумфальный марш через три океана на галиоте «Святой Пётр», что вынудило власть пе-

ресмотреть своё отношение к камчатской ссылке, заменить начальников, а просвещённой Европе дало полное и реальное понимание российской действительности. Если не нить, то, по крайней мере, бледный пунктир связывает Камчатку с революционными событиями уже советской истории. После подавления мятежа, происшедшего 8 ноября 1975 года на Балтике, расформирования экипажа большого противолодочного корабля «Сторожевой» и расстрела его главного организатора члена КПСС капитана 3 ранга Валерия Саблина БПК «Сторожевой» продолжил свою службу на Камчатке, где и был, в конце концов, списан на металлолом.

Исключив из ряда околосмятежных событий современность, связанную с советским периодом, предположим, что упоминание Гоголем Темзы и Камчатки в одном ряду можно рассматривать не только с позиции её географической отдалённости, но и причастности жителей и «гостей» полуострова к тем идеям, которые занимали Маркса и его единоверцев. И как знать, не сложись судьба второго тома поэмы «Мёртвые души» столь жарко и трагично, где бы отбывал ссылку за участие в «филантропических» делах Андрей Иванович Тентетников. Почему бы не на Камчатке?

Жаль, что Гоголю на Камчатке побывать не довелось. Своим поразительно острым пером

он мог бы здесь углубить любую из волнующих его тем. Революционная правда камчатской жизни состоит в тех традициях российской власти, которые, как это у нас принято, построены на скандалах и злоупотреблениях. Казаки – носители власти ясак или натуральную подать жестоко выбивали из аборигенов за умерших сородичей, т.е. за мёртвые души, числившиеся в ревизских сказках. Они взымали недоборы за отцов с сыновей и наследников, не стесняясь «прощать» долги захватом рабов-холопов, которых тут же либо проигрывали в карты, либо на что-то меняли. Они изобрели штрафной ясак за некондиционные лисьи и собольи меха, правила изъятия повторительного, дополнительного ясака и другие методы узаконенного разбоя и мародёрства. Не случайно А.С. Пушкин, разрабатывая камчатскую тему, сделал однозначный и точный вывод о том, что главным двигателем смелых первопроходческих рейдов казаков была жажда наживы.

Продолжая о Гоголе, напомним ещё одну его ссылку на Камчатку из повести «Нос». Представляя читателям коллежского асессора Ковалёва, автор замечает, что: «...Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры от Риги до Камчатки непременно примут на свой счёт». А вникая в специфику тупости

чиновников, показанных Гоголем, в правила и уклад их жизни, убедимся, что великое множество носов России по своему служебному положению превосходят своих носителей. Рискнём предположить, что и в этом случае, как и в версии И.Золотусского по туманному Альбиону, Камчатка приводится с точки зрения вселенского размаха особенностей отечественного чиновничества.

Гоголь на Камчатке

Что могло бы заинтересовать Н.В. Гоголя на Камчатке? Можно лишь фантазировать. Он мог бы глубже изучить привычки медведей, что позволило бы создать новые многогранные, косолапые и изящные в своей безудержной грубости персонажи. Н.В. Гоголь ведь нередко вспоминает о них, а читательская память сразу же воссоздаёт образ Михаила Семёновича Собакевича, что «...показался весьма похожим на средней величины медведя...». Имя и отчество помещика направляют мысли в сторону сказочного русского медведя – грубого, неуклюжего, любителя хорошо поесть и поспать. Этот же с собачьей фамилией, с бульдожьей хваткой, прагматик, действия которого добром не пахнут. У Манилова слащавой доброты, напротив, полно, но с косолапым его роднит лишь то, что тащит «...на плечах медведя, крытого коричневым сукном». В об-

щем, как и в камчатской жизни – медведи бывают разными...

Известно, что Гоголь любил рисовать и дружил с художниками. На обложке первого издания «Мёртвых душ», сделанной автором лично, вместе с колясками и бутылками – рыба. Сохранился экземпляр поэмы с дарственной надписью А.П. Елагиной, племяннице В.А. Жуковского, урождённой Юшковой, в первом браке Киреевской. На картинке, исполненной Николаем Васильевичем, деревня и верстовой столб, а между ними: бутылки, рюмки и бокалы, закуски. Там же блюдо с большим осетром и мелкими рыбками; возможно, именно то – на которое М.С. Собакевич «запал» у полицмейстера в губернском городе NN. В произведениях Гоголя встречается карась, вьюн, селёдка, щука, севрюга, сёмга, плотва, карп, сом, налим, ёрш, корюшка, ряпушка, снеток. Даже в захолустном городе Б. (повесть «Коляска») на обеде у кавалерийского генерала Гоголь замечает осетрину, белугу и стерлядь. В других творениях встречается, как сказали бы сейчас, продукция переработки – головизна, икра паюсная и свежепросоленная или вязига. Камчадалам легко придумать, какие «имена» рыб Гоголь мог бы добавить в свои знаменитые записные книжки. Вспомним ту же не золотую, но запомнившуюся Хлестакову рыбёшку из «Ревизора»:

«Хлестаков: ...Как называлась эта рыба?

Земляника: Лабардан-с.

Хлестаков: ...Очень вкусная».

Это треска, которую во времена Гоголя на Камчатке ловили на удочку, а уже в XX веке у западного побережья полуострова промышляли в десятках тысяч тонн. Треску можно поймать даже в Авачинской губе, несмотря на её экологически-предынфарктное состояние. Вероятно, Ивану Александровичу Хлестакову приглянулось филе, пользующееся огромным спросом и сегодня. Гоголь был знатоком гастрономических изысков. Несомненно, кижуч, чавыча, нерка, кета или палтус вошли бы в число обожаемых Николаем Васильевичем и его новыми литературными героями блюд.

Гоголь поднимался до первого снега на Монблан, прогуливался вдоль ледника, а на Камчатке он мог бы повторить это, например, на Авачинском вулкане. Ему хорошо известна история, связанная с гибелью Помпеи, он знает об опасностях, таящихся в вулканах. В повести «Страшная месть» в сказку помещает картину: «Нередко бывает по всему миру, что земля тряслась от одного конца до другого: то оттого делается, толкуют грамотные люди, что есть где-то близ моря гора, из которой выхватывается пламя и текут горячие реки». Гоголь поправлял здоровье на водах, отмеченных вниманием Толстого, Тургенева

или Достоевского в Баден-Бадене, как и Маркс, Пётр I, Бетховен или Гёте посещал Карловы Вары. Наверное, паратунские целебные геотермальные источники Камчатки, как и малкинская минеральная вода, в поле его внимания уж точно бы попали. Однажды в Перхушково во время обеда с Аксаковыми, Щепкиным и Погодином Николай Васильевич так и сказал: «С какой бы радостью я сделался фельдъегерем, курьером даже на русскую перекладную, и отважился бы даже на Камчатку, – чем дальше, тем лучше. Клянусь, я был бы здоров». И только аквамариновые морские волны, и таинственные пучины настоящего пугали Гоголя. Только морские походы, как и брату Толстого-Американца, давались ему физически тяжело, если не сказать – мучительно-непереносимо. И это, пожалуй, могло быть единственным препятствием для его путешествия на Камчатку.

Гоголь и без Камчатки нашёл персоналии, потрясшие читателей хлестаковской «лёгкостью в мыслях необыкновенной», чичиковским авантюризмом, полицейской наглостью, маниловскими воздушными замками, плюшкинско-коробочкинской экономикой и скаредностью, чиновничьим крохоборством. Может быть, на Камчатке сегодня он впечатлился бы смахивающими на войны арабских шейхов за нефтяные вышки битвами за рыбо-

промысловые квоты. Открыл бы для себя все дотоле непрописанные им полутона ледяного равнодушия и непробиваемого непонимания к местным Копейкиным, постиг бы и описал новые способы по-лёгкому «срубить» крупному под флагом святой заботы о народе. Натолкнулся бы на уникальные изгибы мыслей нечистых на обе руки чиновников и блещущих скудоумием дельцов или поголовья гениев, сбившихся в предвыборные табуны кандидатов, политтехнологов и политсантехников. Такого хватает и в других регионах, не факт, что его на Камчатке больше. «Оно» встречается. В сцене «Тяжба» (для пьесы «Владимир III степени») его герой, в пылу зависти к отмеченному наградой, но никчёмному, по его мнению, человеку заочно вопит: «Вот кого, не говоря дальних слов, упрятал бы на Камчатку!» Легко сказать. А если такие люди уже там? Что дальше? В пьесе «Театральный разъезд после представления новой комедии» голосом из толпы Гоголь замечает: «Всё это вздор! Где могло случиться такое происшествие? Это происшествие могло только развиться на Чукотском острове». Случается и в других местах... Случается, случается, случается... Такие особенности национального характера мы сберегли, и умело вживили в себя. Вытащили из «Истории – наставницы жизни». Последняя цитата уже не от Гоголя Николая

Васильевича, а от Цицерона Марка Туллия – умного человека. У Гоголя все наши беды вызвали сердечную боль и глубокие душевные переживания. У нас боли меньше, но дело не в прогрессе медицины. Попался – не попался, коррупция – не коррупция, оборотень – не оборотень... Гоголь показал нам причины – почему так плохо в России, но сжёг второй том, где должны были быть пути выхода общества из кризиса. Многие считают, что эти пути были определены неверно, другие – верно, третьи – не считают никак. Они со школьной скамьи знают методику работы губернатора, полицмейстера, П.И. Чичикова и Ивана Антоновича кувшинного рыла, что умеют жить хорошо и не в тюрьме, а в почёте. Факт остаётся фактом – как не надо жить, прочли, методичка о том, как жить надо – сожжена. Во всём виноват Гоголь.

Ю.Нечипоренко в книге «Ярмарочный мальчик» сравнил манеру и особенности письма Николая Васильевича с путешествиями шаманов, когда те посредничают между мирами богов и людей. Последние считают, что души шаманов покидают тела и странствуют в иных мирах в прошлом и будущем. Гоголь и сам об этом писал: «Я почитаюсь загадкою для всех, никто не разгадает меня совершенно». Шаманы – это близко к Камчатке. Перед юбилеем писателя «Почта России» при-

слала сюда марки с портретами Н.В. Гоголя и героев из его произведений «Тарас Бульба», «Шинель», «Ревизор» и «Мёртвые души». Так что Николай Васильевич на Камчатку всё-таки приехал, а любые его фантазии всегда обрастают реальными чертами действительности. Будем считать эти фантазии – осознанными или контролируруемыми сновидениями человека, где события сновиденческой реальности иногда опускаются на землю.

КАМЧАТСКИЕ СТРАСТИ

МЕДВЕДЬ В КУРИЛКЕ

Адмиральский катер с руководителем ФСБ России на борту неспешно расталкивал волны Авачинской губы. Губернатор Камчатки с упоением лоббировал вверенные ему избирателями берега и вулканы, а товарищи из центра осматривали скалы, в которые когда-то вглядывались матросы и офицеры пакетботов Витуса Беринга и Алексея Чирикова, легендарных «Дискавери» и «Резолюшин» экспедиции Джеймса Кука, эскадры Жана Франсуа Лаперуза и шлюпов Ивана Крузенштерна. Скалы помнили мореходов, а теперь они пытались запомнить нас. Генерал армии вглядывался в ключья стылого тумана, между которыми, казалось, проплывает берег, а затем проявились знаменитые Три Брата. Когда из немытых кудрей тумана выглянула пограничная застава, губернатор Машковцев умело перевёл стрелки на меня и убежал курить. Больше Машковцева на Камчатке курили только вулканы.

Москвичи слушали мой излишне подробный доклад о разбросанных на мысе Маячном стареньких танковых башнях с ярусами заброшенных бункеров под ними, о зеркальной

линзе, которую две сотни лет назад притащили на лошадях и чуть ли не на собаках из Франции через всю Россию в Охотск, а затем по морю – на Камчатку. Как в бухте строили почти вертикальную узкоколейку. Как на конной тяге подняли чудо техники на плато и водрузили на маяке, как появилась застава. Как прекрасно работает линза и как французы просят свой шедевр для истории, которая и у нас имеется.

Кто-то из приезжих в подробностях едко усомнился. Я обиделся и начал «давить» знаниями: начальник заставы Руслан Георгиевич, 14 апреля 1978 года рождения. Закончил Голицынский институт в 2000 году с золотой медалью. Его заместитель уехал на Komandorskie Islands. Сейчас на острове Медный, на заставе «Преображенская». Имя сторожевого пса Джим, а старшину Семёнова, лентя и пройдоху, к сожалению, пока ещё не выгнали.

– Как это «лентя, пройдоху» и не выгнали!? – Неприлично свирепо в присутствии главного начальника чекистов страны прервал меня кто-то из сопровождающих его крупняков. Главный реплику вниманием не удостоил, да и докладец мой вскоре утих. Фамилию заставского командира в довершение назвал камчатский чекист генерал Лаухин. А Николай Платонович перед убытием в Москву подарил мне часы.

Путь на заставу «Маяк» по суше простым не считается. На выезде из Петропавловска-Камчатского попадаешь в камчатский Шанхай с мрачным СИЗО, невзрачными хибарками и нехорошей славой. Это «Копай». Говорят, когда-то столица Камчатки была городом закрытым. Вроде бы горожане после отсидки в тюрьмах за свои криминальные делишки вынуждены были селиться за городской чертой и облюбовали эти места. Затем подтянулись и другие асоциальные товарищи. Рискнуть и заглянуть в «Копай» тогда мог только бесшабашный и безбашенный человек. Случалось, что заблудшую автомашину разбирали быстренько, как автомат Калашникова, и на снегу оставалось лишь масляное пятно. Путник в мгновение ока лишался и часов, и трусов. Зимой роторези, чтобы не замёрзнуть, в город возвращались только бегом. Sport is health!

Дорога на заставу «Маяк» проходит вдоль Бабьей бухты, которая переходит в бухту Раковую. «Упряжка сразу взяла нарты аллюром. А недалеко от Петропавловска, на берегу бухты Раковой, затаилась от людей камчатская колония прокажённых. Здесь никого не лечили, только изолировали от общества, и кто попал в бухту Раковую, тот, считай, пропал для жизни на веки вечные...», – это уже из романа Валентина Пикуля «Богатство», где показаны события других лет. Колонии уже нет.

Путь ведёт через перевал, размытый весной и осенью до обнажения убийственных камней. Зимой на его копчике образуются причудливые иссиня-белые снежные барханы. Тупик для легковых японок второй свежести и закупленных по злословно обсуждаемому тендеру корейских автобусов без русской души. Автобусы легендируют муниципальный транспорт града Петра и Павла. В 1937-м эти закупки для городских властей в лучшем случае могли бы закончиться Магаданом. А взору уже открывается городской район Завойко. Он славен пожизненно проблемным ЖКХ. Адмирал Василий Степанович Завойко – герой знаменитого Наваринского сражения, а затем и Камчатский военный губернатор. В 1854 году он победил англо-французскую эскадру. «Борт только одного русского фрегата и нескольких батарей, – писал в то время британский журналист, – оказались непобедимыми перед соединённой морской силой Англии и Франции...». Этим фрегатом была «Аврора». Спустя годы имя перешло к легендарному крейсеру, который сейчас в Питере. Союзники потеряли 450 человек и опозорились тем, что сдали боевое знамя.

В Завойко я заезжал изредка. Для того чтобы на почте забрать солдатские письма и посылки, которые мог получить лишь по протекции начальника заставы. Без оной почтарки были

черствы и за прилавком на страже «Почты России» сидели с гранитной непричастностью к жизни.

А перед Завойко есть невзрачная развилочка, откуда на самом деле и начиналась моя дорога к сыну. Изредка Руслан сюда приезжал на МТЛБ-ТВ. Это малый тягач – лёгкий (т.е. менее 12 тонн), бронированный, к тому же ещё плавающий. Пограничники его обзывают металлом, танком или мотолыгой, а механика-водителя металлистом, танкистом и т.д. Руслан брал с собой женскую часть своего гарнизона. Гусеничный тягач оставался на границе асфальта с «мотолыжником», а девочки прыгали в мою легковушку и «рубил» прилавки. План штурма был осмыслен и взвешен. Молоко, сметана, йогурт, сосиски, ножки (грудки), горчишники и какой-нибудь пирамидон. Ещё список, достойный внимания почерковедов и криминалистов, пособие для учителей начальной школы в сфере прописей: «1.Серж. Петров Витя, 300 г шикаладных канфет дишевых, 4 пачки печень, зажигалка, 5 откp. с 8 марта», – и так до № 20. Служебно-баклажанная «Волга» в этих сходках участвовала не всякий раз. Тогда надежды юных пограничниц строились на фундаменте личной выносливости и физической закалки. Sport is health!

С развилки начиналась настоящая «дорога», или она здесь заканчивалась и проявляла себя

только в том смысле, который в это понятие закладывал мудрый и великий Н.В. Гоголь. До заставы более десяти километров. В зависимости от поры года они преодолимы на джипе, тягаче, снегоходе или на лыжах, а с ноября по май – пешочком. Другие способы имеют грустную либо смешную ленточку на финише. Высота снега здесь достигает шести метров, а вулканическая сметана и вода в весенне-осеннюю распутицу бросаются на радиаторы и свечи, бесцеремонно заключая в свои нежаркие объятия лихих шоферюг и их беспечных пассажиров.

Однажды договорились с начальником эмчезников Камчатки Николаем Тимошенко до метео*problem*. Дело было зимой, и красота рвалась в объективы. Со смотровой площадки города его Nikon и мой Kodak выхватывали яркое солнце и только что выпавший нежный «пухляк», загадочные дымы над вулканами и разноцветные кораблики на фоне голубизны. Я его, по сути, оскорбил крепко, заметив, что к сыну, куда отсюда «просто тьфу», не могу попасть уже полтора месяца. Полковник имел славу и характер. Он, как обычно, вспомнил чью-то матушку и заявил, что на скандике, т.е. на своём личном ультрасовременном снегоходе чужестранного производства, сейчас отвезёт меня хоть к чёрту на кулички с баяном в руках и, конечно, с сигаре-

той в зубах. Может быть, вместо баяна что-то буркнул про бутылку пива или чего покрепче, не помню, но в сфере табакокурения он удерживал третье место по Камчатке. После вулканов и губернатора.

К джипу присобачили прицеп со скандиком, а в гастрономе прикупили гостинцев. Кто-то из друзей подарил габаритный бутыль с квашеной капустой. Она на заставе внезапно «кончилась». Машину с прицепом бросили в сугробе, стартовали и за пару часов «пронеслись» метров двести. Сколько раз выталкивали и откапывали снегоход, не помню. Промокли до нитки, подышали свежим воздухом, развеялись. В тот день Руслан с солдатом на «Барсе» советских времён проехали два километра, а затем ещё семь, по пояс в снегу бодро прошагали и на обратном пути только о капусте и думали. Sport is health! Как хорошо, что медведи зимой крепко спали.

Изредка удавалось породнить отчаянных фанатов экстремальных рейдов и экзотики, чтобы помочь крутым заставским парням продуктами, овощами, канцелярскими товарами, сигаретами или стройматериалами. Для туристов стоимость экзотики была эквивалентна мешку картофеля, коробке сигарет, ящику конфет или апельсинового сока, а то и аптечке с бинтами, таблетками, витаминами и термометрами. Такая вот мзда. Важно было усечь,

чтобы десять человек не притащили десять ящиков подсолнечного масла или столько же коробок с комнатными тапочками.

В газете «Пограничник Северо-Востока» корреспондент Дима Билец написал об одной такой поездке. Тогда экскурсию для гостей заставы «Маяк» проводил ещё лейтенант Руслан Дзюба, а верный сторожевой пёс Джим не отходил от своего заботливого шефа ни на шаг. Ребята остались довольны и в редакцию прислали письмо со своими автографами и с отпечатком лапы Джима. Письмо опубликовали с благодарностью членам Совета Федерации страны, сотрудникам законодательной и исполнительной власти Камчатки, генеральным директорам ООО, ОАО, ЗАО и другим участникам ралли на металле. Помню, как мои друзья потом потешались над отпечатком лапы.

Такая поездка, как правило, была сопряжена с опасностями. Затолкать кого-то из VIP-персон в десантное отделение «мотолыги» – пустое дело. Хозяева жизни безудержно рвались на броню, фото-видео фиксируя героические детали личных подвигов, а многотонную машину с галдящим табором в прикиде от всех кутюр полуострова швыряло на гребнях и в промоинах так, что нервы вытягивались в струны. В эти часы я, наверное, седел, строго надзираю за публикой, и напоминал о себе гортанными звуками. Вроде тех, которыми сла-

вятся местные каюры в общении с непокорными оленями или задурившими собаками. В этих рейдах, по сути, я был главным, а по содержанию полную ответственность, случись что-то, нёс Руслан.

Путь проходит вдоль Авачинской губы. Сначала с верхотуры видится, словно игрушечная, бухта Малая лагерная. Дальше мимо «крестиков» – и ты на очередном перевале. «Крестики» придумали бойцы, изучая кладбищенские топонимы на карте в дежурке. Здесь заброшенное место вечного покоя. С перевала открывается панорама. Эту красоту вполне мог видеть «камчатский Ермак», как называл казачьего пятидесятника и исследователя Атласова А.С. Пушкин. Может быть, здесь заполнял одну из страниц знаменитого «дорожного журнала» для «Описания земли Камчатки» Степан Крашенинников, а со стороны воды чертил карту штурман Иван Елагин.

Спускаемся в бухту Большую лагерную, что по имени рыбацкого посёлка, когда-то вроде бы как смытого цунами. Не знаю, так ли это было на самом деле. Может быть, жители его просто бросили, но оставшихся от жилья фундаментов, печных труб и стен здесь полно. В последний раз большая волна приходила сюда с Курильской гряды в ноябре 1952 года. Тогда жертвы исчислялись тысячами, и число погибших, как утверждают знающие люди, было за-

секречено. Здесь стихия отметилась искорёженными домами, водопроводами и портовыми причалами, разрушенными и затопленными сёлами Халактырка и Налычево. Она забрала полторы сотни жизней камчатцев, включая сметённых с палуб матросов и офицеров и пограничников, выполнявших приказ на охрану государственной границы СССР у мыса Лопатка, а также десятки единиц техники, катеров, буксиров, сотни тонн материалов и продуктов.

В Большой лагерной бухте высоченные скалы и возвышающийся над водной поверхностью кекур Чёртов палец. Здесь же торчащий из волн остов деревянного судна, не выдержавшего в рейсе шторма либо затонувшего уже после выхода на пенсию. Ещё одна изюминка – протока озера Банное с мостом, который весной, как правило, срывает и уносит паводком, а летом, по сложившейся традиции, матросиками ТОФа и солдатиками пограничной заставы «Маяк» восстанавливаемого из материалов, присланных Всевышним и Нептуном.

Табличка сообщает о въезде в погранзону. Для дилетантов. Сюда стремятся рыбаки и браконьеры, отдыхающие и выпивающие, камчатцы и гости полуострова. Когда пограничники начинают их гонять и выгонять, пугать протоколами и санкциями, публика запевает Лазаря и канючит: «Не знал, первый раз услышал и больше не буду». Ясно, что знал, слышал,

будет. Наиболее уставшие друзья природы ведут себя смелее: «Ну, ты чё, командир, оборзел. Да ты знаешь, кто я? Да я...». Таким и море по колёно, а мальчишке в погонах надо быть начеку. Разве угадаешь, что у пьяного на уме?

Заросли сказочных берёз, отвесные скалы с гнездящимися в них чайками, бакланами и топорками взаимодополняют красоту единства северной флоры и северной фауны. Летом здесь и правда можно вдохнуть свежий морской воздух, услышать ленивый плеск волны или шум прибоя, поймать лосося, камбалу, палтуса, навагу, мойву и зарядиться ухой. Туроператоры, когда рекламируют эту красоту, сообщают об ухе с разнообразными фруктовыми соками. Ерунда. Уха действительно хороша, но в сочетании с соками и без водки я этого блюда на Камчатке ни разу не встречал.

В случае удачного штурма протоки дорога по серпантину поднимается вверх, огибая озеро Банное, поросшее всё теми же причудливыми каменными или чёрными берёзами, какой-то необычной камчатской ольхой, кедром и камышом. Разнотравье поражает, а борщевик, медвежий корень и что-то там ещё, другое, выше баскетболистов самой элитной дружины из числа мировых грандов. Здесь могли бы себя комфортно чувствовать брянские, белорусские или вьетнамские партизаны. Здесь хорошо было бы играть в прядки без риска быть

укушенным змеей, поскольку ползучих на Камчатке нет. Правда, есть медведь, но летом он сыт и разве что столкнёшься с ним нос к носу. Тогда будет больно.

Самая высокая точка – гора Маячная, которую бойцы называют «тридцатипятка». На её макушке когда-то подметали своими лопухами воздушные потоки Камчатки пэвэошники. Ещё несколько километров, и погранзаезда «Маяк». Приехали. Стою на ступеньке избушки, в которой живёт начальник. С высоты птичьего полёта как на ладони бухта Камбальная (или Шлюпочная). Среди волн визитная карточка Камчатки: сторожевые скалы-кекуры Три Брата. По легенде братья ценой жизни спасли город. В этой бухте с почти что одинаковой вероятностью в сети может заплутать и десятикилограммовый кижуч, и полуторапудовый палтус. Попадаются двухметровые акулы и дельфины. После шторма на косе столько морской капусты, что миниатюрные баночки с этими скользкими буро-зелёными лентами на прилавке магазина вызывают смех. Мимо братьев проходят постоянные парады: куда-то спешат по своим делам зубастые касатки либо безразличные к пехоте, напичканные собственным величием атомные крейсера.

Другая сторона северной красоты маршрута известна только погранцам и абorigенам. Погранцы прекрасно осведомлены о ветре,

зашкаливающим за 30 метров в секунду, срывающем крыши и легко сбивающем с ног даже солдат-сибиряков. Иногда в молочных туманах здесь не увидишь собственной руки, не говоря уже о каких-то кочках и рытвинах. Не раз был свидетелем «фокусов территории призраков». Вдоль казармы плывёт улыбающаяся голова в шапке, а под наблюдательной вышкой над ровной кромкой пелены тумана торчат ещё две такие же в шапках набекрень и что-то оживлённо обсуждают. Ниже – видимость ноль.

Пограничники хорошо знают характер и повадки рысей, чьи хоть и горящие, но пронзительно-холодные глаза нередко сопровождают ребят в ночных дозорах. Они в курсе привычек эксцентричных камчатских медведей.

Однажды перед длительной командировкой на Чукотку я забрался на «Маяк» вместе с милиционерами. Серые кителя замыслили проверку паспортного режима, и тяжёлый маршрут легко вписался в их планы. Для поздравлений с днями рождений солдатских матерей и невест мой сотовый телефон у пограничников имел колоссальный авторитет, что позволяло мне иногда купаться в лучах его славы. Дежурный сделал шлагбаум «подвесь» и, сияя улыбкой, отрапортовал: «Товарищ генерал! Вчера к нам медведица с дитём приходила. Гуляла по заста-

ве, сидела в курилке. Мы, конечно, наблюдали из окна».

Сын рассказывал с юмором. В субботу после бани чем-то занимался дома. Подпрыгнул тапик, что на местном диалекте значит – телефонный аппарат ТА-57. Дежурный доложил: «Товарищ капитан, медведь в курилке!»

– Я опешил. Появились дурные мысли о дежурном, а тот продолжает фонтанировать:

– Немчинов пошёл на перекур, а там медведь развалился!

– Ну и что же он курит?

– Да нет, просто сидит.

– Это хорошо. Курить не время, на спортгородке должен быть. К проверке надо готовиться! Где Немчинов?

– На заставе.

– А часовой куда смотрит?

– Часовой тоже на заставе, из дежурки в окно вместе смотрим.

Тут мне совсем плохо стало. Бойцу ставил приказ на охрану государственной границы Российской Федерации. Заход в помещение – это уже невыполнение приказа и позор! Мысли дурнели, а разбирались мы постепенно. Спрашиваю: где сейчас медведь, что видите?

– Так сейчас он у вас на крылечке топчется, наверное, что-то покушать унюхал.

Выждал, прислушался. Схватил хорошее полено, огляделся в щёлочку и пулей на крышу

бани. Тут Джим сразу сообразил, что «наши в городе». Меня учуял, осмелел решительно и бросился с лаем к углу домика. Метрах в четырёх стояла такая глыба, что в глазах темно. Медвежонка не заметил, а на морфлотовском посту эта мохнатая тётка собакой всё же закусила. Повезло, значит. Нам повезло, не собаке, конечно. А утром вся застава в следопыты записалась. Даже те, что спать должен был после ночной службы, высыпали. Бродили по территории, изучали следы и вспоминали, кто из них, где и в какое время проходил. С кольями и пиками, как партизаны Дениса Давыдова.

Местные жители в деталях знают, кого на этом пути съел медведь, у кого откусил какую-то часть организма или всего лишь разодрал в клочья палатку, перевернул казанок с ухой, с кашей, отобрал рыбу либо конфисковал продукты. Они помнят поимённо всех своих земляков: маячников и рыбаков, пьянчужек и бесшабашных искателей приключений, которые на этом тернистом маршруте замёрзли, что-то отморозили, утонули или погибли другим способом, проявляя отчаянный героизм либо такую же отчаянную глупость. Медведи приходят и уходят, стихия ломает и сметает всё живое, а затем внезапно ласкает сдержанным северным теплом и солнцем. А маршрут так и остаётся для пограничников «дорогой жизни».

В квартире Руслана дверь с замком не была знакома. Стало пропадать турецкое душистое мыло «DURU». Деньги, вещи и даже аромат лимона от мыла на своих местах. Заподозрил бойца-гурмана, а потом и воровку застучал. Оставила отпечатки, хоть в зубопротезный относи. На «Маяке» грызуны высокоинтеллектуальные. Научились так солёную черемшу вытаскивать, что внутри банка пустая, как полковой барабан – снаружи всё о'кей. Ни одного стебелька, приставшего к стеклу, не тронут. В приморских районах крысы всегда рядом с человеком, будь это Одесса или Мурманск. Поэтому здесь в наряд на охрану продовольственного склада в сутки через двое заступают пограничные мурки.

На «Маяке» можно насладиться вареньем из настоящей камчатской рябины. Здесь повара могут сварганить к новогоднему столу оливье из мясного фарша, яичного порошка, самодельного майонеза, свёклы и картошки. Здесь я многократно убеждался в том, что у нас есть прекрасная молодёжь, способная отношение к Родине и долгу измерять не в рублях, не в долларах и не в евро. И не потому, что среди них был мой сын Руслан.

POST FACTUM В ЛУЧАХ ФРЕНЕЛЯ

Даже не знаю, поверили ли вы тому, что на мысу Маячном я чужаком не считался? Честно сказать, всё, что узнал там, постигнуто на тропинках, с асфальтом и дорожной разметкой не знакомых. Кое-что узнано из беллетристики, что-то от местных начальников, рыбаков, погранцов и браконьеров. Признаюсь, что в архивах не бывал, но и в этих условиях каждая новая для меня деталька подбрасывала загадку или грузила философией. Вот пример.

В середине XIX века горный чиновник Карл фон Дитмар на мысе Маячном нашёл каменный уголь «годный для пароходов», а по распоряжению камчатского военного губернатора В.С. Завойко отсюда вывезли угля в Петропавловский порт 1600 пудов. Как ни искали мы по своей простоте и наивности оставшийся здесь уголь либо заброшенные 150 лет назад и заросшие ивами, берёзами и травами копры, карьеры или травмоопасные штольни и галереи, так и не добились виктории. Пытался было что-то разведать на эту тему начальник заставы Руслан Дзюба. Он всё равно почти что каждый день как лось носился по

этим тропам, сопкам, ущельям и обнажающимся во время отлива фундаментам скал с пограничными нарядами или с Джимом. Подключился к этому вопросу с двойной дозой ответственности и накопившейся в университетских аудиториях энергией его младший однофамилец Дима, приехавший на Камчатку на каникулы. Ноль. 256 тонн угля увезли неведомо откуда.

Или такая тема – для пытливых историков/краеведов как раз подходит. Северный входной мыс в Авачинскую губу ительмены всегда называли Вауа. На итоговой карте Первой Камчатской экспедиции Беринга 1729 года входные мысы Авачинской губы – Маячный и Безымянный уже отмечены, записаны пеленги на мыс Маячный и мыс Шипунский, хотя последнему название не дано. А Вауа – урочище у входа в губу, от которого, начиная с 1740 года, велись счисления координат плавания и штурманская прокладка. А ещё говорят и даже утверждают некоторые товарищи, что Вауа – это мыс Вертикальный, находящийся в 1900 метрах к северо-востоку от входа в Авачинскую губу, что уже совсем не «пляшет» с материалами Второй Камчатской экспедиции Беринга. Там Вауа «при устье» губы на северной стороне. То есть снова правый входной мыс, который по маяку именовался Дальним, а затем Маячным. Где и что есть Вауа и кто бли-

же к правде жизни: авачинские ительмены, переводчики-толмачи или штурманы Витуса? Возможно, что в этом абзаце вы ничего не поняли. Не расстраивайтесь, он написан не для того, чтобы автор блеснул знаниями. Его знания не твёрже ваших будут, а загадки здесь остаются.

Для изучения Авачинской губы в 1737 году Беринг отправил на Камчатку геодезиста Ивана Свистунова и штурмана Емельяна Родищева. Те пошли из Охотска в Большерецк вместе со знаменитым исследователем С.П. Крашенинниковым на паруснике «Фортуна», который в устье реки Большой был выброшен штормом на берег. Кстати, 28 мая 1958 года (в День пограничника) рыболовный сейнер «Спартак» колхоза «Красная связь» нашёл якорь этого парусника, случайно зацепив его тралом. А тогда, в зиму 1737/38 года, Иван с Емельяном из Большерецка пошли составлять первую карту Авачинской губы. Они же на мысе Вауа (?) маяк поставили, который самого Петропавловска-Камчатского повзрослее будет. Штурман И.Ф. Елагин, подготовивший в 1740 году более подробную карту Авачинской губы, на ней отметил: «Маяк, на котором жгут огонь в ношное время». На плане Авачинской губы 1741 года есть уже рисунок маячной башни, а А.И. Чириков в этом же году отмечает: «...учреждено от нас быть маяку на месте,

называемом Вауа». Маяк в режиме уже постоянной эксплуатации заводит в губу В.Беринга, Д.Кука, Ф.Лаперуза, И.Биллингса, Г.Сарычева и далее всех, кто в списке мореходов, осваивавших самый Тихий океан планеты. Ф.П. Литке вспоминает: «Едва только совершенно смерклось, засветились огни на мысе Маячном и на другом, внутри губы, так что мы и ночью могли бы весьма спокойно в неё войти, если бы позволил ветер...». О.Е. Коцебу пишет: «Приближаясь около полудня к Авачинской губе, увидели мы на высокой скале, образующей северную её часть, телеграф в полном действии... С телеграфа в большом удалении видно приближение корабля, и о сем немедленно извещают коменданта Петропавловского порта, который таким образом имеет довольно времени послать навстречу корабля гребные суда с якорями и канатами, которые в узком входе в Авачинскую губу бывают весьма полезны и нужны. Мы увидели также идущий к нам на помощь баркас, но достигли губы при помощи ветра, который, однако же, внезапно утих, так что принуждены были буксировать нас потихоньку в порт, где мы бросили якорь в 12 часов ночи».

По Высочайшему распоряжению Александра I от 9 апреля 1812 года Охотский порт отдаёт флаг морской дальневосточной столицы России Петропавловску. Начальнику Камчат-

ки предписывается за счёт городских доходов оборудовать на Маячном мысу новое сооружение, «...дабы по оному плавающие суда могли бы признавать приближение их к берегам и вход в Авачинскую губу». При нём «...установить высокий флагшток для подъёма сигнала». Такой же флагшток поставить в гавани. Вести особые сигналы для извещения населения и портового начальства о судах, появляющихся в море. Любопытно и такое требование: «Укрепить сию гавань всей артиллерией, находящейся в Камчатке, как при батареях, так и оставшуюся от потопшего судна «Слава России» и частью со шлюпа «Диана». (Задача ставится за два месяца до приказа Наполеона Бонапарта о нападении на Россию). А подразумевался шлюп В.М. Головнина, за бортом которого остались Кронштадт – мыс Горн – мыс Доброй Надежды, множество Тихоокеанских походов и открытий, дерзкий «побег» из английского плена, а напоследок – пенсионерская «должность» склада на отмели Петропавловской гавани. Что касается парусника «Слава России», то в 1793 году на Камчатке он был оставлен Г.А. Сарычевым после Северо-Восточной географической и астрономической правительственной экспедиции. Здесь он и затонул в 1801 году по причине безнадзорности. К слову сказать, пароход «Теодор Нетте», если помните «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»

В.В. Маяковского, тоже на Камчатке – засыпан грунтом и стал причалом в Петропавловском торговом порту.

13 июля 1833 года о маяке было заявлено в «Извещении мореплавателям». А в 1846 году начальник Камчатки капитан 1-го ранга Р.Г. Машин докладывал генерал-губернатору Восточной Сибири предложения о целесообразности: «Дальний маяк освещать лампами вместо дров, для чего выслать из С.-Петербурга маячные рефракторы со всеми принадлежностями». Госплан, Минтранс и Минфин тогда работали нормально, Минрегионов не было, поэтому 21 августа 1848 года из Кронштадта на транспорте «Байкал» вышел капитан-лейтенант Г.И. Невельский, который и доставил всё необходимое оборудование. Судя по рапорту начальника Камчатки, обновлённый маяк начал функционировать с 1 июля 1850 года. Так появился первый маяк, построенный по специальному проекту на русских берегах Тихого океана, где на смену кострам и жировым светильникам пришли фитильные лампы с рефлекторами, а первым его зрителем стал прапорщик Губарев, которого мы в этой истории ещё встретим.

Крымская война для России – это цепь провалов и поражений, где Камчатка оказалась самым крепким орешком. В военном отношении маяки в большинстве случаев являются

иллюзорными защитниками. С точки зрения разведки – это ФСБ, СВР и ГРУ города в одном лице. В полдень 17 августа 1854 года передовые посты камчатских маяков обнаружили оцетинившуюся 216 орудиями англо-французскую эскадру. Персонал Петропавловского маяка под началом унтер-офицера Яблокова передал в город сигнал «Вижу военную эскадру из 6 судов» и ударил по врагу всей мощностью своего 36-фунтового орудия, обстреляв ближайший пароход «Вираго». 10-пушечные англичане с «Вираго» ответили с учётом кратности каждого из бортов. В артдуэли никто не победил и, утром 18 августа эскадра из английских фрегатов «Президент» и «Пайк» и парохода «Вираго», а также французские – фрегат «Ля-Форт», корвет «Евридика» и бриг «Облигадо» вошли в бухту. Последовал провальный штурм города и позорное бегство союзников, за которым маячники, наверное, наблюдали с нескрываемым удовольствием. Это зенит военной славы города и гарнизона, маяка, горожан и маячников. Здесь в самый раз вспомнить зрителя маяка Михаила Губарева, который в то время в звании подпоручика ластовых экипажей был командиром 2-го стрелкового отряда. Губарев показал себя отважным воином, разумным начальником и лично обнаружил английский флаг Гибралтарского полка, за что удостоен ордена Святой Анны с бантом.

На пике штурма города, пренебрегая опасным соседством вражеской эскадры, маячники под сурдинку исполняли свой долг. В те дни безоружный бот №1 с лесом из Нижнекамчатска под командованием боцмана Новограбленного «пришел на вид Дальнего маячного мыса, но за туманной погодой самого маяка видеть не мог; придержавшись немного к северу, рассмотрел на мысу людей, стрелявших в море из ружей и, увидевши в то же время сильную эскадру, стоявшую на якоре во внутренних губы, понял, что этой пальбой предупреждают его о неприятеле». О штурме города моряки, естественно, ничего не знали. Боцман знал, что за ними следует шхуна «Анадырь» с таким же грузом, и начал курсировать перед входом в губу, где повстречал винтовую шхуну «Восток». Её командир лейтенант Римский-Корсаков передал на бот документы и тотчас вернулся в открытое море. Боцман, заметив, что неприятель снимается с якоря, прервал патрулирование и укрылся в Вилучинской бухте, откуда и послал людей с почтой от Римского-Корсакова к В.С. Завойко. Следует заметить, что это были важные документы от генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва. А шхуна «Восток» встретила следующий в Петропавловск транспорт «Байкал», что позволило и этому экипажу уклониться от неприятеля. Замечу, что Ха-

ритон Новограбленный в прошлом трудился смотрителем всех маяков Авачинской губы, а за мужество и находчивость был произведён в прапорщики.

В 1885 году в Гидрографическом департаменте решили на мысе Дальнем (Маячном) установить новый маяк, и под наставлением мастера-указателя Плюхарского здесь была собрана привезённая из Владивостока деревянная башня. Десять лет спустя её заменили башней из чугунных секций, а от маячного городка к бухте Шлюпочной построили узкоколейную дорогу с канатным приводом для подъёма грузов с берега.

В 1893 году для подачи туманных сигналов на маяке появились колокол и пушка. 1 июня 1897 года полился постоянный свет из аппарата Френеля с керосиново-калильной установкой, что позволяло любому судну легко находить вход в Авачинскую губу. В случае тумана или метели «включался» колокол. Французы приезжали на Камчатку в 1999 году и сразу же попросились на маяк. Аппарат Френеля или линза Френеля (по имени его/её создателя – физика Огюста Жана Френеля) сделана в Париже на фирме «Барбье» в 1894 году и до сегодняшнего дня работает безукоризненно. Столь сложного и оригинального аппарата, состоящего из 13 диоптрических и 15 катоптрических линз, ни у кого больше не сохрани-

лось. Удивительно, что луч посылает 500-ваттная лампочка. Французы предлагали взамен аппарата Френеля современную оптику и большие деньги. Уехали с икрой, крабами и фотоальбомом на память.

Следующие факты истории маяка заходят уже в XX век. 21 апреля 1904 года в Петропавловск поступила неофициальная информация о русско-японской войне. Власти города сразу же решили усилить наблюдение с мыса Маячного. Кроме того были выставлены сигнальные мачты на мысах Бабушкина, Раковский и Сигнальный, как это уже делалось в 1854 году. Передача сигналов посредством мачт с мыса на мыс занимала около двадцати минут, что было возможно лишь в ясную погоду. Поэтому смотритель маяка Косачев предложил организовать дополнительную «шлюпочную сигнализацию», для чего выделить ему две парусных шлюпки с экипажами. Неизвестное судно с маяка можно было обнаружить за 20–25 миль, что преодолимо им не менее чем за два часа. В таком случае с маяка в Петропавловск сразу же отправлялась бы первая шлюпка с сообщением об этом судне. Дойти до ковша порта она могла за два часа при ходе под парусами и за два с половиной – на вёслах. Вторая шлюпка высылалась бы уже после выяснения принадлежности судна.

30 июля 1905 года с маяка было обнаружено неопознанное из-за тумана судно, а на следующий день на горизонте обрисовались контуры уже двух кораблей, «...которые в 9 часов утра, пройдя на расстояние орудийного выстрела, открыли по маяку стрельбу из пушек». Служители маяка под огнём расколотили сейф, так как смотритель с ключами находился в Петропавловске, вытащили из него 4200 рублей казённых денег и унесли их в надёжное место. (В наше время судовладельцы отчисляют в ФГУП «Росморпорт» мизерный маячный сбор, который уплачивают вместе с другими сборами уже в порту.) Здесь не всё ясно. Почему храм Мамоны оказался на маяке? Зачем эта огромная сумма здесь хранилась? Откуда взялись казённые деньги, учитывая, что в маячной службе синекура никогда не жила? А кораблями оказались японские легкие крейсера «Сума» и «Идзуми», вооружённые 38 орудиями. Численность экипажей и десанта японцев составляла 675 человек и была сопоставима со всем населением города, включая детей. Горожанам оставался один путь – в сопки, а пришельцам одно занятие – разбой в опустевших зданиях и квартирах.

В 1914 году в Петропавловске узнали о новой войне. За известиями обычно шагали маячные перфомансы. 31 июля губернатор Камчатки Н.В. Мономахов получил телеграм-

му от приамурского генерал-губернатора Гондатти, где сообщалось, что «...германский крейсер «Гнейзенау» пошёл на Камчатку». 1 августа губернатор обратился к населению: «Мною <...> получено известие, что германский крейсер «Гнейзенау» направляется к берегам Камчатки. Следует думать, что он придёт в Петропавловск, может быть, завтра или послезавтра. Так как мы находимся в войне с Германией, то считаю необходимым предупредить население...». Горожан тотчас эвакуировали, вывезли казённые деньги и бумаги. 2 августа губернатор приказал смотрителю маяка Лосеву погасить маячный и створные огни и не зажигать их «...впредь до особого моего распоряжения». Ситуация изменилась, и 7 августа последовало новое распоряжение губернатора: «Предлагаю Вам с сегодняшнего дня маячный и створный огни зажигать вновь. Убранные по моему распоряжению створные знаки сегодня восстанавливаются».

После революции 1917 года долгое время на Камчатке царско-имперская гордуга и большевистский ревком жили в параллельных мирах. Так было до тех пор, пока главком Дальневосточной республики В.К. Блюхер не сообщил, что сюда направляется крупный отряд белогвардейцев. 12 октября 1921 года большевики отправили на маяк дозорных. В числе дозорных, которые выслеживали белогвардейцев

генерала Полякова, состояли Войцешек и Елисеев. Чех Войцешек позднее 2 июня 1922 года погиб в бою с врагами революции вместе с самыми известными камчатскими партизанами Бохняком, Тушкановым и Давыдовым. Партизана Елисеева история знает в качестве члена товарищеского большевистского суда.

Но 28 октября 1921 года к Авачинской губе подошёл пароход «Свирь» с казачьей сотней генерал-майора Н.А. Полякова. Казаки сразу же занялись маяком. Шестеро из числа добровольцев быстро справились с этой задачей, и пошли по берегу, «равняясь со «Свирью» и освещая местность до Солеварки» (Богородского озера). Как они справились с маяком, выяснить не удалось, но узнал, что уже на следующий день горожане тепло встречали казачью сотню, а маячник Василий Гайдамака преподнёс её командиру хлеб-соль. Торжества происходили в городе. Понятно, что Гайдамака мог быть служащим как Дальнего (Петропавловского) маяка, так и маяка с мыса Сигнального. О нём известно лишь, что 10 марта 1933 года был арестован по рассыпавшемуся потом делу «Автономная Камчатка» и тройкой ОГПУ 1 января 1934 года по ст. 58-2-б-11 УК РСФСР приговорён к высшей мере с конфискацией имущества. Гайдамаку расстреляли в январе 1934 года, а реабилитировали в 1957. Василий Илларионович Гайдамака уроженец

села Вельки Бубны Роменского района Сумской области. Через двадцать лет после его реабилитации в Ромнах родился начальник заставы «Маяк», который искал уголь. Пограничников упоминаю ещё и потому, что маяк не только обеспечивал безопасность плавания, но и неизменно охранял границу.

Весной 1922 года белогвардейцы в Петропавловске будто бы уже твёрдо обустроились, но неприятности, как обычно, начинаются с мелочей и в самое неподходящее время. Камчатские ветераны вспоминают, а журналисты описывают майское «ЧП» 1922 года, когда красные партизаны реквизировали «с дальнего маяка осветительные средства» и увели с собой «по направлению Налычево» заведующего маяком Шантина. Тут же, 7 июня начальник Петропавловского военного района подполковник В.В. Кузнецов направил партизанам письменный ультиматум о том, что за разрушение или порыв телефонной связи города с маяком будут наказаны заложники «по всей строгости военного времени». Получается, что оборудование партизаны украли, персонал увели в Налычево, но без связи никак. Словом, жарким оказался июнь 1922 года для мыса Маячный.

Много ещё чего было на маяке. Со временем разобрали узкоколейку, соединявшую маячный поселок с бухтой Шлюпочной, колокол

отдали в музей, куда-то «ушла» пушка. В этой бухте (её ещё называют Камбальная) всегда хочется философствовать. Исторические Три Брата в одном кабельтовом, затейливые кручи и вертикали скал, дивные камчатские берёзы, ублаговорящий климат, доминирующие васильково-малахитовыми тонами волны и пляжная коса, отделяющая океан от пресноводного озера в две-три сотни величиной, где, как говорят, когда-то водились даже карасики. Какая может быть экзотика для камчадала в чавыче или терпуге (?), а они по другую сторону косы в нескольких метрах. Историю приютившегося здесь и давно заброшенного домика одни связывают со старшиной заставы, который в период расцвета застоя якобы был его архитектором, ваятелем и домовладельцем, а по совместительству – заядлым рыбаком. Другие «шьют» этот объект к венценосным особам областного размаха, их московским начальникам-комиссиям, консолидированным желаниям данных коммунистов быть за пределами видимости народа и тому же старшине, славившимся умением приготовления редкостной по вкусу и запаху ухи, обалденных шашлыков и маниакально-бережным отношением к обкомовской посуде. Мастаков эмоционализировать новейшую историю много, поэтому за основу можно принимать любую из версий или находить ещё одну. Правда

в том, что Шлюпочная (Камбальная) – это одна из жемчужин Камчатки и совершенно неважно, кто там пил водку, ловил рыбу или фотографировался. Она, как и сто лет назад, для народа недоступна.

Застава охраняет границу и помогает кораблям заходить в порт. Маяк обеспечивает безопасность плавания и помогает пограничникам сторожить границу. Он обзавёлся радиомаяком и паровой сиреной, но световой механизм и чугунная 13,8-метровая башня больше века на бессменном посту. Здесь задерживали нарушителей границы, бандитов и браконьеров, уже после войны здесь подрывались на минах и гибли экипажи военных тральщиков. Здесь проходят грозные АПЛ, мирные рыбаки, шумные туристы. Их встречают маячники и пограничники, они заботятся о безопасности и нерушимости, следят за изменениями климата и состоянием земной коры, строят станцию цифровых дефектационных поправок, без которой, оказывается, даже наша система спутниковой навигации ГЛОНАСС будет не точной, а так себе... приблизительной.

Vene vobis¹ Маячный!

¹ Пусть всё будет хорошо! (лат.)

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

В сухом лимите

Когда меня отряжали в первую командировку на Камчатку – в Москве было голодно. От цинги никто не умирал, в метрополитене и наземном Мосгортрансе массовых обмороков тоже не наблюдалось, а вот платили, мягко говоря, нерегулярно, и кому-то порой даже мерещилось, что издевательски и мало платили. Благодаря таким фокусам, случившимся, быть может, даже и вследствие природно-климатических изменений на съёжившейся 1/6 суши планеты Земля, наиболее безответственные воины, не щадящие в пределах МКАД своего живота для служения с 9.00 до 18.00, по непроверенным данным принялись безоглядно умножать свой профессионализм с 18.00 и до 9.00. Хорошо ещё, что без особо крупного ущерба для нас, остальных воинов, это делали и только в свободное от служения родине время – бдительно караулили бордели, оптовые терминалы контрафакта и мясокомбинаты. Шабашили на извозе, разгружали товары народного потребления в гастрономических лавках и на складах своих сержантов и солдат

– в прошлом глупых и нерадивых воинов, а ныне – преуспевающих негоциантов, создавая должные условия молодой демократии в борьбе с противным наследием. Словом, люди занимались реальным сектором чуть ли не экономики, а меня, чтобы не путался у них под ногами – отправили на Камчатку. Послали, конечно, не негоцианты и вышибалы, а начальники.

Угодивши на Камчатку, засёк немедля, что и здесь живётся несладко. Но если в Москве я уже соображал, почему так горько и несыто живётся, то на полуострове в этом ничего не соображал. Строить гипотезы без гарантий, что не окажутся оные инсинуациями и сплетнями-однодневками – совесть не разрешала. Злословиям, приватно выуженным у граждан на центральном рынке города, веры не было. Не было веры даже центральному перекрёстку Петропавловска-Камчатского, где стоит этот центральный рынок. В этом убедился дважды. Стоит там Т-34 на пьедестале – памятник, думаю. А оттуда рожа вечером противная высовывается и требует спички или 10 рублей. Значит, не памятник, там кто-то живёт. Или. Стоит почти рядом большой красивый и перекошенный барак с надписью: «Здесь живут крысы». Приглядываюсь к нему, а там люди из окон ко мне приглядываются, бельё висит. Значит, если крысы там и прописаны, то лишь

в некоторых квартирах, а не во всём доме, и точнее было бы так и написать.

Для начала объехал, а затем и обошёл город. Город понравился длинной улиц и близостью сияющих снегом вершин. Казалось даже, что автомашин в городе не меньше, чем в Москве, а по числу пивных бутылок и окурков в детских песочницах столицу наш город даже чуток обгонял, но ненамного. Понял ещё – если есть пустые бутылки и окурки с фильтром – значит, деньги у горожан имеются. Они живы. Позднее сообразил, что верные отключения электричества в городе и его пунктирно-лучевые подключения – это взаимонепересекаемые алогичные и непрогнозируемые процессы, о развитии которых можно узнать только безотрывно пялясь на собственную лампочку или люстру. Или по факту уже свершившемуся делать выводы, когда выключатель искры не даёт. От беспросветности такой жизни плакала только рабыня Изаура, а просто Мария – просто рыдала. Богатые тоже плакали, но реже и не все. Многие из них уехали в свой Бердичев или в Сеул, а не уехавшие – ставили на балконах дизель-электростанции и держали всех своих соседей по подъезду и дому напротив в состоянии хронической мерехлюндии.

Запомнилась ещё первая встреча с крупной лужей, почти что соединяющейся с лучшим озером нашего города. О таких местах когда-

то повествовал Гоголь: «...на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте её». Красота у Гоголя располагалась в районе невооружённого конфликта Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. А у нас не миргородская, а обычая мирная лужа лежала. Её близость можно считать интимной по отношению к озеру Култучному, стадиону «Спартак» или зданию администрации области. Последний вариант привязки координат на местности выгодно оттенял наших руководителей масштабностью их практической работы по пропаганде русской литературной классики... В луже плавали коробки от импортных яблок, а торчащие над гладью синевы автопокрышки указывали, что с берега нырять не стоит. Впрочем, берег был чуть заболочен, так что предупреждения в таком количестве представлялись мне излишними, вроде перестраховки.

Грезилось найти самые правильные сведения о городе, чтобы без субъективизма были и не обижали кто-то из почётных граждан города либо, не дай Бог, руководителей. Поэтому читал без разбору все местные газеты и да-

же забредал в главную библиотеку нашей провинции, чтобы выяснить всё это наверняка. Благо, что нехватки в дармовых газетах типа «Куплю, продам, и голосуй не голосуй» не наблюдалось, а библиотека находилась удобно-недалече и видна была даже от «трёх непьющих», как псевдопатриотически настроенные полуостровитяне ехидно именовали памятник пограничникам. Псевдопатриотически настроенные полуостровитяне так цинически говорили о стеле нашей неувядаемой славы по вине архитекторов и скульпторов, поставивших её. Их архитектурно-художественные дерзания кончилось тем, что приделали они к стройному столбу барельефы трёх зорких погранцов разных эпох и военных специальности. По бетонному замыслу зодчих над их ликами нависали лишь тульи и козырьки форменных головных уборов. А вот отсутствие у бойцов других частей тела и в особенности верхних конечностей помогало гнусным злопахателям нашего любимого города, не имеющим не только своих личных подвигов, но и былой славы, актуализировать и навязывать горожанам банальную аксиому о невозможности этими ребятами с твёрдыми взглядами сообразить на троих, подняв по стакану.

Впрочем, я постоянно отвлекаюсь от главного, хотя если засчитать это движение литературной мысли за эссе, то им, т.е. главным,

может оказаться и второстепенное. А забираться в политику монументальной пропаганды тоже не с руки, потому что хоть и есть у меня руки, но это уже градостроительная либо архитектурная политика, а армия наша, как вы знаете, вне политики. Поэтому слегка вернусь к нашей обычной жизни и сообщу, что моя фактурологическая база знаний о городе и расширившийся при осознании его особенностей понятийный аппарат вместе намекали на то, что по течению нашей болезни, связанной со всякого рода наследиями, надеяться на ремиссию не стоит. Камчатка планомерно западала в кому, а тактики дальнейшего лечения никто себе не представлял, и потому все немножко революционировали, но неагрессивно, а так просто – кто-то из-за безнадежности, другие – по привычке. Правда, на западе страны, начиная с Магадана, по заслуживающим доверия источникам дело было ещё хуже. Этим источникам лично я доверял несильно, поскольку если у них «ещё хуже», то значит, в Магадане все взяли и в одночасье померли. Как же тогда выжили сами «источники»? Либо у «источников» были некие тайные источники жизни, либо информацию о смерти «источников» засекретили, но кто? Кто сохранился последним, чтобы сообщить о трагедии?..

Надо отметить, что тут ещё и наш камчатдальский народ-оборотень задурил некстати

и после выборов обернулся в население. А печать наша по инерции дружно дружила против кого-то, что есть в её почти что вековых камчатских традициях, потому что есть тому причины. В 1930, вычитал в библиотеке, главного редактора главной газеты Камчатки измочалили как «правого уклониста», а затем вообще вычистили из ВКП(б), хотя он был явно нашим человеком и даже публично осуждал акцию дерзкого антисоветского рабочего, когда тот в портрет В.И. Ленина бросил кошку, причём – дохлую. Главному редактору другой главной газеты Камчатки в 1937 за то, что в передовой статье о «троцкистском параллельном центре» назвал этот центр не фашистским, а антифашистским, сразу же вlepили выговор, а потом ещё и расстреляли.

Хорошо, что кровожадной власти здесь уже давно наступил конец. На полуострове теперь все три газеты считали себя главными, а в чём-то даже центральными, и были непоколебимы в своих окончательных выводах по поводу своего главенствования. А наши местные телекомпании тоже были ужасно заняты. Они сардонически опровергали сообщения ЦТ о нашем камчатском кризисе в энергетике и от политики, как и я, тоже открепивались, хотя нашу губернскую мудрость защищали безоглядно. Губернатора я встречал только по телевизору, а с шеф-ре-

докторами местных СМИ в целом сблизился. Они отвечали мне встречным курсом и публично, т.е. в прямой постановке, не очень царапали, а если и ели, то насовсем не загрызали. То есть исподтишка чуть-чуть кусали, время от времени, как бы невзначай сыпали махорку в глаза и мотивировали это досадными промахами безграмотных репортёров, которых на довольствие поставили по верховной воле, а репортёры махорку на самом деле целили в отрыжку коммунизма, но промазали все. Чтение и приятельство захватывали так, что в отдельных случаях даже наносили существенный ущерб здоровью, однако добавляли региональной ясности о былой славе КПСС и делах её бывших членов. Персональной славы они не приносили, если не принимать во внимание яркую славу молвы о качестве моих экскурсий по городу для заезжих проверяльщиков. Целостное понятие «яркая слава молвы» – возможно, моё ноу-хау для лингвистов и точно – подсказка, чтобы вы вовремя смекнули, что столицу Камчатки я освоил почти что как гарнизонную кухню, где столовался, или казарму ансамбля песни и пляски, где жительствовавал. Каюсь, что до просторов полуострова всё-таки очередь познания не довёл, но не из-за врождённой личной лености, а по причине сухого лимита на ГСМ, которых, если честно сказать, вооб-

ще-то и не было, ни для авиации, ни для кораблей, ни для автомашин...

Если бы в тот отрезок эпохи кто-то вдруг решил исследовать психическое состояние автора, то что бы он заметил? Он бы сразу заключил, что изучаемая материя уже подступила к объятиям ближайшего окружения местных шаманов, колдунов, хиромантов, знатоков наговоров и кореньев от тоски, постигших таинства утренних толкований ночных кошмаров о перспективе получения квартиры или бензина, хотя бы не на продажу, а только для служебной машины.

Зуд чужой славы

В эти славные своей странностью дни в давнишних записях путешествий Карла фон Дитмара выявил задевшую за живое апофегму: «Кто на Камчатке умирает с голоду – тот самоубийца». Призадумался... Вспомнил о гарнизонной харчевне с официанткой контрактницей Женей и тарелкой кабачковой икры, спорадически претендующей на членство в шорт-листах номинантов премий модернистов, футуристов, символистов и абстракционистов Азии. А сам читаю дальше. Нашёл сведенья про первого начальника Камчатки П.Рикорда, что внедрял огородничество на полуострове. Выискал, что другой губернатор Камчатки – В.Завойко 1 октября 1851 года в

своём саду устроил сельскохозяйственную выставку, где соблаговолит оторвать от бюджета восемь премий в 5 рублей каждая. Обнаружил, что лауреатами стали селяне за хрен весом в 14 фунтов и 46 золотников, кочан капусты в 7 фунтов, репу в 7 фунтов и 20 золотников, свёклу в 90 золотников и т.д. Конечно, изумился тому, что супруга губернатора, в девичестве Врангель, будучи одним из экспонентов выставки, представила лично выращенную цветную капусту, огурцы и салат, но премии из бюджетных средств не получила, хотя членов жюри назначал её муж, и выглядит эта методика определения победителей просто дико и не по-нашему. Не по-русски это выглядит, потому что у нас так распределять даже литературные премии принято считать дурным тоном. И наши люди сейчас, конечно, скептически, если не сказать с подозрением смотрят на проделки того супружника баронессы Юлии Егоровны в девичестве Врангель. Они твёрдо знают, что сегодня, в эпоху научно-технического прогресса и всеобщей модернизации страны любой губернатор теоретически может сделать председателю шаманской конкурсной комиссии, как тёмной и невежественной силе, всё назло, в пику, наперекор, поперёк и в заключение ещё вопреки, т.к. других слов подобных больше уже не вспомнил. И таким образом сегодняшний началь-

ник во имя справедливости безжалостно отдаст любую премию: своей жене, сыну, брату, куму, другу, жене соседа, мужу соседки, свояку своего персонального водителя и т.д., и сделает это лишь для того, чтобы насолить всем тёмным силам, указать им на место и продемонстрировать своё незаинтересованное торжество. В тендере на нечто, в шести сотках под балконом или в капусте из природоохранной зоны, не суть важно...

Словом, показалось мне неуютно в этом городе эпикурейцев со своими личными электростанциями, гениев энергетики без иллюминации и невнимательных к своим индейцам шерифов. Больше всего доконала всё-таки апофегма, вы помните, какая, и чужая слава о премиях, слухи о жизни на западе страны, начиная с Магадана, и гарнизонная столовая своими ценами. Затосковал о сотках из кадастра ближнего Подмосковья, взгрустнул, что живу в ансамбле песни и пляски, а играть не научился даже на самой тощей скрипке, да и семья в столице и без своего руководителя. Почему бойцам иногда жилья не дают, вы, скорее всего, из жёлтой прессы сами знаете. А семейства не приезжают ещё и тогда, когда спутницы жизни под влиянием этой прессы, педагогических обязательств перед школой и пребывающих в абитуриентах детей о квартирах справляются незлобиво, то есть жесто-

чѐнных требований не выдвигают до тех пор, пока не угаснет учебный год и вступительные испытания в вузы.

В эти мгновенья в полуобморочно-апатичное сознание мне затесалась мыслишка о том, что дальше так жить нельзя. Затем по хандре саданул давнишний приятель по «молдавской» службе, а теперь уже чуть ли не брат по «камчатской» – Григорий. Поехали с ним, куда глаза глядят, чтобы сердце не болело. Как раз мимо трёх непьющих и проследовали, потому что другой дороги в сторону, где сердце не болит – нет. Лишь оказались на его полковничьих угодьях у посёлка Пионерского, что в партизанских местах, и в начале старого пути на Елизово, впервые в жизни ощутил мистику. Только прочёл что-то в хаотичном наборе обо всѐм этом, только подумал, и на тебе! Всѐ здесь. Всѐ! Елизово когда-то было ительменским острожком в урочище Старый Острог, и шаман там, безусловно, водился, который, несомненно, нѐс в своих обрядах некий опыт вечности, может быть, даже что-то делал для своих индейцев. Город Елизово раньше именовался посёлком Завойко, что сближает уже с аграрной славой губернатора. Абстрактного человека, как сгусток добра и зла или ангельского и демонического, здесь тоже полно: красивая природа, распаханное поля, бытовые отходы вдоль дорог. Сами же дороги тоже

удачно устроены в противопожарном отношении, например. По вензелям и размаху «колейности» – спасут от огня не только жизнерадостных камчатцев, копающихся на своих грядках, но и временно заброшенные памятники истории и культуры, бывшие когда-то пионерлагерями, скотными дворами и теплицами.

Задумался я...

– А не податься ли в латифундисты? – машинально произнёс даже слова эти.

– А возьмите-ка у меня землицы, сколько возжелаете-с, – по-помещичьи небрежно ткнул перстом Григорий во все свои шесть соток одновременно. Чуток подумал и, чтобы окончательно убедить меня в своей щедрости, шмякнул с размаху каракулем папахи по садовой мебели – отполированной дождями текстуре стола на столбе. Столб выдержал.

Сомнения улетели. В лизинге очутился участок с футбольные ворота по стандарту или 8 ярдов на 8 футов, что равно площади 17,86 квадратных метров, если вам так удобнее сообразить. Площадь приглянулась пробивающимися листьями конкурентоспособного древнего хрена, соседством облепихи и оживающими после зимы кустами клубники с краю. До мелочѐвки дело не доходило, дециметры с землеустроителями не перепроверялись, а вот меркантильность с моей стороны,

в части касающаяся древнего хрена, теперь уже думаю – присутствовала. Обрисовался славноносный проект...

Не буду переутомлять вас аграрным мелко-темьем, отвлекать на дозировку минеральных и органических удобрений, динамику их влияния на рост овощных культур и делать дармовую рекламу какому-то чумиканскому агропромфосфору или биробиджанскому промкалийэффекту. Замечу, что из победивших у губернатора В.Завойко культур я предпочёл лишь некоторые, а после размышлений присовокупил к ним ещё внеконкурсную редиску и зелень. Сознаюсь, что на страже моих оплошек, беспечности и халтурных действий (либо полных бездействий) в огородничестве зорко стояла супруга моего боевого товарища. Периодически в развитие событий вмешивалась погода. Блюсти чистоту эксперимента, как Кощей иглу, я не стремился, а сопоставлений метеорологических условий в сезоне завойковской выставки с нынешними условиями – не производил.

В несомненную заслугу свою ставлю ту личную отчаянность, неустрашимость и дерзость, с чем, не теряя рассудка – бросился в бездну массы и веса, в пучину американских и английских стандартных фунтов, в пропасть тройских и русских аптекарских фунтов, фунтов имперских, метрических и других.

Потребовалось значение бронзового золотёного фунта 1747 года, по которому в 1835 году была изготовлена платиновая основа мер веса в Российской империи, т.к. выставка у губернатора Камчатки проходила лишь шестнадцатью годами позднее. Встретились и успешно разрешились противоречия на пути к удовлетворяющей меня точности. В результате кропотливой аналитической работы от платиново-иридиевого эталона Д.И. Менделеева, где фунт 0,40951241 кг, перешёл в сетку «Положения о мерах и весах 1899 года», где фунт 0,4095124 кг, а золотник 4,26575417 г. Сознаюсь, что эти цифры, быть может, вам врезавшиеся в память со школьной скамьи, я привожу по учебникам, поскольку уже тогда объёма оперативной памяти у меня не хватало даже на то, чтобы запомнить имена начальников, намеревающихся в будущем вознести Камчатку до небес и сделать из неё Клондайк плюс Исландию.

А мои начальники и коллеги искося взирали на расчёты и таблички, которые в сутолоке жизни иногда беспечно забывались на рабочем столе. Я же от существа их и расспросов, как мне тогда казалось, ускользал и часто баловал зеленью и редиской солдат из центра боевого управления. Труднее всего было сохранить в неприкосновенности мнение о себе. Оно (т.е. мнение о себе) у меня сложилось

стабильно положительное. В мозгах моих друзей и сослуживцев бродил требуемый центром плюрализм в различных проявлениях: от восторженных рукоплесканий, переходящих в продолжительные овации – до дипломатичной иронии и едких ухмылок, как отражения хранящихся в умах – сдержанного одобрения, победившего безразличия или зашифрованной констатации моей умственной неполноценности.

Впрочем, поэта способен обидеть каждый. На свои места всё расставила верная супруга Надя. С тогда ещё маленьким школьником Димой они прилетели к самому началу учебного года, что для Камчатки пик золотой осени. По пути из аэропорта Елизово домой мы посетили опытные поля, что, как вы помните, в 8 яров на 8 футов, где я с головой окунулся в сладкий и нежный омут ранее сомнительной, а теперь уже неувядаемой славы, выдвинувшись в ряды объектов искреннего восхищения. В этот день светило яркое солнце, а выбираться из омута не хотелось.

Замечу, что в финале проекта победителем оказался кочан капусты в 10 фунтов и 16 золотников и свёкла в фунт со многими золотниками, что 1 октября 1851 года принесло бы пятирублёвые премии в двух номинациях. Прочие культуры во дворе В.Завойко оказались бы на задворках. Подвёл хрен, что пода-

вал надежды с первого прикосновения к его листьям – чуть более двух фунтов, правда, золотников и долей (0,044 грамма) там было прилично. «...От постоянного соприкосновения с действительностью замысел расцветает и наливается соками земли», – писал К.Г. Паустовский почти что обо мне. С благодарностью вспоминал супругу моего товарища, что школила меня строго и справедливо за упущения и непреднамеренные ошибки на бескрайних нивах, Григория, что дал землю и волю.

Жизнь налаживалась. Платить стали больше и чаще, на обед можно было ездить домой, а в гарнизонную столовую заглядывать по графику для снятия пробы. Батрачить у коммерсантов в Москве остались лишь слушатели военных академий.

Взлетели самолёты, а корабли вышли в дозор. А мы продолжили настойчивую работу по наведению железного порядка путём демонстрации демократической расхлябанности...

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

С точки зрения агрессивной инфекции

После чемпионской капусты прошли годы. Когда меня в очередной раз отправляли в многолетнюю командировку на полуостров – Москва возбудилась вертикалью, а Камчатка – выборами. К тому времени моё почтение к себе лично укрепилось, а подозрение, что обладаю редкими, и даже больше скажу – особо-специфическими знаниями о глубинно-мистической сути жизни людей и их возможных деяниях в будущем – сменились убеждениями. Однажды, а дело было уже после тех выборов, что тщились провести как лучше, специально восстановил и сложил в кучу разбросанные по углам памяти глыбы и пересчитал их. Не думайте, что повторяюсь – глыбы новые. Сижу и вспоминаю, как это было. Как заподозрил, что лимиты по камчатскому хеку распределят ни к селу, ни к городу – сбылось! Так и сделали. Ушёл хек или знакомым друзей из Приморья, или друзьям знакомым из Москвы. Это я образно так и вольно с топонимикой обращаюсь, чтобы вы подход поняли. Промелькнёт идея, что новое правленье

начнёт сразу же в подушках администрации пух и перья менять, набивать их поролоном, чтобы твёрже народу казаться – снова в девятку! (Это футбол, не стрельба из лука.) Департамент туризма сразу в Дом политпроса уехал, кабинетов уже не хватает, а поголовье вице-губернаторов приблизилось к числу полевых игроков «Арсенала». Об англичанах здесь вы снова не к месту поняли. У них «Arsenal», а наша команда под таким же складским брендом – русскими буквами пишется. Дальше больше. Подумаю, что новый мэр камчатской столицы в ущерб школьным учебникам и домашним заданиям в босоном детстве сильно злоупотребил Томасом Мором и Томмазо Кампанеллой – тут в Петропавловске-Камчатском такое начинается!.. В общем, касательно моего таланта, о чём даже мои родные и сегодня не в курсе – повальная эзотерика получалась.

Принялся было искать «ключ», потому что он обязательно есть у любого оракула и провидца типа меня. Ключа не нашёл, но понял – он где-то есть, он крутится в чьих-то скважинах пока ещё независимо от меня, но меня уже чует. Ключ даже трепещет сам себе, чтобы не свалил я на него все предсказания и не притупил свой талант. А я лежу и верую, что ключ хотя бы не в церемониальной магии и не в нумерологии, поскольку эти жанры

убеждённо отсылаю масонской шарлатании. Надеюсь: он по квартире в носках бродит, чтобы тихо было и мне не мешать.

Так вот, лежу я, значит, дальше на диване пока без ключа: умозакрываю и обоснованные выводы придумываю. Открыл газету – сплю или не сплю – ни одной буквы в ней, вот в чём вопрос? Нет, не сплю. В газете картинки: бери от жизни всё оптом, в розницу, с доставкой или самовывозом. Реклама, думаю. Точно реклама – есть адреса. Потом другую газету открываю, а там одни буквы. Ни одной картинки, слов пропасть, а среди них свежайшая, как корюшка, полуостровная статистика. А в области нашей, именем которой даже в гимназических классах Москвы и сегодня невероятных школьников пугают сильно и ссылают туда на зады, сложилось так, что люди непростые. Статистику потом ещё и по телевизору покажут, и студентов нагнут конспектировать конкретно, а люди... Одни считают, что статистика наша маловероятная, другие, что она сомнительно околоравдивая, а третьи – просто чихать на неё хотели, но ни первые, ни вторые, ни третьи друг на друга зла не держат. Я больше приставал к третьим, но те циффы (повторяю, что они не из нумерологии) сознание замутили и в душу залезли вместе с ботинками. С удивлением душа приняла весть, что в Камчатской области выручка от

реализации рекламных услуг за год возросла в 23,5 раза! Нырнул в тапочки и метнулся во все окна зырить, потом мысленно фланировать по городу, потом перечитывать то, что буквально ещё минуту назад смотрел так, чтобы заснуть скорее и не думать о региональных кошмарах от мелкотравчатых, но вредоносных телевизионщиков, которые распоясались и даже на власть нашу зло твякать начали. Вдругорядь закружил по городу Петра и Павла, вычитывая уже слова и буквы и заглядывая уже даже в мир экранных чудес более внимательными глазами. Страшно захотелось пойти и клюнуть на нашу рекламу, получить что-то этакое на высоте «именин сердца», как говаривал наш славный г-н Манилов. С ним хоть лично и не знаком, но насчёт «именин» хорошо знаю со слов Гоголя Н.В., которому доверяю, точно себе.

Раньше, думаю, подводила нас реклама, и это плохо. Рекламировали, например, юбилей рыбохозяйственного института, КамчатНИРО во всю силу, а результат неважный. Начальник Росрыболовства сказал, что тот юбилей, что вы тут отпраздновали вроде бы и широко и ярко, на самом деле узко и блёкло считается, потому, что его там тогда не участвовало. Устроили и для него юбилей – размашистей и красочнее. Зал набили повторно теми же тружениками института и их дорогими

гостями, потребовали, чтобы во всех глазах радость была привнесена с собою, а президиум так ещё и через цензуру более внимательно, как при Бенкендорфе, прокатили. Со вторым юбилеем института и московским гостем наш рынок рекламы едва не захлебнулся от счастья. Осадок, правда, есть. Куда ж его, его же в подворотню не выльешь. Там же люди, а они так и говорят из подворотни: «Билеты надо было Росрыболовству не на «авось», а вовремя покупать. Тогда бы юбилей с первого раза глубокое удовлетворение дал».

С этим Росрыболовством у нас иногда непонятки вертятся. Приедет оно, бывало, метеоритом неопознанным пронесётся по всем телевизорам и радиоприёмникам и давай про рыбу рассказывать. Жуть и ужас. У рыбы, оказывается, все враги вокруг, и только один друг – оно.

– Где этот ваш генерал, что на страже рыбы стоять должен?! – кричит Росрыболовство мне прямо с телевизора. – Чем он у вас тут занимается!?

А я ему, как телемост или кавалерист из окопа, с другой станции и по другой частоте, краснея, лепечу в оправдание, тоже громко:

– В какой такой роли вы в нашем театре играете, имярек? Что за неопознанные лица с вами, г-н имярек? Сказали сами, что в отпуске, а весь бомонд закуролесили, мокрый он у нас

и не просыхает частично, бумаг ему читать некогда, а ГИБДД вообще спит стоя, вам БДД обеспечивая. Если в отпуске – езжайте к нам на Паратунку и лечитесь в санатории или укрепляйтесь в доме отдыха, а если в командировке – так покажите бумагу об этом, хотя бы по телевизору.

Людям такие передачи очень нравятся, они довольны и рассказывают друг другу об этом. Даже мне прямо в автобусе обо мне рассказали. А в Москве вообще сказали, что демократизация однозначно с нашего боку лезет. Пришлите, говорят, плёнки нам про это, мы тоже комедии любим, а то Гайдай уже умер и теперь комедии делать не умеют, театр Сатиры на Маяковке уже приелся, а дети выросли – без них идти в цирк как-то неудобно.

Вспомнил тут ещё Бенкендорфа Александра Христофоровича и потому, что в наших СМИ идею сотворения полпредств в России с генералами во главе и со штаб-офицерами в каждой губернии свалили именно на этого шефа корпуса жандармов и руководителя III Отделения Канцелярии Его Императорского Величества или, проще говоря, на начальника тайной полиции. Наши журналисты историей спецслужб после банкетов тоже злоупотребляют, как я статистикой. Нашедши меня в списках Реестра олигархов в штатском, который висит в инете, восхваляли, а потом раз-

вернулись в другую сторону. Пуликовского обозвали генерал-губернатором танковых войск, меня штаб-офицером, а вместе – «кровными жандармскими наследниками и инфекцией агрессивной, невежественной и наглой, что ползёт с самого верха – с администрации президента». Хотел даже историков и драматургов завербовать, чтобы проползли ползучей инфекцией от Москвы до Петропавловска. Даже от Владивостока в тысячах км будет, если ползти коротко, через Магадан, Омсукчан, Тымлат и до столицы нашей. Дедовщину хотел сделать только тем, кто фамилии за газетными кликухами спрятали и другими именами прикинулись. Полпред запретил. Говорит, что обижаться пока что не будем, потому что некоторые инфекции врачи специально придумывают, чтобы больных лечить, а у нас точно не все здоровы. И болезни такие: зелёнкой не помажешь, клизмой не прощупаешь. А потом Бенкендорф даже с Пушкиным контактил, а у нас писателей нет, а газетам и так кроме опровержений собственных сообщений печатать нечего – живут на рекламе.

Так вот. Лежу дальше на диване, читаю и одновременно думаю. Дай, думаю, статистику выручки от рекламных услуг подниму в нашей области ещё выше за счёт своего же личного рубля. Пусть, думаю, потом от всех на-

ших успехов весь Хабаровский край завистью изойдёт, а губернаторы Приморья или мэры Владивостока попросят к нам на ПМЖ. Как некоторые наши граждане то у Англии вид на жительство выбивают, то в Штатах временную регистрацию выпрашивают. Пусть едут! В принципе, пусть бы к нам и все рванули, т.е. и бывший Е.Наздратенко, что в КамчатНИРО уже с Москвы приезжал, и теперешний Дарькин, Черепков, Копылов и кто там ещё у них будет. Но в Приморье они между собой всегда собачатся, потому – давай пока что будет у нас один из них. Тем паче что с квартирами в городе напряжёнка, а ветхое жильё даже не приватизируют, чтобы потом с носом не остаться, а по строительству неветхого жилья даже в статистике дело труба. А потом, думаю, власть у нас молодая, «23,5 раза» роста – это уже практически импульсы её будущего триумфа. В газетах все слова к тому ведутся, что теперь у нас уже всё хорошо. А в экране у нашего местного гаранта тон по нашему адресу бодрячком вибрирует и по-хорошему добрый, во взглядах на устранение недостатков решительно-нахрапистый настрой чувствуется, насчёт пороков былых воевод и жандармов – по-деловому штурмующий, а в оценках персоналий, мешающих нам жить ещё лучше – атакующий тон, поскольку штурмующим здесь он уже назван. Если кто-

то за риторикой новой даже и высматривает время от времени тусклые проблески популизма, так и не заметно этого, думаю, потому что это их субъективное мнение. А наше общее мнение уже объективное, что лучше. В общем, даже как-то неприлично слушать и в то же время верить каким-то СНИПам и нормативам про еженедельную влажную уборку в подъездах жилых домов, про лампочки или ободранные стены там же. Не власть же для наших стен эту эротику придумывала и подписи к ней утверждала? Потерпим, дожди и без нас эротику смоят.

В общем, пошёл я мысленно и дальше по нашему рынку рекламных услуг. Сначала отчленил от него всех круглосуточных и вседневных «Вероник», «Алён» и «Багир», которые из газетных страниц всё время улыбаются, стреляют бездонными и блуждающими глазами с флэшку величиной или, наоборот, жмурятся от восторга и удовольствия, что в газеты попали. У жмурящихся от восторга, удовольствия и того, что в газеты попали, сотрудниц офисов глаза маленькие, как семечки или щёлочки, и раскосые такие, смешливые, но, как и те флэшки, тоже телефоны свои рекламируют. Номера у них такие удобные, запоминающиеся, как у аварийных служб. Эти уж точно сил не жалеют, усердствуют, думают, и стараются, чтобы всё поднять на нуж-

ный уровень и целиком удовлетворить этот наш рынок. Потом решил ещё что-нибудь из числа рекламируемого отчленить. Отказался участвовать в обмене замороженной горбуши на закопчённые «Судзуки», отказался от приманок банков и их филиалов, страховых компаний и их отделений. Поскольку замахнулся на «именины сердца», то напоследок отмахнулся ещё от оптовых баз, ресторанов и туристических агентств, где папа гендир и водитель, мама – главбух, а менеджером проектов «Сучжоу» и «Босо Мура» их троечница, числящаяся в педде.

Больше всего приглянулась реклама Дня города на площади, где предполагалось нечто феерическое. Хорошая реклама: «Виват, город!», приходите, дескать, к Ленину. А что, думаю, увлекают нормально. Чего бы и не клюнуть? Театр наш после отпуска никак не соберётся в театре, залётные артисты тарифов испугались, будто бы мы сами на этих авиабилетах спекулируем, да и на экранах синемашек пурга. Раньше заблуждался, уверовав, что из всех искусств кино самое лучшее. Здесь узнал, что за пятилетку у киноманов только из числа компактно проживающих ительменов и коряков Камчатки больше двух десятков кинотеатров тью-тью. И не сгорели они, да и не уплыли в ту же Японию под видом металлолома или крабов. Недурственно с ними всё получи-

лось, здания стоят. Может, наши олигархи, думаю, там сейчас доширак для того же народа держат или ту же брынцаловку для Дня города, а то и салон какой модный для пенсионеров, например, открыли. Да и кинотеатр «Парус» теперь у нас один, удобно – он и Центральный, и Главный, где Костина Галина директорствует давно и отбила его себе, видимо, только в личных целях, чтобы безработной не оказаться. В общем, праздник в сентябре на площади Ленина хорошо, пойдю. К тому же ещё и придумано хитроумно, потому что отмечать будут сейчас, а потом ещё и 17 октября на этой же площади, если погода не подведёт. Уже рекламу такую сделали. Понравится в сентябре, думаю, снова приду – в октябре.

Виват, любимый город!

Понравилось сразу. Празднично. Нарядно. Шумно. Сытно. Сухо. Комфортно. Вовлекательно. Познавательно. Состязательно. Безопасно. Рекламы нет. Рекламная пауза. Уже всё сказано. Уже всё услышано. Уже все пришли. Оргазматическая музыка для молодёжи, морякам и патриотам об океанах и возвращении домой – песня, коммунистам «Катюша», баян и памятник, демократам... Впрочем, это даже не важно, что демократам, потому как даже либеральным демократам есть про Аме-

рику и про то, чтоб она не вздумала валять дурака. Семья дружна и монолитна. Кормильцы навезли и приготовили столько, будто бы к нам вот-вот весь АСЕАН придёт. Всеобщая преданность местному производителю в части, касающейся поддержки флагманов нашего пищевого, и в особенности ОАО «Камчат-Алко». В объёмах дегустации продукции – преданность, в длине очередей к палаткам этого ОАО – преданность. Цены за продукцию, возможно, подпрыгнули. Зато все они, включая написанные, даже у ПБОЮЛ и в артелях без буквы «Б» – в предвкушаемом ожиданиями гуляющей клиентуры диапазоне. Бюзотёров по поводу цен нет, и это главное!

Лица приятные. Загорелые – у моряков и рыбаков, не загорелые – у ИТРовцев, круглые – у купцов и лавочников, бесстрашные – у военных, неустрашимые – у милиционеров, зоркие и бдительные – у пенсионеров. Аборигены толерантные, разодетые и свою музыку крутят, радостно танцуют и что-то себе варят прямо у главного памятника СССР. Место по ровности, точно ВДНХ от метро и до забора, не считая монорельса. Удивительно самому себе: зачем на выборах так изгалялись над бывшим мэром городским? Можно было и без площади его рейтинг закопать, а то помню, как, наоборот, кричали, когда трудно было, что мэр собственной лопатой в эту

площадь народные миллионы закапывал. Теперь легко и ни одной ямы. А не продул бы он выборы теперешнему губернатору, думаю, может быть, что-то карельским, уральским, а то настоящим «Greta-Valencia» итальянским мрамором взял бы и ещё выложил бы для нас. Если эти миллионы и правда лежат где-то под мрамором/гранитом? Да кому они нужны, если народу нравится всё: галька в сандалии не лезет, ноги не спотыкаются, язык не запинается, шпильки под пяточками разве что зубами изуродуешь, так ведь сколько же выпить-то надо, чтоб добиться этого? У наших недобрых земляков и правда языки словно мылом намазаны, так и скользят, так и скользят: когда закопал, где, в каких купюрах, кто при этом присутствовал, и когда выкапывать будут. А мангалы дымятся, а аборигены медитируют с бубнами и так, без бубнов, чтобы ещё лучше сохранить доминанту своего современного обновления.

Люди в семьях, что букеты. Тут тебе и розы, и ромашки, и незабудки, и лютики, и аспидстры, и брунии. Светлые, яркие, светские, сельские, нежные, душистые, тонкие, длинные и очень редкие. Обольстительные феи, обворожительные принцессы, утончённые модницы, таинственные незнакомки, шумные ухари, тихие мачо, гордые и давно уже нет. Неприкаянных одиночников, явившихся

с целью мести за что-то своим георгинам или гиацинтам – единицы. Крали – глаз не оторвать. Даже повторяюсь. Капризанток мало, но встречаются. Ухом ловишь: «Этого не буду, Артемий, оно калорийно». Артемий бормочет тоже с нежностью, что по гамбургскому счёту ему уже и так обнимать нечего. Глазами проведёшь: Артемий заново знай себе пастилу ей в губки тычет и тычет, а она ему в ответ – ест и ест, будто бы про калории и не она пиццала. Благовония французские над площадью просто флаконами без закруток летают: тут тебе и Марина de Bourbon, и Коко в шинели, и Лолита Lempicka, и Опиум. Но наркомапов не видно. Нет ни ксенофобии, ни международной розни – хоть трижды обойди площадь – этого нет. Здесь тебе и самовары, и пирожки с капустой, и хот-доги пушистые, и биг-маги толстые и неподъёмные, как янки, чебуреки жаркие и полная пахлава, а Коминтерн на каждом прилавке.

На площади и медики, и пожарники, и автобусы на загляденье – бесплатные. Из скопища экстремизма и терроризма только петарды в бутылках иногда взрываются, но негромко. За подрывниками забавно гоняются милиционеры в белых рубашках – пухленькие такие, как Карлсоны, хоть и без пропеллеров. Блаженно лыбятся бомжи и понарошку дуются на школьных балбесов за подрыв доходной

части бюджета по строке «выручка от реализации стеклотары». А вообще милиции здесь делать нечего. Если где-то сыр-бор чуть появится, то сразу же сыр родственники съедят, бор друзья, точно Ирина Аллегрова тучи – разведут руками, и тишина. Раз пять был на именинах города. За это время лишь раз видел, как босяк, видимо, приезжий, наворовал полные карманы развесного мармелада с лотка. Проглотить не успел, а тут ему: «Хальт! Хенде хох! Нас не парит, пацан, будешь ты что-то лепетать или нет, однозначно посадим». Но это давно было.

Депутатов будто бы только что из строевого смотра предсовнардепа выпустил по одному, а прежде галстук отобрал у каждого, чтоб праздник не калечили. Ходят они так, гуляют, а потом – р-р-а-з, и все вместе оказываются, что даже сессию напоминает выездную или царство буйствующих планов. Судейские тоже без бабочек, потому как эти власти всегда с депутатами друг на друга смотрят, присматриваются и приглядываются. Привычка такая. Судейские улыбаются меньше, а в сторону контактной базы всё время прицеливаются: этот достоин дискуссии, а с этим ещё повременить следует. Начальники понравились все без изъятий. Взгляды у них такие приятные, философские, глаза думающие, головы у всех, если это не женщина, сединой доминируют.

Одежда тоже простая, как у людей, но остальное не упрячешь – стать импозантная, славная, сразу опыт угадывается, манеры аристократические даже на рукавах и в жестах, о красоте речи и подбора слов лучше промолчу. Перемещения по площади плавные, не в обиду будет начальникам сказано, на первый взгляд даже чуть ленивые перемещения, как у недавно отобедавших пантер. С места трогаются тоже по-людски: безо всяких там спецсигналов и крякалок. Время от времени то оптом, то в розницу занимают места в очередях вроде как бы за халвой или пряниками, чтобы разведать общенародные чаяния. А люд данную хитрость усекает, об неистовых чаяниях помалкивает, потому что праздник, и тащит бесцеремонно: то своих начальников, а то и всенародно избранных к своим самобранкам либо норовит их без очереди поставить, чтобы потом, значит, компромат.ru на них всегда имелся.

Лишь отвесил подобающие обстоятельствам поклоны губернатору нашему, за теплоту отношений с которым меня уже чуть ли не в полпредстве обругали, как тут же мы оба-два очутились в кругу простых людей труда с чёрт знает откуда взявшимися стаканами в руках, предположительно с водкой. А тут ещё с десяток руководителей федерального подчинения из терорганов подкатываются. И ку-

да у них подевалась эта зачерствевшая откровенность в маниакальной демонстрации величия? Все такие доступные, хотя ещё и 11 часов нет – румяные такие, будто бы только что в парилках разморились и на площадь повывлазили, исключительно нас поздравить, да и город заодно. Без своих балованных секретарш, без загруженных амбициями вагонов, радостные, что День города, обнимаются с нами и с народом, улыбаются всем и нам, а мы им и подавно, потому что теперь у всех стаканы есть, хоть и пластмассовые, но всё равно руки к штиблетам тянут. Тут же мелькают городские руководители. Кто-то делает вид, что радостен и равнодушен даже к водке, кто-то – равнодушен, но всё равно радостен. Кто-то никакого вида не делает, он делает свою работу. Городские – самые гибкие и маневренные люди площади: пробежали через мосточек, хлебнули из рюмки глоточек и понесли дальше проверять-поздравлять. Это их праздник, городом управляют даже в сию минуту, даже сегодня не могут остановиться, чтобы дело сдвинулось и без них наконец-то в городе хоть что-то наладилось.

Встречаются мелкие по весу люди, занимающиеся за пределами площади и в другие дни явно пустячными вопросами. Есть крупные люди, занимающиеся подобающими их массе вопросами. Люди только хлебнувшие мел-

кими глотками чаю разово и люди, нахлебавшиеся, может, того же чаю, но уже по-крупному. С ними тоже ни скуки, ни зевоты. Здесь люди, вписанные в анналы истории Камчатки. Тут же – вписанные в анналы истории кораблекрушений или коллапсов отдельных наших отраслей. Идёшь себе дальше, бац! Узнаваемые, но двое. Один – бывший действующий, но уже соскользнувший из директорского кресла директор. Другой – нынешний, действующий, настоящий и уже год как чего-то бездействующий в этом же кресле директор. Нынешний уже год как бездействующий действующий директор выясняет у бывшего действующего, а сейчас уже соскользнувшего из директорского кресла, как ему жить и дальше, чтобы из опыта было хорошо? Затем соревнуются, кто первый угостит второго. Затем победивший берёт всё, а проигравший хитёр, как лис, он вторым быть не хочет и берёт ещё раз то же самое «всё», но уже не на разлив, а целостно.

Визуально спесивых нарциссов нет. Фанаберией не пахнет. Пахнет морем. На границе площади и прибойя лежит галька. Здесь она в сандалиии уже лезет. Здесь уже шпильки под пяточками царапаются и волной, и насухую без посторонней помощи. В ряде случаев галька рвёт даже колготки – если дамочка шпильками сильно дорожит и решает потро-

гать море. Таких дамочек мало. Студенты не отвлекаются даже на чужие колготки. У них гитара, колбаса и всё с собой. Они в шутку сходят с ума, но неопасно. То совсем разденут кого-то из своих же колготочниц для прикола, то, наоборот, оденут так, что потом все вместе угадывают имя и пол. Смеются... На гальке народ млеет. Одни разоблачились под солнышком и разомлели, другие разомлели, так и не разоблачившись. Детишки тоже здесь, радуются, хорошенькие такие, причёсанные все. Из булки детишки изюм выковыривают, заботливо так, как дорожно-эксплуатационный участок при подготовке города к зиме, когда самое денежное колупает. А булку детишки – чайкам, чайкам, чайкам... Скопидомы тут же: они чайкам сухари из дому принесли. Они не зловредные, а бережливые. А чайки, как ЖЭК или управляющая компания, когда не хотят стояки менять и окна в подъездах стеклить – ждут, пока сухарь размокнет, а уже потом забирают, семью как-то кормить надо.

У нас завсегда нешуточное отношение к дыханию праздников, и люди для гулянок нужны. В такие дни милиция их даже считает по числу голов на квадратный метр площади. У неё даже табличка такая есть, чтобы калькулятор с собой не таскать. Близость к людям – дело необходимое. Праздники поднимают нашу камчатскую элиту до уровня народа,

приближают к молодым побегам нашего гражданского общества, восстанавливают бородинские редуты на пути агрессивной и живо плодящейся инфекции. Так что в случае чего приезжайте, но лучше черканите об этом заблаговременно, чтобы мы к вашему приезду всё сделали. Гульнём вместе, идей у нас море. Это я вас зазываю так для выручки от реализации услуг наших.

Проснулся на том же диване. А рынок рекламных услуг и сегодня любитесь больше всех остальных базаров.

КОГДА СЛУЖИЛ АБОРИТЕНОМ

Корейский таджик Сашка

С удивительной лёгкостью Сашка рифмовал слова и тут же сочинял мотивчики для настроенческих и лирическо-ностальгических песенок о любви, измене, преданности и дружбе. Так он фокусировал на себе души компаний, к чему его душа, казалось, никогда нарочно не устремлялась. Душа напоминала о себе лишь голосом осторожно пощипываемых струн примятой подружки гитары, постоянно проживающей в багажнике его агрессивно-заносчивого джипа угрожающего колера. Они были поразительно разными: Сашкина поэтическая душа, стремящаяся к философии тайных смыслов, гитара – комплексующая от своей непрезентабельной наружности, и джип, что и на колхозном дворе требовал место в президиуме. Сашка уживался со всеми. Душе давал волю. Самолюбие джипа тешил тем, что всегда брал его с собой, а полированное высокомерие терпел. Гитару поддерживал. Набитыми в тренировочном зале пальцами бегло и легко распоряжался теми аккордами, которые, по его собственному высказыва-

нию, были когда-то слямзаны ими с платформы пропахшего паровозными топками и шпалами пристанционного детства. К зависти джипа, на пик популярности у людей он выходил с гитарой, хотя под караоке или оркестр Сашку можно было спутать и с Агутиным.

У Сашки восточное лицо и стать чемпиона. Говорили, что он кореец, и верить тому можно хотя бы по его пристрастию к травам, приправам и соусам этого народа. О своих корейских корнях мне не рассказывал, а я и не спрашивал. С его слов знаю – когда-то Сашка жил в Таджикистане. Помню, как познакомились в кабинете Натальи Тишкиной в комитете по здравоохранению Совета народных депутатов Камчатской области. Помню повод: обратился ко мне за помощью в оформлении заявки и обоснования темы кандидатской диссертации. Днём обсудили текст, а вечером он притащил свои вариации, причём моих идей и дополнений там уже не было, поэтому уже с порога Сашка принялся яростно извиняться. Затем он бросился защищать свою точку зрения, хотя я и не нападаю. Сашка не любил ждать и догонять. Его всегда неудержимо манило неизвестное. Он удивлял редкостным даром вовлекать знакомых и незнакомых ему людей, собеседников, попутчиков или сотрапезников в интересующие именно его темы и проекты. Говорят, что обычные люди за пивом

ходят специально, а хлебный квас пьют только тогда, когда на пути попадётся бочка. У Сашки всё наоборот. Он мог ехать на край света лишь только для того, чтобы доказать себе нечто даже пустячное, однако именно такое, что слышал где-то, но не знал. А ещё Сашка излишне толерантно относился к людям и по причине этой нередко и напрасно страдал, ибо даже на Камчатке вместо людей периодически встречаются и людишки.

Копоть

С первых дней пребывания в камчатском обществе ко мне не раз прилетали отголоски метафизических рассуждений и правд того толка, что Сашка – Александр Романович Чонь, не ладит с законом, что аура его бизнеса в тени от силуэтов широко известных на полуострове братков с импортными южными фамилиями. Интересно, что такие версии никогда не вызывали аллергической реакции ни у прокуратуры, ни у милиции, ни у полиции, тем более что у налоговой – нос которой к этому приспособлен и остёр. Все эти разговоры настораживали, хотя неодушевлённая и аморфная трескотня сбоку не вязалась с видным местом Чоня в авангардной пулке наиболее ярких, умных и энергичных депутатов Совета народных депутатов Камчатской области. Он обитал в Елизово, бизнес у него имел-

ся там же, и был он связан с обслуживанием горнолыжной трассы на излюбленной горожанами горе Морозной. Мне там приходилось бывать ещё тогда, когда о существовании Чоня не знал. В основном с гостями нашего полуострова, которым непогода не позволяла «проверить порядок» в Долине гейзеров или на другой точке с загадочным камчатским миром и уникальным столом. В Елизово у депутата Чоня были и другие заботы, связанные с автостоянками и полуподвальными тренажёрными залами, где днями бесплатно тусовалась детвора, а вечерами молодёжь либо тузы с непроницаемыми качками на вахте. Вот, пожалуй, и всё, что я успел узнать.

Разговоры вокруг Сашки казались мне из той же оперы про лейтенанта, которому десятилетиями не давали старлея, так как появлялся доброхот, вставляющий словечко о наличии в его биографии тёмной истории, связанной с театром и с шубой. Перед дембелем лейтенанта выяснилась вся история: двадцать лет назад у его жены в театре украли кроличью шубу. Добавлю ещё, что со временем у меня появилось своё мнение о реальной цене других наших депутатов: хороших и разных. Понимание пришло уже тогда, когда окунулся в полуостровную психологию и ментальность, где не последним условием отношений считалось существование человека как разновид-

ности материи, чтобы можно было эту мануфактуру окрасить в те цвета, которые предпочитают штатные социально безответственные и опасные, скажем так, баснеплёты, хотя для обозначения их знаю слова и лучше.

Над Камчаткой не всегда небо синее, буйная зелень коротким летом, осенний багрянец в зависимости от ветра может быть и месяц, и даже один день, а копоты всегда полно: на сопках, на вулканах, на снегу, на трубах домов и пароходов. Даже на языках чиновников, не падающих от непомерной ответственности и недоедания в обмороки, даже на обуви многочисленных аборигенов, куда кожи, как говорят, кое-где в сёлах и сегодня красят по прадедовским рецептам – в бульоне, где вода из-под точила и печная сажа. Здесь всё или не так просто, или не всё так просто здесь. Наши волки настолько инфицированы провалом социалистической коллективизации, что даже в тысячном стаде задерут в отместку непременно колхозного оленя, а личных оленей директоров, зоотехников и пастухов не тронут. На нашем рынке даже копчёная рыба выловлена «только сегодня». Даже если путина ещё не началась, даже если тётка в белом по метрике халате на протирку, массаж и макияж балыков, бочков или спинок скупит оптом подсолнечное масло монументально нависающей над соседним прилавком поделницы. Наши аборигены

и сегодня хранят секреты изготовления знаменитых пареньских охотничьих ножей. Но в любой сувенирной лавке Петропавловска-Камчатского вы заметите ножи только «пареньские», пусть даже с дагестанским клеймом или следами напильника от слесаря Пети из подвала сантехников ближайшей ЖЭК. У нас то же, что и у гоголевского Ноздрёва с турецким кинжалом, где клеймо «Мастер Савелий Сибиряков». Заметить кстати о славном селе Парень. У нас однажды даже забыли тамошние шесть десятков душ, у которых ни телевизора, ни медсестры, ни школы нет, и полгода они питались рыбой и дикоросами. По такому поводу человек, уволенный с должности главы администрации славного села Парень, взял да и застрелил другого человека – главу районного совета ввиду «невыносимой жизни односельчан». Так что на Камчатке всякое бывает, но не часто. Так что к закуливному шёпоту изряднопочтенной публики и румяных трепачей, что обыкновенно вертятся вокруг приёмных и предбанников в камчатском Белом доме на площади Ленина, в отношении Сашки я никогда не прислушивался и об этом не пожалел.

Про авоську

Сашка ещё и романтик. Пришла к нему однажды идея, и загорелся он испытаниями пра-

вил диких аборигенных. Начал втягивать меня в это и втянул, потому что это показалось интересным. Поначалу прочли по теме то, что нашли, запомнили, что услышали, а затем и назначили дату. За чистотой эксперимента не гнались и вместо оленей или собак оседлали Сашкин непарадный, слегка подкрашенный и чуть подбитый японский микрик. Махнули на пожизненно дымящийся и по понятиям нашим «домашний» Авачинский вулкан, что при погоде всегда кажется рядом с нами стоящим, хотя расстояние до него в десятках км и без дорог всяческих.

На мосту при выезде из города Елизово купили у легальных рыбаков рыбину, которые те нелегально сбывали в большом количестве, чтобы «не закрывать» себе лицензию спортивного лова. Рыбаки достойно рекламировали свою рыбу, утверждая, что сегодня мы такой рыбы больше ни у кого не купим, потому что на другом мосту, где у нас тоже рыба ловится, полный алес капут от инспекторов, которые после вчерашнего сегодня состоят в жутком гневе. Причина гнева не уточнялась, а результат нашей «рыбалки» только окрылил, поскольку рыба традиционная пища аборигенов, а мы себя таковыми уже почувствовали.

Пронеслись по дорожкам между садовыми участками с прямоугольными поворотами, где подцепили двух старух. Когда-то на Кам-

чатке всяких замужних женщин, будь им хоть 16 от роду, старухами звали. Такие и попались, бредущие по обочине от автобусной остановки. В знак благодарности показали они нам место недавней встречи дачницы с медведем. Тогда эта история была на слуху у всего просвещённого народа.

На эти пепельно-вулканические и садово-огороднические земли медведь заглядывается обычно тогда, когда можно найти дармовую сельскохозяйственную продукцию частного сектора. А в том случае городская невооружённая бабуля решительно вышагивала к своим шести соткам с авоськой, издающей ароматы колбасы, селедки, хлеба и прочей питательной материи. Первый раз ей показалось, что авоська зацепилась за куст. Она одёрнула её и пошлёпала дальше. Затем второй зацеп. А на третий раз оглянулась и оторопела, заметив медведя, который плёлся за ней и в очередной раз норовил когтистой лапой выдернуть из её рук поклажу. Благо, что это была пенсионерка, для которой обратного пути не существовало. Как писали и вещали наши СМИ, за два дня до получения очередной пенсии в качестве антиинфляционной меры она всё до копейки потратила на еду и собиралась выходные провести вдаль от городской суеты. Удручённая несправедливостью бабка мгновенно лишилась страха. Её захлестнула яростная обида на ми-

нистра Зурабова, на недостойное пенсионное обеспечение в стране в целом и притеснения ветеранов труда в части, касающейся Камчатки. С антиправительственными воплями она бросилась на врага, отхлестала налётчика по морде лица авоськой, а потом и рукоприкладства немножко добавила. Медведь позорно бежал, переломав на пути отступления всю берёзовую поросль и кусты. Ему сильно повезло, потому что по древним ительменским традициям за первый случай вора всего лишь избивали и выгоняли из села, а за повторный – вору уже обвязали бы руки (лапы) берестой и обожгли бы их. А у коряков считается, что медведь слышит и знает всё, что о нём говорят люди в окрестностях. Тогда говорили и писали об этом медведе с издёвкой, но так и не выяснили, где он прописан и рецидивист ли. На участки он больше не приходил, а бересты там полно.

Камчатского медведя в пригороде раньше я встречал у речки близ заставы «Налычево», на налычевском полигоне, по дороге в Бичевинку и на Мутновку. Подглядывал, как косолапый ловил лапами рыбу и тут же съедал, или выбрасывал её на берег. Как заключал в объятия ветви черёмухи или боярышника и налегал на витаминны. Такие зрелища из кабины автомашины или трактора, да ещё в кругу вооружённых товарищей впечатляют. А если рядом нет

даже телеграфного столба, куда в случае чего по-обезьяньи взметнуться можно, воспоминания остаются уже другого характера и свойства. В общем, зауважал я бабульку и с ней бы в разведку пошёл.

От греха подальше

Мы продолжили путь через чёрные дюны, местами перемешанные с камнями и валунами, утыканные причудливыми корягами и стоящими голыми корнями на земле деревьями. Это русло Сухой речки, вытекающей из-под вулканов и наполняющееся водой во время таяния снегов и ледников. Русло – именно то направление, которого следовало держаться для достижения цели. Улыбалось солнце, природа ликовала и располагала к этому всех своих домочадцев, постояльцев и квартиросъёмщиков.

Забегая наперёд, сообщу, что на этом каменистом песчано-пепельном этапе мы раскололи поддон картера, но не сильно горевали, так как случилось это уже на обратном пути. А отбегая от маслянистой лужи назад, оповещу, что при наличии оружия мы могли бы настрелять куропаток или сурков. Но и при наличии оружия мы никогда бы не стреляли в усатых зубастиков, которые так забавно делили наше печенье. Мы не стреляли бы ни в одну из двух встретившихся куропаток, потому что их ни-

когда не трогали аборигены, считая, что через красные глаза птиц человеку перейдёт болезнь, и станет он слепым. Мы ощущали себя аборигенами, хотели оставаться пожизненно зоркими и по ходу беседы тщательно подбирали из ительменских, коряжских или эскимосских обычаев лишь такие, которые предельно соответствовали нашему коллективному разуму и настроению. Тему оружия обсуждали в увязке с женским вопросом. Приметы показывают, что переступившая через ружьё женщина сбивает прицел и приводит к его осечке. Поэтому любому промахнувшемуся в цель аборигену яснее ясного, что над его ружьём пронеслась жена или дочь. Всеми селу понятно, что если муж на охоте, а «жена плохо себя ведёт», то удачи не видать, а если раненый зверь не умирает, то жена забеременела. Сейчас эти приметы мало кто помнит, но вредности женщин мы всё же обсудили. К теме об экипировке добавлю, что в рейд не попали спиртосодержащие жидкости, а производство вина из сладкой травы или пьяного напитка из жимолости, морошки, голубики и брусники не планировалось. Эти рецепты завезли к нам сибирские казаки триста лет назад, которые в нашем понимании оставались колонизаторами, как и отряды – ООПГ колониальных сил. В пойме долины р. Сухой обнаружили незагрубевшую черемшу. Жажда к ту-

земной жизни не толкала на создание её стратегических запасов в виде сушёной, солёной, квашеной или маринованной, как это принято у ительменов и коряков. На сборе черемши лишь отметились, преследуя благородные цели укрепления российского общества путём профилактики цинги и пополнения микроэлементами расшатанных госслужбой и бизнесом организмов.

Машина без натуги доставила нас до подножья вулкана, где скоро убедились, что Куршавелю не помогла бы даже крупная война с продолжительной оккупацией и непомерной контрибуцией, чтобы докатиться до уровня отечественных сумрачных и кривых барачков, что представлялось то ли нижним лагерем, то ли верхним приютом. Эффективная попытка подняться по плато выше добавила близости к вершине ещё на несколько километров, но дальше микроавтобус повёл себя излишне натужно, и засунутые в него японцами механизмы прохрипели о конце работы. Мы не держали зла на АОЗТ «Субару», её поршни, цилиндры и подушки безопасности, тем более ещё и потому, что подушек не было. Пешая прогулка по натопанному к вершине пути позволяла восторгаться красотой.

В диалоге чередовались вселенские вопросы с особенностями национальных административных барьеров на извилистой тропе

формирования камчатского рынка товаров и услуг. Сашка увлечённо рисовал весёлые картинки, как на размытых пятнах пустырей и свалок ксерокопии генплана Елизово городские архитекторы намалевывали предполагаемые чудные небоскрёбы и подземные супермаркеты, чтобы потянуть бакшиш за решение вопроса об автостоянке в 0,5 га. Как наши оборотни без погон попытались было развести его на якобы незаконно спиленных деревьях, но промахнулись с межеванием и напоролись на территорию реальных базарских пацанов, матёрых фанатов стрелок, тёрок и восточных единоборств. Как проходили бои без правил за подвалы и лестницы с наглыми сантехниками и вечно пьяными крысами. Или наоборот. Излишняя самонадеянность не толкнула меня к тому, чтобы записать хотя бы самые анекдотичные моменты из этих историй, о чём сожалею. Большущими затейниками и оригиналами запомнились только елизовские чиновники, свято соблюдающие свою, елизовскую таблицу Менделеева и порядки, позволяющие елизовским сыновьям лейтенанта Шмидта на конвенцию не оглядываться.

Если бы не ветерок, кто знает, как долго мы смогли бы прошагать ещё. Но каждый очередной его порыв казался крепче предьдущего, воздух наливался свинцовым холодом, а вдохи давались труднее. И хотя не было ни дождя, ни

снега, солнце светило уже не тому миру, где каждый украдкой пытается на пару размеров удлинить свои рукава, а другому – виднеющемуся ниже, почти рядом, но с травами, пятнами деревьев и кустов, невидимыми, но по-прежнему суetyающимися сурками и не столь уж отвратительными бараками. В тот час к нам уже не приходили идеи, слова, мысли или осязаемые внешними и внутренними рецепторами, другие проявления готовности к продолжению 10-километрового пути и штурма 2741-метрового вулкана. Почти одновременно и удачно мы припомнили, что у ительменов считается большим грехом подниматься на действующие вулканы, поскольку они населены злыми вредоносными духами и покойниками, а каж-дое извержение вулканов не что иное, как знамение нового кровопролития. Авачинский – в числе наиболее активных вулканов. Исходя из аборигенных примет, из вулкана должна бы течь не река Сухая, что у подножья действительно заполнена водой, а море крови.

Мы задубели, крови не жаждали и предпочли спуститься сначала к машине, затем ещё ниже, что ниже Камчавеля-Куршавеля – на солнечные поляночки, к травам, дюнам и суркам.

К палеоазиатским истокам

Памятуя железное правило коряков разводить костры в строго установленных местах,

разыскали в овражке у заваленного валунами берега удивительно мокрой Сухой речки старое кострище. Идею видели в том, чтобы рыбину приготовить по-аборигенному, т.е. в жаркой земляной яме под костром. Дикарских камланий от впервые познанного зеркала или зажигалки не устраивали. Огонь добывали по науке, для чего требовалось не так уж много: сухая доска в виде человечка без рук-ног, но с контурами головы и её атрибутами, с углублением для палки, а также лук, заячий волос и стружка. В реализации этой затеи Сашка оказался умным туземцем. Высунувшийся из багажника тарный ящик в секунды обратился в хлам. На одной из досок в карандашном исполнении проявились наиболее важные внешние очертания и другие признаки человеческого организма с обозначением для большей убедительности его пола. Прокрутили в человечке углом топора углубление. Путь к дыму и пламени прошли без лука и зайцев, но с шуруповёртом, вставленным в зажигалку микроавтобуса, и огрызком прилаженного к аппарату карандаша с недозатёртой надписью, звёздочкой и словом «GERMANY», с сухой травой, стружками и старой газетой «Камчатское время». Трудности встретили лишь в поисках момента истины между ранним и поздним зажиганием.

Попутно промелькнула мыслишка заняться сушеками местной мышки. Вспомнили абзацы

и слова о жизни корякских и ительменских женщин, которые в старину выстукивали палками мышиные кладовые. Как они находили хранилища съедобных корней сараны, сладкой травы, дикого щавеля и орехов, конфисковывали себе часть провизии, а другую – оставляли мышкам, чтобы те от голода не померли. Здесь мы вовремя сообразили, что мечтать о госрезервах в начале лета тщетно. А потом сообразили ещё, что у нас отсутствуют женские особи, а в аборигенном сообществе за разделением мужского и женского труда ведётся чрезвычайно строгое наблюдение. Что в ительменских, корякских и чукотских стойбищах женскую работу могут выполнять и мужчины, но только кое-кчучи, стало быть, те, что считают себя женщинами, носят женскую одежду и состоят в любовных отношениях со своими покровителями. У нас голубиной отличалось лишь небо, да и по нему уже ползала туча.

Приправленная черемшой, травами и специями рыба ароматом просигнализировала о готовности скоро и оказалась необычайно качественной. Время позволяло созидать или приготовить на воде из табака и берёзовой золы лемешину, чтобы засунуть её за щеку и сосать на досуге, либо заменить берёзовую золу для того же стружками стланцевого кедровника. Обмакнулся в наслаждение, сварганив под

гнётом Сашкиных насмешек ялуп жевательный по рецепту третьему – из опилок от берёзовых наростов и табака. Было что запихнуть за нижнюю губу, было что шевелить и тереть языком. А надоест это, решил я однозначно отомстить некурящему депутату, не достанется ему блаженства. Спрячу ялупец за левое ухо и, как уважающий себя ительмен, буду держать его там вплоть до очередного приступа сладостного возжелаемого дурмана. Но берёза оказалась не той породы, может, нарост не той калорийности или «Золотая Ява» ни к чёрту. Факт тот, что испытание услады не принесло, а ядовито-коричневый язык от сторонних взоров пришлось потом временно попридержать за зубами.

В программе оставалось чаепитие. Сашка предложил, пока костёр хорош и дров хватает, расширить программу за счёт его мастер-класса. Была это занимательная физика или увлекательная психология. Вначале сооружали запруду из камней. А тем временем Чонь разъяснял, что барахтаться в проточной и в «стоячей» воде – две большие разницы. Но поверил в это лишь тогда, когда на глазах сплывающих, а потом и изумлённых туристов и натуралистов сиганули мы в запруду и ощутили себя там вполне ничего. Тогда и понял, что в этом деле какой-то секрет имеется. Приятно было общаться с праздношатающимися рос-

сиянами. Они явно принадлежали к числу гостей Камчатки, поскольку интересовались наличием в этой точке Азии горячих источников. Они опасливо трогали воду руками, а умом пытались понять, встретили ли они допившихся до ручки и проигравшихся в карты офицеров из потерявшего компас гусарского полка, сбежавших из местного психоневрологического диспансера пациентов, моржей или обычных людей из местной общины коренных малочисленных народов Севера. Публичность требовала продолжения героизма и лишала права на ошибку, поскольку любые меры по спасению утопающего у ительменов считаются смертным грехом. Тащить человека из реки или моря значит отнять пищу у духа Воды. Когда обсыхали у костра, Сашка рассказал, что такому купанию он научился в Средней Азии, где при самой жаркой погоде в студёных горных реках освежиться можно именно так. Он знал немало других фокусов, которыми не раз удивлял публику. Например, научил меня играючи ломать ребром ладони камни, а однажды, когда нас объединила дорога на юбилейное торжество в Мильково, пополнил багаж моих знаний технологией «срезания» ладонью бутылочного горлышка. В поездках к Трём Братьям на мыс Маячный показывал способы поглощения солнечной энергии и, пожалуй,

лишь в тот раз я не поверил в чудодейственность его метода.

Народы Севера всегда славились колоссальными знаниями и умением использования растений и трав. Ещё экспедиционеры Витуса Беринга отмечали, что ительмены знают «...все туземные растения, как по их именам, так и по их свойствам», а Г.Стеллер даже считал их «всеядущими животными». Нас не привлекал кайф от постмухоморных взлётов и радостных рандеву с прародителями, у нас не было нужды мазать наконечники стрел соком лютика, чтобы травить врагов в бою, как не было и выдающихся врагов. Нас не привлекала даже прославленная цикута, которой отряжали на тот свет приговорённого к казни древнегреческого родоначальника диалектики Сократа, которой полно и на Камчатке. Нам всего лишь хотелось заварить чай из свежих листьев кипрея или иван-чая и, главное, сделать это в деревянной посуде «калёными камнями». Это оказалось гениально просто. Когда подкладывали в миску камни из костра, чай вскипел в минуту и, невзирая на копоть, без которой не обошлось и здесь, оказался приятным. Чаепитием завершилось наше дилетантское прикосновение к аборигенным традициям.

В уикенд мы лишь прикоснулись к охотничьим правилам и табу аборигенов, к крупицам

из обычаев в их взаимоотношениях, представлениям о борьбе духов и мифам. Соотношения личности и времени, власти и аборигена, человека и природы в условиях Севера отличны от привычных стандартов, а дистанция в их различии растёт. Полвека минуло с той поры, когда археолог Н.Н. Диков в Елизово нашёл и исследовал 4-тысячелетнюю древнеительменскую стоянку. Полвека хватило человеку, чтобы на клочке земли, где рождались, жили и умирали предки ительменов, построить кафе, наладить в нём шашлычный бизнес и включить музыку... На обратном пути Сашка об этом узнал только от меня, хотя давно жил в Елизово. Он сказал, что взорвёт кафе в санитарный день, когда там не будет людей.

Он не успел. Таджикский камчадал или корейский ительмен Сашка, депутат Александр Романович Чонь неожиданно ушёл, и, быть может, присоединился даже к тем усопшим, которые сидят вместе со злыми вредоносными духами в недрах действующего Авачинского вулкана. Каждый человек когда-то уходит, а Сашка ушёл при невероятных для него обстоятельствах – дома и во сне. Не за рулём, не в огне, не в воде, не в перестрелке и не в бою без правил. С учётом чемпионской стати и даже не предпенсионного возраста по камчатским традициям поначалу его уход оброс копотью. Потом память вернулась к людям в воспоминаниях

наниях о его порядочности и несгибаемой силе характера весельчака, жизнелюба, философа, мечтателя и спортсмена. Думаю, что и в бурлящем чреве вулкана сегодня он в центре внимания и с гитарой, а для вредоносных духов наступила эра испытаний, исправлений и очищения от своих пакостных делишек, привычек и правил.

P.S. По правде сказать, мы не смогли добыть огонь честными аборигенными правилами. Из тетивы сооружённого нами в тот день лука мы не успели выжать необходимых оборотов, а в небе начиналась гроза. Всё, что случилось с участием шуруповёрта – правда. Палеоазиатскую аборигенную культуру я зауважал навсегда. Не люблю лишь один обычай. Это когда оленю отгрызают зубами яичко и передают его самому почётному гостю.

ДЕВОЧКИ, ИДИТЕ КУШАТЬ...

Точь-в-точь посерединке скверной промозглой календарной осени стало очевидным, что путь из Паланы в Петропавловск-Камчатский в очередной раз плотно и надолго закрыли ободранные клочья тумана. Для наших пилотов эта муть не явилась преградой. Мало того, показалось, что на муть им было наплевать. Ми-8 не раздумывая взмыл в небо, привычно оглянувшись в сторону коряжской столицы, брезгливо отворотил нос от её коптящих труб, присел, пригнувшись винтами углом, равным числу градусов в бутылке прославленного русского национального напитка, вперёд и зигзагами подвыпившего сантехника поковылял на юг, по-стариковски лопоча о чём-то своём. Лопотал он в щелях между густомолочными простынями, сначала вдоль Охотского (когда-то Ламутского) моря, затем впритирку к перевалам и скалам лопотал, неспешно огибая их и распугивая ещё непуганую живность – лопотал. Живность разбежалась только в моём воображении, т.е. теоретически, а практически и визуально она не наблюдалась, впрочем, как и сама земля, и были

они – живность и земля – давным-давно пугаными-перепугаными и без нашего участия. Земля проглядывались лишь бесформенными кляксами подрумянившейся пенки в крынке всё того же молока. Ми-8 оказался крепким старцем, на что вряд ли надеялся его родитель Михаил Леонтьевич Миль даже при зачатии сына, т.е. в расчётах. А престарелый Мишка, что удивительно, ни разу не заглох и не упал, уверенно пролез в Анавгай и пластично уткнулся в тронутую первыми морозами траву. Аэродром угадывался по болтающемуся на ветру сачку, напоминающему о Дуремаре у болотца черепахи Тортилле и железкам, размалёванным чёрно-белыми полосами страдающей от ожирения зебры. Факту удачной посадки обрадовались мальчишки и собаки. Коровы чуток удивились, немного перетрухнули и отошли из партера на галёрку, тем более что они точно никого не встречали. В Анавгае 15 часов и по метеоусловиям трассы – стоянка до утра. В Москве 6 часов ровно – старт фиесты в ознаменование понедельника.

И хотя мои планы были нещадно порушены, в домашнем синематографе закрутилась новая жизнеутверждающая научно-познавательная цветная и широкоэкранный лента. Попались бы трусливые лётчики или главный по «добру на вылет» – перестраховщик, и не было бы после ни блестящей хитрой лысины, ни

огромного чёрного дога Венки, ни хмельных ворон, ни представления о местных направлениях в смысле дорог. Дороги всплыли уже потом, и они кое в чём затмевали самые сочные портреты дорог из нашей литературной классики. Берусь утверждать, что обнаружил межквартальные шляхи, тротуары, тропы и артерии улиц Эссо, способные безапелляционно убедить любого – в Эссо нашим людям в булочную на такси ездить не стоит. Здешние улицы, наблюдаемые мною и позднее, и не один месяц и год, тогда предназначались сугубо для хранения почвы и камней при перемещении рытвин, колдобин и луж в мгновенья консервации бессрочного ремонта коммуникаций. Это своего рода глубоко продуманный test drive или экзамен для проверки реакции и смекалки обладателей ТС при внезапном обнаружении ими лениво мигрирующих препон.

Все эти годы меня терзали нереализованные и бюджетоемкие фантазии снабжения всех водителей и пассажиров автомобильного и гужевого транспорта Эссо средствами защиты от коммунальщиков и дорожников Эссо. По моему оценочному представлению это могли бы быть хоккейные, мотоциклетные и горнолыжные каски или даже красноармейские шлёмы стальные с надёжными тулейками и крепкими шнурками внутри для демпфи-

рования ударов умами о потолочную поверхность салонов автомобилей. Сгодились бы даже пробковые шлемы, ОМОНовские «Сферы», «Защиты», на худой конец даже модернизированная Шапка Мономаха или одноимённый торт сгодились бы.

Но ничего этого я не добился и не пробил, коммунальщики и дорожники районной столицы бесконечно как в пространстве, так и во времени улицы рыли, затем, следуя каким-то таинственным знакам, возможно, и неземного происхождения, зарывали выкопанное. Периодически хватались за головы и посыпали вулканическим пеплом чубы, раскусив, что корпели не там, замуровали не то, а то, что требовалось – забыли. Вывод, однако, всегда получался у них такой, что поскольку муровали они плохо, то это очень хорошо. И теперь это *это* можно влёгкую откопать, а то было бы несравненно хуже...

Человек без галстука

Хромающая на все свои копыта дорога была ещё где-то впереди. А пока что я переминался с ноги на ногу и разглядывал ламутский Анавгай, пытаясь выстроить в системный ряд условно-известные анавгайцам темы: нужен ли кому-нибудь в этом селе? или на этой аэроплощадке? сдержат ли своё слово коряжские вожди о том, что народ узнает о моей незапла-

нированной посадке? будет ли кровля над головой и топчан у печки?

Люди, которых заинтересовал сам факт прибытия вертолёта, близости, конечно, топтались, и подозрительным было лишь то, что среди них человека с галстуком я не обнаружил. По наличию этой тотемной детали туземного табеля о рангах, независимо от её L, цвета и конструкции, в случае обнаружения стало бы ясно – за мною послали и они пришли. Но ни классического галстука, ни Шарпея, ни бабочки, ни человека с такого рода амулетом не было...

Из оцепенения вывелось мягкое обращение по сложнопроизносимому имени-отчеству без привычной перемены их местами и продолжение в интонации вкрадчивой любознательности:

– Как долетели? Как там наши братья-коряжки?

На родного брата коряков дяденька явно не тянул – в лучшем случае сват, свояк или шурин этого заметного на Камчатке народа: улыбчивый, энергичный, седо-русый, средних лет и роста, с умной загорелой лысиной и хитроватыми голубыми глазами.

– Кудымов Владимир Михайлович, предприниматель, – отрекомендовался, уловив мои волнения, и тут же, – приехал за вами. Первый вариант муниципальная гостиница,

номер заказан. Второй – уютная частная гостиница, с горячим целебным бассейном, домашней кухней и теплом.

После, здравствуйте, а у коряков всё не так уж и плохо:

– Чья гостиница?

– Ну, конечно, моя. А чьей же ей ещё быть?..

Видимо, галстук оказался тем звеном, по вине которого окончательно лопнула и упала на подмёрзшую траву стальная цепь протокола. Горе от ума зашло за разум и зарегистрировало полное отсутствие слов о безмерном удовольствии от прибытия в эту деревню сотрудника Администрации президента и надежд моего народа на зоркое изучение им (сотрудником) положения дел в ней (в деревне), а перспектива частной гостиницы семимильными шагами интегрировала власть в бизнес, цементируя и без того славный камчатский коррупционный фундамент. На встречном курсе с ясностью приближающейся зимы и полярной ночи засверкали кристально трезвые мысли о том, что в муниципальной гостинице «горячего целебного бассейна, домашней кухни и тепла» мне не дожидаться, будь я из Администрации боюсь даже назвать фамилию Кого или транзитником из гигантского Юпитера к божественно-соблазнительной Венере. Проноситься мимо бассейна, кухни и тепла было эквивалентно той глупости, в результате кото-

рой я повёлся на двухдневную командировку из Москвы в Хабаровск, что обернулось трехнедельным турне в Анадырь, Петропавловск-Камчатский, Палану, Воямполку, снова в Петропавловск-Камчатский и опять в Палану.

Компаративизм здесь был неуместен. Короткий анализ котировки цен – и я в джипе, затем в Эссо: восхищение описанными уже немного ранее результатами труда коммунальщиков и дорожников, тронутыми первым морозцем, и трусливыми колёсами под водительством всегда правых рулей и левых ремонтов; предвкушение дивертисмента, умноженного на блага цивилизации, по доступным и приятным ценам. Живи на яркой стороне!

А господин Кудымов В.М. попутно крошил и рушил стереотип «хозяин – барин»: лично вёл автомашину, поворачивал ключ в двери гостиницы, представлял апартаменты, сообщал о «летающей» к месту своей службы кухарке. Его поведение ломало все мои представления о человеке, у которого могла бы быть визитная карточка с крупными буквами в комбинации – «Генеральный директор» по-английски и по-японски, и входило в острые противоречия с вероятным статусом олигарха или управляющего термальными оазисами районного масштаба...

Заманить противника, конкурента, сочувствующего, неопределившегося или несоглас-

ного на заранее подготовленное «минное поле». Продемонстрировать все достоинства территории и обрисовать последствия её подрыва, дарение карты минирования либо демонтаж установленных изделий, сделать врагов – товарищами, товарищей – друзьями, друзей – фанатами, а собутыльников трезвыми единомышленниками – это и есть стиль камчатского «неформата Кудымова». Я «попался» Кудымову именно так и сейчас отлично знаю его уникальные качества и его семью, но по ходу рассказа чуток придумываю и воображаю. Наверное, когда Кудымов взялся за торгово-закупочный и туристический бизнес, его посчитали Маниловым. Балагурить он и правда любит, а под настроение – заболтает и профессора ДГУ Сергея Васильевича Гунько, и банкира, как его называет Кудымов, Трибунского, с которыми дружит давно, и прокурора, что за районом надзирает, и налоговую, и санстанцию, и потребнадзор, что ревизуют все непременно, учащённо и немилосердно. Да и кого здесь проверять, если на весь район две тыщи душ? Он заболтает не для того, чтобы спрятаться за обильными посулами или страстными клятвами. Такой у него характер, привычка, а может – стиль.

Как жили, как поднимали дочерей, – Татьяна Андреевна Кудымова всегда вспоминает с содроганием, а первые самостоятельные шаги

в торговле с ужасом. В ларьках резво меняются цены, товары и продавщицы, а на ларьках, как в анекдоте, таблички – «Стучите, открыто» – «Настучали, закрыто». Намёкивают, потянут к исусу – собирай вещи, шепчут, жди, потянут. У Владимира Михайловича внешне неизменная «бодрость духа, грация и пластика». Мелькнул у крыльца Пономарёвых, хозяйка – Фрида Адамовна, следуя директиве прибывших сюда миссионеров с акцией вербовки соплеменников на землю обетованную, с порога за советом:

– Володя, ты всё знаешь, кто у нас в Эссо евреи?

– Конечно, всё и точно знаю – моя благоверная.

Сообщил так культурненько-культурненько и понёсся дальше. И уже о чём-то договаривается, что-то проламывает, решает, сеет, потому что даже после плохой жатвы – если не посеешь, надеяться не на что. А Татьяна Андреевна в это же достопамятное для семьи время – принимает внезапных гостей и отбивается от свалившегося на её голову счастья жить и умереть в Тель-Авиве. Хлебосольствует и посвящает явившихся послов в таинства биографии, замешанной на кислых щах, каше со шкварками и без них, на свиной колбасе и домашней буженине в дни славных революционных, боевых и трудовых праздников всего

советского народа. Чуть ли не привязывает себя косынкой к батарее и отбивается от счастья со среднерусской упёртостью.

А слова Кудымова уже нырнули в эпос и продолжили независимую от метрик и поросят под соусом из хрена жизнь:

– Володя, как там твоя евресчка? – звонят из Елизово или Мильково.

– Норма-а-а-льненько, не похудела, – заочно подшучивая над женой точно так же, как Татьяна Андреевна обычно вспоминает его кудри.

Поросят придумал как образ несовместимости с иудейскими традициями и нормами. Да и сомневаюсь, чтобы жареные поросята в рейтинге блюд русской национальной кухни, пусть даже и с гречневой кашей, числились на верхней ступеньке чемпионского пьедестала обычной семьи. И совершенно не сомневаюсь в том, что по жизни не встречал другого мужика, который бы профессиональней Кудымова кухарил. Его супруга самокритична:

– У меня так скоро и вкусно никогда не получится. Борщи, солянки, отбивные, всевозможные котлеты и пончики – это Володина стихия, и я уже от этого счастлива. Иногда забегались, замотались, время к обеду, а он:

– Не волнуйтесь, сейчас что-нибудь придумаю.

А через двадцать минут:

– Девочки, идите кушать.

– Бывало, уедем на море. Домик на 5-6 семей, соседи со всего Союза – мы лишь просыпаемся, а он уже вихрем пронёсся по окрестностям и перещупал весь рынок. На общедоступной плите гусь, борщ или пловчик, вокруг мамки, тётки и барышни как абитуриентки кулинарного техникума – ловят слова и строчат рецепты – в центре Кудымов с лопаткой или прихваткой. Только и слышу:

– Н-е-е-т, девочки, лучше минут 20 попридержать в холодной воде, ...а капусточку, красавицы, последней и выключить, ...а свеколку чуток маслицем, чтобы не линяла на других...

Говорят, что ламутские шаманы всегда получали указания от таинственных сил во сне. Рассказывали так: нужные демоны и советчики приходят к ним в сновидениях в образе зайцев, лис, медведей или водки и спрашивают: зачем позвал? Шаман рапортовал о проделанной работе, коленопреклонно разжёвывал властелинам, в чём требуется помощь, и получал необходимые директивы. Дальше бубен в руки и вперёд. Быстринский – ламутский край. Кумир века В.И. Ленин считал, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Он прав, хоть он сейчас и не в авторитете. Прав и знаменитый исследователь этих мест Иохельсон, кстати, тоже Владимир Ильич, который когда-то о ламутах – нынешних земляках Кудымова, что пришли на Кам-

чатку из Гижиги в начале XIX века, писал: «Сохраняют весёлость в нищете и не унывают ни перед какими невзгодами; услужливые, но умеющие сохранить достоинство и быть гордыми без чванства. Презирают ложь и могут служить образцом честности. Свято хранят старые бумажки, на которых записаны долги отцов и дедов. Поэтичны в речи и щеголеваты манерами. Надёжная опора государственного порядка».

Кудымов не самый святой. Может себе позволить и змия потревожить. Он любит компанию, любит угощать, любит удивлять, меру знает. Камлать не научился. Он не ламут или эвен, не коряк, не ительмен, не шаман тем паце. Порядочный человек, крепкий хозяин – сплав фронтовика и трактористки, оседлавшей этот агрегат на 14-ом году от рождения. В сибирской Кривозёровке ли, в Эссо ли – трудно сказать, но Кудымов приобрёл или сберёг в себе умение сохранять весёлость в любой ситуации, достоинство и гордость без чванства, а бережно хранить бумажки – научила сама жизнь. Басни Кудымова всегда уместны, прибаутки точны, анекдоты смешны, а обценная лирика столь органична и неуловима, что чопорному интеллигенту никогда не приходится притворяться, что непечатное слово услышал впервые в жизни. Отсидевший 15 суток за пьяный дебош кочегар искать в Кудымове

коллегу и не подумает, потому что у Кудымова не трёхэтажный мат, а симпатичная ажурная и кружевная беседка, хоть и строенная из похожих и понятных даже кочегару слов и выражений. О надёжной «опоре государственного порядка» можно было бы рассказать много, где ограничусь лишь только тем, что сельские фандрайзинговые компании без Кудымова не случаются.

Классический тёртый калач, точно соответствующий лекалам и ГОСТам, в сочетании с абсолютным опытом человека, не раз побывавшего в переделках. О последнем мне подумалось в первые же минуты нашего знакомства под сенью лопастей Ми-8.

Интегральные ходы и схемы

Позднее убедился, что предчувствие не обмануло. После техникума 23-хлетний Кудымов взялся за турбинный цех Паужетской геотермальной электростанции, а позднее и за весь промысловый участок. Теперь уже думаю, а не завернул бы он погостить к другу, да и не встретил бы в Эссо свою Татьяну Андреевну. Согласился бы потом принять Быстринский участок глубинного тепла Земли? И кто бы в противном случае получал здесь гербовую печать, пожелания «успехов в работе», землю под жильё для своих трудяг, под насосные станции, водопроводы и свершал свои подвиги

ги, к коим мы, как известно издревле, предрасположены. Аксакалы помнят, как их юное начальство «воровало» тогда у молодой жены вёдра да лопаты и таскало их на участок, чтобы обустроить коллектив с печатью и без всего остального.

– Зато сейчас у меня всё есть, – усмехается Кудымов.

– ?!

– Таня и ещё две девочки Алёнка и Анжелочка.

А тогда у юного начальника времени не было даже заважничать: верноподданные бурили скважины, строили дома, тянули трубы с теплом Земли, косили сено, участвовали в спартакиадах и неизменно побеждали. Вспоминает одну из немногих, зато первую выволочку. РК КПСС потребовал, чтобы все организации построили по юрте для делегатов и гостей Эссо на случай слётов, соревнований и пр. Объявили конкурс, одновременно победил и пострадал за самоуправство Кудымов – построил вместо юрты дом. Потом юрты разобрали, растянули по дворам и огородам и забыли, а кудымовская – служит людям и сегодня.

Порой думаю, а не возмись тогда за энергию Земли этот юный сибиряк, и в кои веки пришло бы тепло Земли в дома селян, в кои веки появились бы на их столах домашние огурцы, помидоры, клубника и прочие дыни... Ку-

дымов пропускал Эссо через себя, а оно ломало, тёрло, взбивало и отжимало Кудымова. Обновлённая Россия в Эссо обновлялась так же точно, как и везде. На Камчатке с таким же вдохновением истребляли привилегии и модифицировали таблички, весело изгоняли райкомовских большевиков классических и зазывали большевиков оригинальных или специальных, нередко и когда-то уже выплунутых из КПСС мучеников или жертв компроизвола. Однажды в Эссо так и решили, как отрезали: «Быстринское управления тепла нам больше не требуется, спасибо. Земля и её тепло принадлежит не партии, а народу, а народ это мы, т.е. демократическая Администрация».

О вселенской глубине затеянной дури, что потом привело к попятной реорганизации и мучительным потугам воскрешения всего убиенного, Кудымов убеждал вождей, как только мог: «Собирать деньги – одно, а кто же будет обслуживать, ремонтировать инженерные сети и насосы?..» Он и раньше высказывался на неудобные темы. Доказывал и доказал, что за «обратку», как здесь называют термальную воду, уже прошедшую через батареи жилых домов и струящуюся в трубы частных теплиц и оранжерей – денег брать нельзя. Что это тепло одними – уже продано, а другими – оплачено. Убеждал о необходимости льгот для тех, кто выращивает овощи, преференций

для ветеранов и пенсионеров. Бесплезно. Тогда впервые сначала подумал, потом понял для себя: «Не власть, а полная дура».

Кудымова убрали. За обратку начислили. Дура оказалась на удивление зоркой, поэтому спрятанные в подполье врезки и замаскированные под собачьи будки теплицы прижали крепким рублём. Тепличное хозяйство районной столицы, конечно же, постепенно, зато полностью угробили. Партбилетами уже не расплачивались – их к тому времени радостно сожгли либо припрятали. На Камчатке обнажилось море разливанное и других неурядиц. Стабильность управления держалась лишь на бывшем предоблисполкоме области В.А. Бирюкове, что, впрочем, не спасло территорию от стагнации в энергетике и обострения в социалке, да и до муниципалов руки не доходили. А Кудымов думал и искал свой путь. На Руси «путём» называли не только дорогу, но и неплохие должности при дворе, за что бояре не по-детски боролись, используя на всю катушку свои связи и административный ресурс. Путь сокольничий, путь ловчий, путь конюший – это должности начальников, в чьё ведение входила княжеская охота, псовая охота или содержание экипажей. Без хлебного места человек считался непутёвым. Глава района, с кем были они в большой дружбе, звал Кудымова советником. Не пошёл:

– Ты и сам знаешь, что делать, а я тебе и без зарплаты ничего дурного советовать не буду.

Он не видел себя ни в райадминистрации, ни в туземном совете, но понял сразу – стать в Эссо непутёвым легко и просто в современном значении этого понятия: спиться и захиреть.

Подумывал было начать с шабашек. Слушать его об этом проекте – в цирк не ходить. Теплотехник Кудымов подсчитал каждую строку в диапазоне услуг для народа по ремонту сантехники и тепловых сетей. Благо, что считать умеет быстрее калькулятора. Но «оказалось», что в этом сегменте рынка услуг в Эссо есть и другие специалисты, что про такое ценообразование прознали скоро. Они заворчали, некоторые опохмелились и честно сообщили Кудымову своё консолидированное мнение – мы не одобряем! Их начальнички намекнули, что у них есть стройная система заявок, которые выполняются по заранее утверждённому плану, поэтому подрывать систему, да и экономику района в целом – вишь куды завернули – ни к чему.

Кудымову случалось в шагах от себя останавливать пулей кем-то раненного медведя, доводилось собирать малину с куста единого вместе с другим камчатским гризли, хоть и не порадовались они в тот раз друг другу. В чертячем месте на шестом километре Эссо, где

делают забой оленей, где постоянно переворачиваются или глохнут машины и трактора, как-то с водителем Гордиенко даже от НЛО отбиваться случалось. Кудымов не забоялся и в этот раз. Он мог бы и дальше заниматься теплом Земли, сколотив свою бригаду. Понял только, что жизни не будет по другой причине – содержать семью с этой работой можно тогда, когда у земляков будут постоянно «лететь» и трещать трубы и краны. Стоит ли на это рассчитывать? Дома подрастают невесты, Таня понятна и без слов – придумай что-нибудь.

Он рискнул и пошёл на кредит, как на рекордную скважину. Поручителями выступили люди, понимающие, что в жизни Владимир Михайлович – КУДЫМОВ, а в торговле – кудымов. Они знали, что КУДЫМОВ задумает – то и сделает. Он прошёл слалом наполовину бессмысленных поездок за товарами в Хабаровск, обрывистую тропу между кредитами, проверками, налогами и штрафами, выбрался из-под волны «чёрного четверга», когда подозрительное наше отечество обратило деньги в хлам, а планы людей в суициды, инфаркты и слёзы.

Из Петропавловска-Камчатского после «четверга» он привёз машину с мукой и солью.

– Это всё? – вспоминает тот вечер Татьяна Андреевна.

– Всё, Танечка. Всё, милая, на базе пусто.

Выжили. Открыли магазины в Эссо, Анавгае, Козыревске, аптеку и, наконец «Алёна-тур» – гостиницу, где есть душа и то, чего другим не хватает. Здесь система, в которой всё так направлено, чтобы человеку понравилось, и захотелось приехать сюда ещё, ещё и ещё. Впрочем, чернить муниципальный гостиничный сервис не берусь, с ним не знаком, да и руководители в Эссо люди неглупые. Подчеркну лишь тот факт, что «Алёна-тур» первой в истории Эссо принимала иностранцев: 12 апостолов-охотников. Потом слава пошла, поехали: Америка, Бразилия, Корея, Япония... Окно в Европу Кудымов не пробивал, но памятника пионеру туризма Эссо заслуживает. По слухам до этого иностранщина «заезжала» в Эссо лишь в 1953 году, когда «неподкованный» связист врубил не ту волну сельской радиосети, и за воспитание аборигенов с упоением взялся злокозненный и хитрый «Голос Америки». Были пострадавшие за то, что не смогли от наших голосов отличить тот голос, о котором запрещено даже слышать.

– Делом всей своей жизни теперь считаю отдых, – смеётся Кудымов.

Понимай, как хочешь. То ли ничего больше делать не буду, то ли торговлю сверну – гостиницу разверну. 20 лет без отпуска. Тест на проверку соседской мудрости: муравью Фуд-

зияму не сдвинуть. Сдвинуть, если взяться. Местная Фудзияма – это Ичинская сопка со сказочными ледниками и голубыми, как у Кудымова глаза, выходами обсидиана, с такой же, как у него, энергией. Есть чем впечатлиться, что посмотреть, где побродить и подумать о вечном.

С Владимиром Михайловичем мы часто встречались в Петропавловске-Камчатском. Его распорядок отшлифован десятилетиями: 500 км в Петропавловск-Камчатский, машину под погрузку товарами, ночь-две в городе, и снова 500. Много говорили о жизни, политике и будущем. Он не меняется: небо идеями не дырявит, что задумает – сделает. Камчатка проснулась. Глава всех комячек полуострова, внезапно очутившись в кресле главы губернии, стал двукратным главой партийных и беспартийных камчадалов. Продувшие выборы демократы зашептались: «Майкл – это ненадолго». Ошиблись на семь лет, Машковцев разбудил районы. Разуверившись не в самых одарённых однопартийцах, жал на интуицию и замешивал коктейли из нарочитой бесхитростности и скрытого таланта византийского топ-интригана. В ту семилетку у Кудымова дела пошли в гору, враги стали друзьями, а... Впрочем, об этом вы уже знаете. Кстати сказать, губернатор и сам видел, как живёт Кудымов, приезжал к нему на день рождения.

Порой меня посещает мысль, что друзьям и землякам Кудымова, как и самому Эссо, несказанно повезло в том, что Владимир Михайлович остановился именно здесь, а Эссо ещё не скоро осознает и оценит субъективно обоснованную мною платформу этого везения. В Эссо у меня знакомых немного: районные начальники и чиновники пресловутых «нулевых» годов, домотканые журналисты и музейщики. О Владимире Попове – «втором» (потому что первым был первый секретарь райкома партии, которого Попов возил), Дмитриии Коростылёве – «главном егере», Геннадии Доровских – «ламуте» или Владимире Роенко – «крутом», как их называет Кудымов – с его же слов и знаю. Но будь я народом – не пожалел бы Кудымову в Эссо памятника «За спасение природы» в этих райских куцах, обрамлённых переливающимися всеми цветами радуги скалистыми затаёженными горами, среди заснеженных грозных гребней, с мистическими тенями, с космическими бликами. В альпийских лугах, в компании пёстрых или свинцовых зайчиков или зайчиц отражающихся в бурлящих потоках горных рек или в других водах, в тех, после которых хворые забывают о своих костылях, а курортологи и физиотерапевты в Кавминводах интересуются адресочком.

В каждом доме тепло Земли, вокруг сказочно-белый снег, сверху сказочно-чистое небо,

и если где-то проявился дымок, то суть его происхождения только в том, что кто-то решил «ударить» по шашлыку. После угольно-мазутного дыма и копоти Петропавловска-Камчатского или Паланы эта белизна и девственность в кратере древнейшего вулкана – во дворах и огородах Быстринской столицы просто шокирует. Дороги, которыми я вас запутывал вначале, может быть, уже и наладили. Мы ведь так быстро свыкаемся со всем хреновым, гнусным, грязным, что это нежно-пушистое одеяние сбивает с панталыка и заставляет искать подвох. Как странно, белый снег? Вся деревня вымерзла или люди ушли в параллельный мир? Парадокс. Так не бывает! Ведь это именно тот снег, те снежинки, что лежат на новогодней поздравительной открытке из далёкого детства – под валенками Деда Мороза и нарядными сапожками Снегурочки... Тепло Земли в каждом доме. И привёл его Кудымов, так же как и увёл из Эссо ставший ненужным уголь или сберёг удивительные по красоте листовницы, ели и берёзы. Может быть, это и пафосно и напыщенно, но в моём воображении именно Кудымов воплощает тот подвиг всех местных теплотехников, которые снег сделали белым, а жизнь – тёплой. О таких когда-то писали: «Они были первыми».

Лишь однажды посчастливилось провести несколько часов у Татьяны Андреевны и Вла-

димира Михайловича Кудымовых в гостях. Ездили вместе с супругой Надей и сыном Димой. Тогда мы и услышали о 70-килограммовом мраморном доге Графе, которого иностранцы называли мустангом, а тот, несмотря на своё графское происхождение, увлекался прокатом собственной спины для всей ребятни районной столицы, сочетая это с внутренними убеждениями и принципами – не выпустить с кудымовского двора ни одной чужой живой души без разрешения хозяев. Тогда же мы и познакомились с огромным чёрным догом Венькой, пришедшим в семью на смену мрамора. Венька продолжил традиции и вскоре точно так же привечал каждого чужого в понравившемся ему уголке уютного дворика с той же графской миссией – чужаками невыполнимой. Венька, пожалуй, даже не собака, а больше телёнок – сильный, страшный и непредсказуемый на вид, а оттого ещё ужаснее тем, с кем не сойдётся в характере. По части обхождения с непрошеными гостями Венька мог бы и сам книжку написать – гости были, но все они как-то пассивно завершали свои визиты, сидели и ждали, когда вернутся хозяева. И лишь однажды в бочку Венькиной славы капнул дёготь, когда на семейном торжестве кто-то опрокинул на хлеб и соль бутылку водки. Как раз этого хлеба и наглотались вороны, пристрастившиеся воровать со двора всё, что

не так лежит. Венька часто гонял ворон и гордился своей отвагой, но в тот раз ворона развернула крылья и с воинственными карканьями нетрезвой походкой двинулась в атаку, а Венька позорно дрогнул в присутствии хозяев и гостей. Это был единственный провал в его славной биографии.

Возвращаясь от Кудымовых, мы остановились на перевале и поднялись на площадку, возвышающуюся над золотым сентябрьским пейзажем, где река Быстрая катит турбины ГЭС, где медведи гуляют так же свободно, как коты по своим дворам, где после фотосъемок с одной лишь этой точки можно преобрести славу профессионала-ваятеля и доки российского пейзажа. Повинуясь вежливому сообщению, что это чудное местечко находится под охраной ЮНЕСКО и злостным угрозам штрафов от местных «зелёных» – природу не гробили и не вязали свои ленточки и тряпочки к «дереву счастья». Послали свои желания Верхним небесным Существам посредством мысленных волшебных нитей судьбы на самый-самый верх, в президиум. Желаний у каждого из нас было много, и одно из них общее – ещё раз побывать в Эссо. Не вышло.

Воспоминания о первой встрече с Владимиром Михайловичем наталкивают на мысль о некоем тайном действе, когда корякский Бог не хотел, чтобы я улетел из Паланы далеко. Ла-

мутский или эвенский Боги считали, что их столицу – я должен обязательно посетить, а христианский требовал – чтобы обязательно встретились и познакомились два неплохих человека. То, что я человек хороший, мне, как вы понимаете, было известно давно. О другом – Владимире Михайловиче Кудымове я ничего не знал и не думал, тем более ещё и потому, что он не состоял в сословии, предпочитающем ношение галстуков в качестве знаков отличия в своей доблести. О неизбежности той встречи знали только боги: корякский, ламутский, эвенский, христианский ли, или все вместе, сообразив, что встреча эта необходима каждому из нас.

Эту историю продолжили наши умные и красивые дети. Располагая личным опытом общения с Владимиром Михайловичем Кудымовым в Петропавловске-Камчатском, наш старший сын пограничник Руслан даже не помышлял о турецких берегах и Сочи. Вместе с молодой женой Леночкой они помчались в свадебное путешествие на Камчатку. К Кудымовым... В Быстринский район, в Эссо, в уютную частную гостиницу с горячим целебным бассейном, домашней кухней и теплом...

ДЕФИЦИТ ФЕЛЬДШЕРОВ

Кино. Признаться честно, писать о рыбе начал давно. Так бы и пылилось писаное, если бы не отклики газет на ток-шоу, постановка которого состоялась на одной из коммерческих площадок Москвы. Тогда в супермаркет, невзирая на свою колоссальную занятость, забрели руководитель рыбаков Всея Руси господин Крайний и главный санитарный врач Всея – господин Онищенко. Поначалу кустарные аналитики и несертифицированные гадалки решили, что там завелась протухшая мойва в молдавском винном уксусе. Дирижёры PR-потоков и пучин заподозрили, что во всём виноват театр, поскольку в этом же «Перекрёстке» месяцем ранее проходила репетиция одной из мизансцен двухактного спектакля в режиссуре В.В. Путина. замутилось третье: вроде как внезапно потребовалось сообщить народам и растолковать стране, что она будет жить. Оппозиционно муссировалось, что по такому случаю с ночи до зари и целую декаду «Перекрёсток» драили, витрины полировали, мозги над ценниками сушили, ассортимент расширяли, запасы

углубляли, а журналистов рекрутировали. Истинные цели визита патриотично не уточнялись.

Первый встреченным, как сообщают «Известия», «артистично натянул приготовленные перчатки» и взялся за рыбу. Врач, «как знакомый с санитарией человек, руки не распускал». А когда первый вдруг сорвался с места и побежал в дальний угол лавки, шокировав тем манёвром почтенную публику, за ним бросился второй, помощники, телекамеры и все остальные. Понятно, что от мчащейся ватаги шарахались бабушки с тележками, но соль не в этом. Она в том, что перед стартом А.Крайний окинул весь зал своим соколиным взором и обнаружил в глубине сияющего угла морозильник, на дне которого притаился контрафактный пакет. Потом Бегемот «...запустил лапу в бочку с надписью «Сельдь керченская отборная», вытащил парочку селёдок и проглотил их, выплюнув хвосты». Вот это кино!

Фраза о сельди из М.А. Булгакова. Случай с Бегемотом приключился за зеркальными дверями Торгсина в «Мастере и Маргарите». Цитата к бенефициантам отношения не имеет. Её стоит изъять из прочтённого, поскольку затесалась она сюда по рассеянности автора и типографских линотипистов. Извиняемся ещё и потому, что федеральный руководи-

тель рыболовства натягивал перчатки на Осеннем бульваре в «Перекрёстке», что к Смоленскому рынку и инвалютному Торгсину тоже не клеится.

«Оказывается, в пакете одна рыба, а на этикетке другая, – делится впечатлениями журналист «Известий». – Неужели Крайний определил это по запаху, да еще на расстоянии?»

– Лабораторный анализ показал, что это не окунь и не треска, а в лучшем случае филе минтая, – огорошил чиновник. Народ снова ахнул: может, у него лаборатория прямо в перчатках?

Для пушного эффекта Крайний рассказал, что выловлена эта рыбёшка где-то во Вьетнаме, в тех водах, куда американцы во время войны сливали яды тоннами. Ужас и восхищение отразились на лицах зрителей». Конеч цитаты. Затем Остапа понесло на тему, связанную с уменьшением количества льда на сковороде, устранения препятствий на пути мойвы к прилавку и алчности торговцев. Чёрт побери! Остап – это же от Ильфа и Петрова! Сочиняю, знаете ли, в понедельник с утра, и не на кого опереться. Но тревожное предчувствие о том, что пакет к морозилке «готовили» и проверяли, где надо, да ещё и тайный крестик ставили на нём, как Семён Семёнович на чемодане после турне на борту «Михаила Светлова», осталось. Впрочем, как

и уверенность в том, что министерский аппарат вышколен, пешки ходят только вперёд, и такие специалисты нам нужны.

Аборигены. У аборигенов Камчатки супермаркетов, Крайнего и Онищенко никогда не водилось. Зато они помнят легенды о сезонах и путинах давнишних лет, когда их родители, в том числе и оленеводы, долгими приполярными зимами вязали по 20-30 аршин крапивных сетей для общественного невода. По числу тюленьих и нерпичьих голов в устьях рек старики вычисляли время подхода рыбы и давали «отмашку» на её лов. Помнят годы, когда засольные пункты брали у них горбушу по 2, а кету по 20 копеек за килограмм, за 3 рубля ведро икры. Знают, что тогда в их балаганах-юкольниках не по писанному, а по житейским законам выживания вялилось по 150 штук кеты на одного человека и столько же на каждого Тузика. Страшно даже подумать, но гольца, камбалу, корюшку, селёдку и уёк они рыбой не считали и в неурожайные годы ловили *это* только для собак.

Алеуты и ительмены, рыбаки из чукчей и коряков разъезжали на кунгасах, ставя неводы, сети или деревянные запоры с мордами. Всем селом они выходили черпать рыбу, а затем справедливо наделяли уловом тех, кто на рыбалку не попал по болезни либо другим

уважительным причинам. Аборигены верили, что железный топор при забивке кольев для запоров может «перерубить реку» и обезрыбить её, а поэтому вколачивали их в дно деревянными чурбанами. Они знали, что рыба потребуется и в следующем году, а потому определяли время, когда убирать морды-ловушки и освобождать ей дорогу к нерестилищам. Суровая правда жизни научила их в весенние деньки подниматься на батах вверх по течению и загонять в сети ещё не отогревшихся на солнце, а потому сонных гольцов, ловить кижучей подо льдом переплётками. Они свято выполняли законы и правила предков. Если хозяин уходил на лёд, бабы и девушки шили иглой строго к себе, чтобы припаяк не отстал от берега, а в семью не пришло несчастье. Так и жительствоваали они по законам простым и праведным...

Фельдшер. По конвенции 1907 года камчатрыбпром, по сути, стала японской. Самурай, понимая слабость поверженной в войне России, натывкали в устьях камчатских рек множество заводов и цехов, завезли туда своих пролетариев и пролетарок и принялись за бесцеремонный бизнес. На 210 рыболовных участках было что взять. Здешняя власть тоже не нищенствовала, вероятно, что-то доклевывала в центр и о японцах, и о своих подвигах, а народ?.. Да кому же он нужен был, этот

народ? Он ведь исторически отточен на борьбу, так пусть себе и борется...

В 1921 году Особоуполномоченным Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае (начальником от белогвардейцев и сепаратистов с правами губернатора) стал Хрисанф Платонович Бирич, рыбопромышленник с киевской фельдшерской школой за плечами, опытом работы в кружках симферопольских народников и 3-летним стажем сахалинской каторги. (За 30 лет до этого события А.П. Чехов удивлялся тому, что у Бирича «на капустном промысле» Сахалина нет даже надзирателя.) А история донесла нам тексты речей Бирича на дореволюционных съездах рыбопромышленников об утилизации краба, о предоставлении нашим добытчикам права беспрошленного ввоза грузов на рыбалки и фрахтования иностранных судов, об устройстве телефонов между рыбучастками, о найме россиян на промыслы Камчатки...

Чем занялся Х.П. Бирич на Камчатке в новой ипостаси? Занялся решением вопросов о сроках «рыболовной конвенции с японским правительством», об «увеличении расстояния от устья рек при сдаче в аренду морских рыболовных участков», о вменении в обязанность промышленников «устройства рыбо-разводных заводов с выпуском хотя бы деся-

ти миллионов мальков в год», о направлении «достаточного состава объездчиков с соответствующей инструкцией для осмотра законности работ на рыболовных участках и проверки арендных прав предпринимателей».

Удивительно вьедливым был этот фельдшер. Из заблокированного партизанами Петропавловска не выезжал, а раскомандовался не хуже какого-нибудь председателя совета директоров с партийным билетом или даже самого министра с мигалкой и дачей по Рублёво-Успенском шоссе. В 1923 году фельдшера установленным порядком расстреляли, а в 2001 Хрисанфа Платоновича теперь уже другим порядком – реабилитировали.

На Камчатке начальники менялись. Наверное, среди них были и лучше фельдшера, может, и хуже, новые песни придумывала жизнь, и не все они были любы. В море недоставало рыболовецких судов, а природа неизменно кузьмила, и лосось охотнее шёл в реки западной Камчатки, куда вход судов был невозможен и опасен практически по всему Охотскому побережью. Заводы, колхозы и артели несли огромные убытки, выпуская непопулярную и нерентабельную крепкосолёную продукцию. Фельдшера вспоминали.

Шпалы и Леопольд. Правительство озабочилось камчатскими потерями, а потому 1 ян-

варя 1930 года наказало Народному комиссариату путей сообщения СССР построить железную дорогу от Петропавловска в Усть-Большерецк и далее на север. Кто в этом только не участвовал: нарком пищепрома А.И. Микоян, нарком внутренних дел Л.П. Берия, предком обороны К.Е. Ворошилов, Гушосдор НКВД, естественно, что со своими тысячами опасных для общества граждан. О трагикомических событиях, связанных с этой стройкой, можно написать роман, правда, 600-километровый камчатский БАМ так у них и не получился. На 1951 год пришёлся пик протяжённости стальных магистралей Камчатки – 42 км 100 м, но с другими рельсами и шпалами. «Интересно отметить, – замечал один из тогдашних очевидцев, – что на дековильке движущую силу дают собаки, которые с радостным лаем вперегонку катят по рельсам тяжёлые вагонетки с грузом и пассажирами». Это были рыбацкие узкоколейки – «дековильки» (изобретатель Дековиль), первая из которых ещё на рубеже XIX и XX веков появилась на уже описанном нами в этом сборнике маяке, поблизости от курилки, куда однажды залез медведь. Сила социалистических паровозов ушла в гудки, а затем пропали и узкоколейки.

Понятно, что на этих страницах переплетаются сюжеты двух рыбалок – обществен-

ной и промышленной. Это вроде бы и распыляет наше внимание, указывая на отсутствие у писца сюжетной линии, но рыбе-то неважно, кто её словит – паратунский камчадал или ОАО «Путь к разрухе»? Нам же важнее, чтобы глядь в холодильник, а там чавыча во весь рост. А если шасьт – и перед очами вьетнамский, прости Господи, пангасиус из дельты Меконга? Или сарданелла, на чью талию даже некапризные тт. Леопольд и Базилио смотрят волком... А вот этого нам и не надо! Потому так враслопырку и продолжим этот сказ и отметим, что камчатская администрация сочла аборигенные запоры зловредными для рыбы и запретила их. А аборигены нашли иные способы её добычи и без харчей ни дня не сидели.

Быть может, рыба тогда была толще, либо законы демократичнее, что ли, или, наоборот, по Вышинскому сляпаны, типа как «Страх перед законом повышает уважение к нему» – трудно сказать. Точно то, что в делах давно минувших дней среди главных событий нет остродетективных сюжетов, где бы за камчадалами кто-то носился с кейсом, забитым бланками протоколов об ответственности за административные правонарушения. Да и рыбу они либо сдавали, либо меняли на то, чего нет в личном хозяйстве. Ещё заметим, что после провала «стального» проекта

на Камчатке и промрыбаки выжили. Появились какие-то автодороги, собак и оленей заменили грузовиками, а длина рыболовецких сетей превзошла спроектированную железку. Выросли перерабатывающие мощности и портопункты, пришли краны и плавбазы, герои соцтруда и капитаны-наставники, а Родина и наука опустили свои директивы и инструкции. Жизнь налаживалась.

Особенности национального ужения.

Близкие к искусству ужения рыбы люди твердят, что на чешуе и плавниках «висит» пятая часть объёма промышленного производства Дальнего Востока, а на Камчатке половина. Пишут они, что рыбацкая семья всего этого востока приносит 60 процентов вылова и выпуска пищевой водно-биологической продукции России, а тутошние циклические морские и речные путины способны дать для ухи, жарёхи и нарезки три миллиона тонн ингредиентов, и это не получается. Ходят басни, что половина вылова куда-то уплывает без переработки и следов на воде. Ещё сочиняют, что наши рыбаки квоты на вылов превышают в 2 раза, а по лакомым рыбкам, ежу и трепангу – в 6-8 и более раз. Может, и знают, что пишут?.. Неспроста ведь граждане давно уже судачат о ежегодном ущербе в один и более миллиарда зелёных. Отдельные наши соотечественники склонны к тому мнению, что не

нужна лимитов пачка – с тонны будет водочка. Хватит двойного комплекта документации или банальных знаков уважения по шкале региональных или федеральных ценностей. Откаты со стопроцентной предоплатой – это разве что в Москве, да и то слухи. Но там 10 миллионов рублей из Антилопы-гну могут запросто выбросить на ходу и потеху публике. У нас попадётся, скажи, что в трюме всего лишь 999 кг. Элегантно, дилетантно и для примера, а по жизни профессиональные браконьеры в аргументах не столь примитивны и легкомысленны. Когда-то А.Герцен замечал: «Если бы в России строго выполнялись все законы, и никто не брал взятку, жизнь в ней была бы совершенно невозможна». Конечно, искусство ужения рыбы лучше знал Аксаков-старший, он даже книгу написал об этом, но и Герцен умный.

Раз уж мы подцепили себе в союзники историю, то припомним другие примерчики из былого. В бытность мою зацепили как-то в Анадырь-реке красную рыбку. Оценили. Много-таки её попало, а до плана по перевыполнению плана всего-то несколько тонн можно, и ни хвоста больше. Тогда скоренько тлг в Москву: «Помогите, мол, чем можете...», да на уикенд нарвались... Ждали-ждали и дождались-таки отголоска: тащите, мол, свой невод, но в пределах лимитов. Встряхнули се-

ти, и поплыли многие тонны по течению вниз пузом вверх. А на Камчатке орган моего обоняния уже в этом веке пострадал от смрада. Тогда объёмы допустимого улова опустели нам по формулам НИИ с пэтэушным качеством, и скандал замахорился. Что «льзя» ловить – отловили, а дальне не «льзя». Цеха стоят. У браконьеров лоснятся морды, и каплет со щёк жир. Икру дербанят напропалую, а рыбку в лесок за пенёк и молчок. В небесах то там, то сям подобные НЛО левые рейсы. Губернатор живёт в кабинете, потому что если на Камчатке уже 18, то в Москве лишь 9.00. Рыбаки и ихтиологи в траурных мыслях о том, что лососёвые стада попросту передавят друг друга, а у их начальников нецензурные выражения лиц. На перекрёстках бесплатная раздача рыбы социально незащищённым гражданам, восторг пенсионеров, перекупщиков и асоциальных элементов. Меж делом инспектора вяжут мужиков, поймавших где-то вместо десятка рыбин по двадцать, радостно сочиняют протоколы и сдают самых непокорных в милицию... Делишки это мелкие такие, если не назвать малюсенькие.

Царапнем такую тему. В нашей истории Рыболовство было и дочуркой, и падчерицей, и комитетом, и министерством, и «гос», и «рос». Так где же воз? Возможно, в колесах вечного ребрендинга или в потоках неутолимой

жажды к новизне. Нам не суть важно найти на аллее звёзд рыбных генералов лучшего, худшего или крайнего. Лишь бы там оказались мудрые трудящиеся. И разочаровываемся... Хвостасто-жабристая контора оказывается скользкой и невезучей, инфантильной или никчёмной. (По слухам, естественно.) Не по слухам была бы она всероссийской прачечной или партией подлинных ценителей пива, то отмыть и простирнуть можно даже у ИП, а найти пива вагон даже без партбилета «ЕдРо». На дальних же окраинах о хвострыболовстве (вдруг снова ребрендинг) бубнят как о центре управления откатами, доходном месте хреновых людей, средоточии ненасытных и безразличных к рыбацким страданиям коррупционеров.

Но басням паспортов не выдают, поэтому заглянем в газеты и кладезь народной мудрости. «Попасть в переплёт» – очутиться в ловушке, сплетённой из лозы. Помните, как аборигены рыбачили? В переплёт попадает помощник главы Росрыболовства по подозрению в вымогательстве \$250000 за гарантию победы в лососёвом тендере. Попадают в переплёт и в тюрьму один из начальников этой синектуры, затем заместитель начальника, горит на взятке \$3 700000 другой бывший заместитель, съезжает в колонию директором НИИ рыбхоза, с трудом отбивается от ката-

лажки ещё один вождь и ещё один зам. Опасная, оказывается, эта примитивная снасть. Так и гадай, кому же удастся уползти по собственному желанию, а кто залетит в СИЗО или на нары? И кому же, как не этим спецам знать лучше других устройство переплёта, закидушки, дрефтера, сейнера или траулера? Так нет, влетают! Сколько их не «засыпалось» – сиреневый туман. Среди коряг рыба легко сходит с крючка или обрывает леску. В чистой воде это редкость. В народе так и говорят: «Надо *нечто* выводить на чистую воду». Есть другие проверенные временем формулы: как ловить *нечто* в мутной воде или про чертей из тихого омута. Любопытнее фантазии на тему природы переплётов.

Попурри. В таких делах у нас торчит бесконечная нацзабава: брать вожака из тех делов, где ни поплавка, ни чешуи. Годятся шахтёры, монтеры, коммунальщики, педагоги и другие полиглоты. Такие тт., конечно же, должны были там отличиться, т.е. быть «отличниками» по заготовке ли рогов и копыт, продвижению ли на африканский рынок валенок, насыщению ли японского – отечественными калькуляторами, либо на другом хитроумном участке нашего прорыва. (Образность из фольклора добавлена.) Но ладно бы они чему-то настойчиво учились. Президент Медведев недавно и мудро советовал своему

народу: «Или учитесь, или до свиданья». Видимо, не весь его народ завет слышал, а рыбаки пашут по старым правилам. Что надоело? Надоело, когда после церемониальных «Вестей» менеджер-зубр, ставши китом, по-хозяйски приводняется подле федеральной сковородки в апартаменты босса рыбы, моллюсков и ламинарий, считая, что знает всё. Надоело слышать, как рыбак поначалу заманивает к себе экзотическими бутербродами привычных к деликатесам акул пера и электроскатов электронных СМИ, подбрасывает им свежих кормов, сулит лямур-тужур и просит, дабы те правильно изображали идею о дураках, что ранее так хероватенько рулили рыбхозкомплексом. Разговор всегда о дураках, ввиду отсутствия в морях дорог и иных плоскостных сооружений и потому здесь всегда на беду меньше, чем по стране в целом.

Надоели дни пересменок, когда нью-топы в экстазе лобызают экраны, а их писчевещательные службы с глубоким убожеством хрюкают в чернильницы о запущенности и коррумпированности отдавшей отрасли и замшелых уймащах незавершёнки. Надоели сокровенные планы все на одно лицо. Понятны планы даже без глотка кофе с «Hennessy» для руководящего запаха: патрон, прицел, курок, victory! Они, как «Комсомольская правда» или «Собеседник» эпохи перестройки:

«Каждой рыбе по прилавку!», «Каждому рыбаку по инспектору!», «Каждому прилавку по рыбе!», «Каждому инспектору по рыбаку!», «Рыба ждёт!», «Рыба зовёт!», «Рыба не ждёт!» «Рыба заждалась, вы зажрались!» или по-доминианскому: «Р-р-рыба! ...кости на стол!». Надоели инерционно летящие кости, смахивающие на продукцию от салонов ЖБИ, где бетон заместили льдом.

Бывает, иногда в растерянности нечаянно соглашаешься, что ещё намерены белохлебномасленную синектуру доводить до ручки воистину неталантливые люди и что наступил таки момент истины. Проходит время. И?.. В магазинах лёд, на ценниках пламень, в пору наказать в семье, а то и в стране: «Рыбу – не брать!», «Писаному – не верить!» Но сочиняются новые сказки, с них ведь пошлин не берут, тарифов на них нет, да и выдумывают их, конечно, лишь только из любви к профессии. Они о вредителях, но не о тле, не о долгоносике, не о колорадском жуке (там всё о'кей). Они о пограничнике Мухтаре, о рыбаке Васке, о железнодорожнике Вовке и продавщице Зинке особенно. Можно бы и о непрофессионализме сказку загнуть, да и кого-то ещё вспомнить. Но этот «изм», как говорят сатирики, всегда рядом с клиническим идиотизмом, а это уже Минздрав, где только предупреждают. Повинны те, кто ловит, охраняет,

везёт, продаёт... « Попрошу факт продажи родины зафиксировать в протоколе» – ещё не заявлено, классику пока не трогали. В «Гараже» Э.Рязанова зам. директора НИИ «Охраны животных от окружающей среды» такой протокол очень строго требовала... А у нас снова знакомый интерьер и сковородка. Но кашевар новый. Старый, как и в футболе: вместе с командой он сделал всё, что мог, но продуд, как обычно, и пролетел мимо чемпионата мира. Они с командой не сделали того, чего никогда и не умели делать, т.е. выигрывать. Наступит новая эра тим-билдинга, и к новому подтянутся энергичные и кривые да свои подносчики боеприпасов. Пересменка взлохматит даже тех, кто сидит на таких же кривоногих табуретках: секретарш, консультантов и другой мелюзги с никчёмными, как у гибдэдэшников, зарплатами и широкими возможностями... На чужих ошибках продолжают учёбу умные люди. Мы как всегда. Обеспечим поддержку отечественного производителя.

Фантазии. Лучезарный наш Владимир Ильич, славившийся точностью формул, замечал, что один дурак способен задать столько вопросов, что и ста умникам не ответить. Правда, наш Иванушка-дурачок всегда умным парнем считался. И неважно от кого – вопросов тыща. Примером, о курсе развития рыболовецкого флота. Курс вроде есть, и может

быть, даже ФЦП имеются. Но придумывают люди о курсе страшилки разные, а то и письма сочиняют. Как пощупать, назовём условно, *сознательную* флотскую политику, если износ Дальневосточного рыболовецкого флота в части, касающейся двух тысяч судов, приближается к 70 процентам. «В Охотском море рыбаки терпят бедствие. Судно потеряло ход, захлестнуло волной, получило пробоину...», – знакомые слова из телевизора. Не так ли? Суда из б. советского хозяйства давно держатся на таблетках и заплатках. Чего же удивляться тому, что рыбаки гонят «кругляк» ценой 400 долларов за тонну, китайцы – в два, а норвежцы – в четыре раза больше? Есть подозрение, что вскоре эти пароходы будут давать только фигу с маслом. Известны и трогательные инициативы скинуть обновление флота на частников, что без длинных и выгодных кредитов утопично. Что тут не ясно? Проще купить «страховочные» акты, заключения и экспертизы и выжимать из уставшего металла последние л/с и графены в борьбе за тонны, легко конвертируемые в доллары и йены, с мечтой о рентабельности середины прошлого века.

Однажды в аэропорту познакомился с умным человеком по имени Алексей. Встречал поздравившихся коллег, а человек сбоку от компании сахалинцев грезил возвращением

в Южно-Сахалинск. Его земляки крепко прощались с Москвой, отмечали грядущее восхождение на трап и волнительное знакомство со стюардессами, а человек просто писал и подсчитывал убытки. Разговорились. Представилось, что такого склада людей А.П. Чехов на Сахалине называл «надёжным хорошим элементом». Вспоминая речи случайного знакомого, не удивляюсь демаршу и призыву сахалинцев навести порядок в рыболовецкой отрасли и отправить на другую работу очередного главу Росрыболовства. «На протяжении нескольких лет, – написали они, – проблемы отрасли не решаются. О них лишь говорится. Будь то строительство флота, развитие прибрежного рыболовства или распределение квот. Любая программа, любые начинания – это схема по отъему денег у бизнеса. Решения власти непредсказуемы и нелогичны. Рыба гниет с головы...». «Руководство агентства, – продолжают островитяне, – настаивает на строительстве нового флота, разрабатывает программы и т.д., в то время как самый современный флот уже более года стоит на приколе в иностранных портах, а 1,5 тыс. квалифицированных рыбаков остаются без работы». Рассуждения рыбаков вызывают доверие, хотя здесь полно и других мнений. А речь о 27 судах, построенных на кредит немецкого банка KfW под гарантии

родного правительства 90-х гг., о современных правилах «игры», заведших флот в искусственный офсайд. О флоте, находящемся под иностранной юрисдикцией и более десяти лет управляемом нашими компаниями с российскими экипажами на бортах.

Представьте, потребовали от вас из района привести сельскую девчачью команду по кёрлингу. Собрали вы всех порядочных девчат, да ещё и камни из-под коровника вытащили, отшлифовали их и в райцентр припёрлись. А вам ехидно заявляют: состязание будет по боксу среди трезвых пацанов, а спортсменов на построение. То же и с правилами «игры» для рыбаков. Над ними в Москве вечно колдуют, но результаты этого столь чудесят, что и шаман предсказать не возьмётся. А рыбакам, какое дело к тому, кто виноват?

На чужом блюде. В 1926 году рыцари плаща и кинжала Камчатки возгордились своим первенцем морской погранохраны, парусно-моторным вельботом «Чекист», отобранным у доморощенных контрабандистов братьев Орлинских. За истекший период патрульно-пограничный флот здесь вырос в десятки раз. Это впечатляет ровно до тех пор, пока не уяснишь, что на камчатских зеркальных полянах обычно и одновременно «выпасаются» от 200 до 500 судов. Другая сторона медали за отвагу на рыбалке сияет мастерст-

вом браконьеров. К ним приходит удача, когда удаётся увернуться от морских чекистов, подставить им для досмотра промысловика с незначительными «косяками» или совсем без оных и тем замылить свои аномалии. Можно просто пограбить сутки-двое, тут же добычу за бугор и гуляй дальше уже в другом районе промысла. Хорошо зарекомендовали себя «подпольные» сходки с разношерстно оформленными судами в территориальном море, исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе России. Здесь тоже можно проскочить мимо пограничников и таможни или перегрузить рыбу, например, на суда под удобными или «палёными» флагами, отправить её «дяде» быстроходными судами либо выждать скверную погоду и рискнуть без борзых и резвых.

Теперь у браконьеров полно таких бортов, за которыми пограничникам не угнаться. Дельцы от рыбы вычисляют каждый чужой чих средствами радиолокационного обнаружения и легко избегают ненужных встреч. Погранцам же прописана масса задач, и одно дело прописать, другое – обеспечить необходимым... В общем, получается, что мужиков за перелов десятка хвостов мы всегда поймаем, а на высокотехнологическую фальсификацию и сокрытие остроты зубов не хватает. В этих условиях вряд ли следует валить все на

пасти на зелёную фуражку, закидывать обидами Минпромторг или тиранить СМИ кошмарными сновидениями о будущем спецназа Росрыболовства. Нужны действия, обеспеченные финансированием. Разумеется, что здесь всех собак и на Росрыболовство не навесить. Как и не стоит удивляться, что рыба, добытая в Западно-Беринговоморской, Северокурильской или Южно-Курильской подзонах, в китайской или корейской упаковке оказывается на Нижегородском прилавке. Взгляните, сколько мы импортируем минтая, лососей, сельди, кальмаров или креветок – ровно, сколько же от нас и везут.

Охрана ресурсов, их добыча, транспортировка и переработка всегда в одной цепи. Знаком со многими людьми, умеющими делать превосходную продукцию даже на «металлоломе». Сравнивая оборудование некоторых производственных цехов с тем, что стоит на бербоут-чартерных ярусоловах ЗАО «Акрос», например, начинаешь соображать, что модернизация – это не про нас, а преимущество наше бесспорно лишь в чугунном литье и эксклюзивной маслёнке ручной работы. Страсть к вывозу сырца имеет и другие грани. Помнится, как тонну мазута в Ангарске Камчатка брала за 4 тысячи рублей, 240 отдала за её перевозку по железной дороге, 85 – за перевалку в Находке, за фрахт – ещё 600,

что в структуре тарифов превышало 60 процентов. Цифры устарели, но вряд ли цены рухнули. Корабельное топливо, затраченное на добычу одной тонны морепродуктов, поглощает до 70 процентов стоимости рыбы. У соседей флот экономичней, тарифная политика гибче и эти затраты в разы скромнее. Будем бесконечно суммировать рубли за энергоносители на борту и на производство 1 туб (тысячи условных банок) алоторской селёдки или дешевой горбуши на берегу, переводить в тонны и кубические метры, добавлять рубли РЖД за доставку банок в барскую Москву, богемный Питер или оттопыривающуюся от сытой полудрёмы Европу и плюсовать сюда торговлю. На конце подумаем да и сбавим свой улов «дядьке» в кимоно типа Котобуки.

Есть тьма и других «почему». В признании доказательством браконьерства материалов госмониторинга или в либерализации правил вывоза рыбы и продуктов переработки для «правильных» рыбаков. Не случайно камчатцы говорят: что бы ты ни сделал, всё равно будешь либо великим комбинатором, либо мелким воришкой Альхеном. Или почему КоАП РФ в отношении полномочий органов рыбоохраны так малопоколемим и неповоротлив? Ударный труд депутатов всегда умиляет своей нервической активностью в

сфере деятельности ГИБДД, где результаты сравнимы лишь со стараниями ансамбля песни и пляски с однотипной проблемой у каждого отдельного танцора. Мечты и новации обращаются в новые виды спорта, а логика положений Налогового кодекса по ставкам сбора за пользование ресурсными объектами и поставку сырья на российский берег нелогична. Народ думает: «Чей берег, того и рыба», а видит, что «Хороша рыба, да на чужом блюде»...

Брателло и мерлуза. На географическом атласе планеты легко угадать наше Отечество или найти имена мореплавателей, подтверждающие славные дела России. Примерные контуры 13 миллионов квадратных километров российской исключительной экономической зоны и континентального шельфа распознать труднее. Координаты «победы» российской дипломатии в битве Шеварднадзе с Беккером 1990 года, когда российская 200-мильная зона «усохла» – знают только рыбаки и геологи. О том, что материя бесследно не исчезает, известно всем: соседские уголья расширились до 220–230 миль. Образовался чёрный многогранник. И жгут его вождельными взорами рыбаки со страстью футуристов к «Чёрному квадрату» К.С. Малевича. Байки о том, что Соглашение противоречит Конвенции ООН и не имеет правовой

силы, им по бубну. Ежегодная потеря 150000 тонн рыбы и действия сил БОХР США по ревностному исполнению не ратифицированного Россией документа – нет. Хватает и других рыбацких вопросов к странам АТР, но есть подозрение, что здесь у нас недурственно получаются лишь обмены опытом с фуршетам и парадные походы кораблей с банкетам. В защите экономических интересов, в борьбе с преступлениями на море складывается впечатление, что что-то не складывается. Да и какой же, допустим, японский чиновник будет стремиться к тому, чтобы у них на прилавках было меньше крабов или минтая? Здесь уже методика чапаевского анекдота: «Я пью чай, садись – пей чай. Я кушаю курочку, садись – пей чай». Трудно делать выводы, опираясь на газеты, а потому это и не выводы.

Есть более приземлённые вопросы, как передача лимитов береговым градообразующим рыбопереработчикам. Понятно, что без взлёта туризма рыбная отрасль на Камчатке будет основой. При нынешних темпах до туризма вечность, а налоги могли бы уже сегодня вырвать из реанимации районные бюджеты и обеспечить занятость населения. Расширение диапазона прав прибрежных краёв и областей в организации промысла, в распределении квот на вылов, в проведении

конкурсов, в оперативном регулировании добычи тоже вопрос. На Камчатке вода перемещается в пятнадцати тысячах рек, плещется в 100000 (!) озёр, где водится то, о чём мало кто слыхивал. Знаем ли мы свою мальму, камчатского хариуса или сёмгу, кунджу, микижу, лосось Сима? Что делать, чтобы не уничтожить популяцию той рыбы, где нет норм общих допустимых уловов? Или морской вопрос потребителю: «Какой палтус вы больше любите: белокорый, синекорый или стрелозубый азиатский? Какая камбала вам больше по душе – хоботная берингоморская, желтопёрная, двухлинейная, четырёхбугорчатая или звездчатая?..» Задумываясь над ответом, вы, быть может, с удивлением заметите на ценниках непривычные фамилии: нататенья, гренадёр, брателло, телария, сайды, королевская дора или анчоусы с барабулькой на конце полки, возможно, в импортной банке. Это тоже собирательные образы. С досадой вспоминается время, когда губернатор Камчатки высылал своего ужасно далёкого от рыбы замгубернатора по рыбе в аргентино-чилийское турне для поиска «поляны» камчатским рыбакам. Лучше бы уж отправил Чистякова в Японию или США или вглубь полуострова. И бюджету легче, и выяснил бы тот, может, что японцы и североамериканцы по рыболовным заводам переплю-

нули на порядок всю Россию. Понял бы, кто из нас умнее и почему. Что разводить, кого спасать, куда инвестиции, кому гарантии, где взять, чем стимулировать, как обеспечить права... А так покатался, да и ладно.

Всё будет хорошо? К маю Камчатка, подобно приземляющемуся лайнеру, заходит на форму. Децибелы о надобности качественного проведения рыбалки вылетают за шкалу, а градус неразберихи с прогнозами науки и сроками путины, участками лова и лицензиями, хорошими и плохими ЗАО, ООО и ОАО, лимитами и объёмами – в апогей. Наливаются весом апелляции и перекрёстные жалобы, и доносы в Москву. Такие дни мне запомнились громогласными заявами губернатора Камчатки о неустанной заботе о людях, кулурарной болтовнёй о поборах в партийную кассу комобъединения «Товарищ» и светлой верой власти в непогрешимость партиячейки рыбколхоза им. В.И. Ленина. В уголках памяти остались скандальные заседания и сомнительные решения Камчатского рыбохозяйственного совета, лоскутья гоньбы неподатливого «Океанрыбфлота», «Акроса», взбеленных юрлиц и физлиц, одураченных рыбаков, забытых ительменов и эскимосов, жалобы и пикеты и статейки мудрецов: «Будет ещё лучше!» Сначала будет майская чавыча, затем – нерка, корюшка, кета, горбуша, голец и кунд-

жа. Кижуч – в августе. С мая и по август – напыщенные и многоголосые комиссии, инспекции, ревизии, инвентаризации, выездные круглые столы, секции от столов и симпозиумы от секций. Затем интерес к Камчатке падает, как лист каменной берёзы, хотя и минтай, и палтус, и селёdochка у нас обалдены и ещё будут. До конца года они ещё приплывут на полюс российских контрастов с ориентированными на запад потоками налогов в бюджет и миграции экономически активного населения...

Наверное, сейчас на Камчатке ломают головы над поручением премьер-министра по поиску примет коренных малочисленных народов Севера, ввиду притязаний тех на непомерные преференции в рыбалке. Проблемой сильно озаботился сам господин Крайний: много просят и даже требуют. Но крайняя администрация здесь не попадёт в переплёт. В.В. Путин ведь лично попросил не записывать его в коряки, сообщив о своей национальности и наличии подтверждающего документа. Такая просьба – сильнее приказа командира. Был бы он коряком или алеутом, заплясали бы все, а все алеуты и коряки получили бы рыбу...

Вспоминается сказка коренной северянки Жанны Долган о Кутхе, что объелся мухоморов и заснул. Естественно, что в отсутствие

главного божества началась неразбериха. Огромный лось принялся запугивать зверей. Выручила маленькая птичка, которая ввиду своей юркости так замучила великана, что тот сбежал. Хотелось бы, чтобы государство никого не обидело. Важно, чтобы после пробуждения Кутха лось вёл себя прилично... Опасная затея в памятку об эксплуатации спиннинга вводить раздел «национальность». Пусть на Камчатке всем будет хорошо и мудро...

ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ КУДА ПЛЫВЁТ ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Когда с Камчатки уплывёт самая последняя Золотая рыбка, люди поймут, что здесь уже ловить нечего, хотя останется ещё, допустим, терпуг – он на солнышке золотистый, как и лосось. Но рыболовецкому флоту всё равно придётся уплыть туда, например, под чьим флагом или с чьим экипажем он гуляет сегодня. Разъедутся по чужеземным ранчо современные «рыцари удачи», а их бывшие менеджеры уйдут на покой либо подадутся в Калининград и Мурманск. Все их любовницы вспомнят о специальностях по первому диплому и бросятся в реальный сектор делопроизводства, образование или культуру. Культура поднимется. Рыбацкие конторы обернутся офисами горняцких артелей, так как многие господа и давно уже на шельф и недра Камчатки облизываются, точно на швейцарский сыр в вологодском масле. Общежития получают по три звезды каждое – для бытия концессионеров и других поклонников Визбора и гита-

ры. Количество убыточных и малокомплектных школ, как этого и требует Минобразин, уменьшится. На их базе расцветут пристанища для вахтовиков Кузбасса, Донбасса, Тюмени и Магнитки. Для престижа этим прибежищам тоже дадут по две звёздочки, и у вахтовиков возрастут расходы на съём койко-мест, но рублей и для этого хватит. Это станет сказочной промзоной нашей страны.

Какое-то время мы ещё помечтаем о том, что газопровод принесёт нам счастье, но быстро поймём, что не в газе счастье. Другие мечты свяжем с широтой Авачинской губы и её возможностями поместить в своей акватории весь морфлот мира. Мы будем рассказывать всем, что выведем наш порт на уровень Роттердамского монстра, а порт вытащит из гнилого болота город, и город станет не хуже Херсона или Марселя. Потом кто-то прочтёт и расскажет всем, что через Роттердам проплывает 300 миллионов тонн грузов в год, а через все дальневосточные порты России в 15 раз меньше. Те, кому тот умный расскажет о прочитанном, поймут, что таких рынков сбыта, как в Европе, у нас нет, что из Камчатки везти нечего, а на Камчатку некому. Весь морфлот мира к нам не придёт. И счастье снова не наступит...

Но мы плакать не будем и смело возьмёмся за туризм. Мы сравним нашу Камчатку с Ис-

ландией, хоть та и меньше нас по площади в 4 раза, а по вулканам в 2. Всё-таки гейзеров и горячих источников у нас с ними поровну. Мы даже высчитаем в столбик, что в Исландию ежегодно приезжает туристов в 100 раз больше, чем на Камчатку, и задумаем догнать и перегнать эту мелкую Исландию. Потом стукнем себя в лоб все разом (т.е. синхронно, как в парном фигурном катании) и вспомним, что все наши дороги, гостиницы и сфера услуг отданы рудознателям: шахтёрам, проходчикам разным, бульдозеристам и геологам. И какого же лешего туристам ехать, если у нас даже медведь в курилку уже не ходит, потому что он в ней живёт? – подумаем мы опять синхронно.

А потом мы займёмся в этой самой сказочной промзоне страны сказками. Для этого удобно устроимся у буржуйки или печки (камина, мартена, тандыра, вагранки, ватержакета, бакелизатора, газовой горелки или даже на худой конец – у батареи) и будем рассказывать детям сказки. Выберем такие, где человечки и покемоны, обладающие хорошими качествами и привычками, побеждают плохих людишек, покемониц и подлых зверушек, толкущихся рядом с хорошими и завидующих, сплетничающих и всеми силами пакостничающих им. Поскольку большинство мордочек в сказках милые, мы не будем уточнять, а детишкам рассказывать, что от-

важный комарик или брюнетистая пантерка – не безгрешны. Не скажем, например, как Багира спасла Маугли. То, что она расплатилась за человеческого детёныша тушей бычка, а как из бычка получилась туша – так какое деткам дело? Была ли Муха-Цокотуха мухой обыкновенной или мясной и как там наш комар относительно малярии или других санитарно-эпидемиологических особенностей в жизни членистоногих двукрылых насекомых. Ерунда. Герои и всё, объективная целесообразность у нас исторически такая...

Напоследок (о братьях наших меньших) мы ещё поразмышляем о Мурке и мышонке. (Размышлять будем в уме, пока малыши Багиру рисуют.) Как Мурка играет с мышонком – известно не только по догонялкам. Чаше Мурка не торопится отвесть свеженины: отпустит пойманного мышонка, даст ему отбежать, затем снова прикроет лапкой и попридержит. Зверушка не теряет надежды удрать, но остаётся там, где запятая из «казнить-помиловать» может капнуть в любое место строки. «Пространство, которым распоряжается кошка, – писал в книге «Масса и Власть» Э.Канетти, – мгновения надежды, которые она даст мышам, но под строжайшим надзором, не теряя интереса к ней и к её умерщвлению, всё это вместе: пространство, надеж-

да, надзор и заинтересованность в умерщвлении можно назвать сущностью власти или самой властью». Элиас Канетти не классик м.-л. и не футболист «Зенита», поэтому известен не всем. За его плечами лишь Нобелевская премия и серия романов о человеческом безумии, где фантастические и демонические события напоминают нам о знакомых школьных лет Гоголе и Достоевском. Канетти пишет о природе власти, а в той цитате – о её протяжённости. Размышления автора тоже не о власти. Они о Камчатке и камчатцах, прародители которых стойко пережили межэтнические кровавые конфликты и бессмысленные войны с первопроходцами-казаками за право жить на этой земле, выжили в эпидемиях и голоде, выстояли против цунами и землетрясений... О земле, где живут олицетворяющие собой единство удивительных разностей люди.

Прошло более трёх веков с тех пор, когда купцы и первопроходцы, казаки и беглые уголовники, мелкие дельцы и прожжённые авантюристы прошли по Евразии и «застолбили» новые земли. Государство закрывало глаза на их «художества» и давало свободу «творчеству», а затем догоняло постановлениями Сената, законами и устанавливало свои правила. Так они добежали до Камчатки и сели, потому что дальше толпой не прорваться.

На Камчатке множество ярких харизматичных руководителей, отличных учителей, врачей, рыбаков, энергетиков и др. Они привлекают к себе внимание разумом и глубоким пониманием окружающей действительности. Но происходящие здесь дела преследуют признаки нарушенных симпатий даже не к отдельным «плохим» людям, но и ко всей Камчатке и её столице. Реальные отношения человека и природы перетекают в мысли об отношениях обезьяны с очками или с гранатой. Всё это видится в звенящей временщине, безысходности, непричастности и безразличии. Потому что «у нас всё нормально и так было всегда»: ржавые торцы пятиэтажек и кривые бараки, баннеры из застиранного белья на тросах и блоках междомья проспектов и улиц, свалки с тучами воронья над ними, трупы заржавленных кораблей и батальоны крыс... У маляра кончилась краска, потому кусок стены второго этажа докрасил другой; банк подумал, как бы укрепить позиции, и повесил свою «визитку» с «портретом» и указателем «100 метров» на стойку «Проезд запрещён»; землекоп яму выкопал, установил панно с именем своего шефа и забыл, что хотел дальше. Косарь всего лишь размахнулся косой, потому что дальше, во-первых, обед, потом перекур, а во-вторых – местные подвиги и глупости здесь живут под одной крышей и брендом сева'йвал

хо'ррор¹ и незавершённости. Как у Э.Канетти или Ф.Достоевского.

Одни добежали, другие выжили, слава Богу, не дерёмся, переженились, породнились или просто зафрендовали друг друга и успокоились. Сидим на берегу Тихого океана, размышляем, куда бы ещё сбегать, а у кошки и зрение что-то сдаёт, да и годы берут своё... У мышек анабиоз, к которому вослед за временщицеством придумана специальная вера в «счастье отложенной жизни» (заработаю – уеду – заживу).

Здесь всё такое мелкое и субъективное, что может и не совпасть с мнением историков, аналитиков и публицистов. Оттого все образы простых людей труда действительные, а руководителей – собирательные. А потому по собирательным героям любые совпадения, вплоть до фамилий, имён и отчеств, не более чем досадные случайности. Об этом даже самому себе сказать смешно, да грех утаить.

¹ Survival horror (англ) – ужас выживания.

Содержание

Об авторе и его книге3

DOROГА ТОЧКА RU

Глава I. До Бога высоко, до царя далеко7

Глава II. Чёрный Бим белое ухо22

Глава III. О традициях северного
гостеприимства45

Глава IV. Nec plus ultra72

Глава V. Губа не дура95

ПРО РЕВОЛЮЦИЮ

Экипаж опельмованных публично111

Граф Толстой130

От берегов Темзы до Камчатки151

КАМЧАТСКИЕ СТРАСТИ

Медведь в курилке167

Post factum в лучах Френеля183

Земля и воля199

Рекламная пауза216

Когда служил аборигеном236

Девочки, идите кушать...257

Дефицит фельдшеров282

Послесловие, или Куда плывёт

золотая рыбка311

Георгий ДЗЮБА

МЕДВЕДЬ В КУРИКЕ

Директор издательства – Виктор КАШЛЕВ
Дизайн и вёрстка – Алексей СЕМУШИН
Корректор – Дарья МЕЛЬНИК

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 04220 выдана 12 марта 2001 года

Подписано в печать 21 февраля 2011 г.
Формат 60х90 1/32
Печать офсетная. Бумага офс. Печ. л. 10
Тираж 1000 экз. Заказ № 4475.

Концерн «Литературная Россия»
127051, Москва, Цветной бульвар, 32, стр. 3.
Тел. 694-23-24

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский
комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86.

9 785780 901426